

Сборник научных статей
по итогам работы
Международного научного форума

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Москва 2026



Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы
Международного научного форума
**НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Москва, 2026

УДК 330

ББК 65

С56



Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (г. Москва, 12 февраля 2026 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 118 с.

У67

DOI 10.34660/INF.2026.16.54.008

Сборник материалов включает в себя доклады российских и зарубежных участников, предметом обсуждения которых стали научные тенденции развития, новые научные и прикладные решения в различных областях науки.

Предназначено для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов вузов, государственных и муниципальных служащих.

УДК 330

ББК 65

DOI 10.34660/INF.2026.16.54.008

© Издательство Инфинити, 2026

© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

- Организация оказания онкологической помощи больным с гепатоцеллюлярной карциномой в области Жетысу
Умирбаев Мадияр Аманкелдыевич, Кульжанов Максут Каримович, Арыбжанов Дауранбек Турсункулович 7
- Результаты регионарной химиотерапии и трансартериальной химиоэмболизации метастазов в печень у больных раком желудка
Уралбаев Данияр Оразбекович, Кульжанов Максут Каримович, Арыбжанов Дауранбек Турсункулович 15
- Менеджмент в лечении гепатоцеллюлярной карциномы в современных условиях медицины (Обзор литературы)
Умирбаев Мадияр Аманкелдыевич 22

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

- SEO-оптимизации сайта организации
Лугуева Диана Витальевна 33

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Эволюция, сущность и содержание концепции корпоративной социальной ответственности
Буко Инна Вацлавовна, Золотарева Ольга Александровна 37
- Экономическая модернизация: из прошлого в будущее
Солодилов Анатолий Васильевич, Бруз Владимир Виленович 49
- Стратегические приоритеты развития молодёжного предпринимательства в Красноярском крае
Калгина Милана Евгеньевна 53

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ответственность за преступления против чести и достоинства личности по уголовному законодательству России советского периода
Нуждова Дарья Андреевна 58

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Особенности становления педагога-профессионала в цифровой образовательной среде
Грохольская Ольга Глебовна 63
- К вопросу о формировании коммуникативной компетенции студентов на английском языке средствами деловой игры
Пьянкова Татьяна Валерьевна 71
- Морфология и мифология открытого урока проволочной скульптуры
Демкова Ольга Александровна, Косполова Наталья Эмильевна 77
- Традиционные и современные методы обучения буквам в период обучения грамоте
Тасбулатова Назерке Уразгалиевна, Бакытжан Акерке 81

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Татары в полиэтническом мире
Хайруллин Гриф Тимурзагитович 87
- Сотрудничество России и Таджикистана в борьбе с международным терроризмом
Евневич Всеволод Владиславович 95

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Вагаси, ёгаси и шоколад: пути формирования японской сладкой культуры
Никитина Лидия Владимировна 109

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Синтез социальных и эстетических факторов в критическом суждении
Аббасова Сальмина Гидаят кызы 112

DOI 10.34660/INF.2026.17.12.130

ОРГАНИЗАЦИЯ ОКАЗАНИЯ ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ С ГЕПАТОЦЕЛЛЮЛЯРНОЙ КАРЦИНОМОЙ В ОБЛАСТИ ЖЕТЫСУ

Умирбаев Мадияр Аманкелдыевич

директор

ГКП на ПХВ «Областная многопрофильная клиника»

УЗ области Жетысу,

г. Талдыкорган, Казахстан

Кульжанов Максут Каримович

доктор медицинских наук, профессор, президент

ОО «Республиканская Медицинская Палата»

Арыбжанов Дауранбек Турсункулович

кандидат медицинских наук, профессор, заместитель директора

по лечебной работе

ГКП на ПХВ «Областная многопрофильная клиника»

УЗ области Жетысу,

г. Талдыкорган, Казахстан

По данным ВОЗ, ежегодно в мире выявляется более 850 000 новых случаев злокачественных опухолей печени и умирает в течение года около 350 тыс. человек. Гепатоцеллюлярная карцинома (ГЦК) составляет более 90% от всех опухолей печени. По заболеваемости в Мировом масштабе раком печени у мужчин занимает пятое место после рака легкого, рака желудка, рака предстательной железы и рака толстой кишки, составляет 13,06 случаев на 100 тысяч человек. У женщин рак печени занимает восьмое место после рака молочной железы, рака шейки матки, рака толстой кишки, рака легкого, рака желудка, рака яичников и рака тела матки составляя 5,52 на 100 тысяч человек (Yamamoto M., Chinburen J. at all., Вишневский В. А. с соавт., 2003; Патютко Ю. И. 2003; Блюм Х. Е., 2005). Заболеваемость ГЦК в России составляет 5,0 на 100000 человек, одногодичная летальность составляет 70,1%, пятилетняя выживаемость — 29,1%. Индекс ежегодного прироста составил 1,3. В I-II стадии процесса выявляется только у 9,8% больных, в III стадии — 23,6% больных, в IV стадии процесса выявляются 58,9% (Каприн А. Д., Старинский В. В., Петрова Г. В., 2016). По данным Казахского НИИ онкологии и радиологии МЗ РК в Республике Казахстан

заболеваемость ГЦК растет и на 2025 год зарегистрировано 850-870 первичных больных с ГЦК. По стадиям ГЦК в Казахстане в I-II стадии процесса выявляется только у 6,8% больных, в III стадии — 63,6% больных, в IV стадии процесса выявляются 29,6% от первичных больных. Интенсивность показателя заболеваемости составляет 5,6 случаев на 100000 населения. Анализ заболеваемости за последние 10 лет (с 2006 г.) показывает, что отмечается неуклонный рост заболеваемости ГЦК (если в 2008 г. по республике диагностирован ГЦК у 830 больных, то в 2012 г. 850 и в 2016 г. 870 больных). Наилучшим методом радикального лечения первичного гепатоцеллюлярного рака печени остается хирургическое лечение. Но многие больные на момент установления опухолевого заболевания печени признаются неоперабельными. У больных раком печени при первичном установлении диагноза провести радикальную операцию возможна всего лишь у 5-15% больных (Таразов П. Г., Гранов Д. А., 2016; Патютко Ю. И. с соавт., 2018; Bender C. E. et al., 2008; Sasson A. R., Sigurdson E. R., 2012; Shirabe K. et al., 2013). Повторное рецидивирование рака печени после операции на печени в период 3-х-5-ти лет наблюдается у 70-90% больных, из них повторные операции возможны только у 5-10% рецидивных пациентов (Таразов П. Г., Гранов Д. А., 2016; Togo S. et al., 2015). Возможности проведения системной химиотерапии, лекарственная терапия, локальные и дистанционные методы лучевой терапии малоэффективны, они не дают ожидаемых результатов и не позволяют продлить жизнь пациентов более чем на 1 год (Горбунова В. А., 2015; Guo W. J. et al., 2013; Kountouras J. et al., 2013). В настоящее время все больше применяются методы локального лечения с использованием интервенционной радиологии для лечения неоперабельного первичного и метастатического гепатоцеллюлярного рака печени, результаты такого лечения являются обнадеживающими (Давыдов М. И., Таразов П. Г., Гранов А. М. с соавт., 2014; Ahmad J. et al., 2015; Hosokawa A. et al., 2016). Учитывая все изложенные данные выше, актуальным является внедрение современных медико-организационных технологий в диагностике и лечении гепатоцеллюлярного рака печени на основе Европейских стандартов и изучение отдаленных результатов организации и оказания специализированной помощи больным с гепатоцеллюлярным раком печени в области Жетісу.

Цель исследования — разработка современных медико-организационных технологий диагностики и лечения гепатоцеллюлярного рака печени для улучшение результатов трех- и пятилетней выживаемости и качества жизни больных.

Материал и методы. В основу работы легли ретроспективные данные о 355 больных ГЦК взятых на диспансерный учет за период 2014-2024 г.г. по области Жетісу по данным ГКП на ПХВ «Областная многопрофильная клиника» УЗ области Жетісу г. Талдыкорган, РК. На основе диагностики

и лечения вышеуказанных пациентов проведен статистический анализ и прослежены интенсивные показатели заболеваемости, смертности, 5-летней выживаемости, полученные по данным ООД ЮКО.

Стадирование опухолевого процесса в нашем исследовании проводилось по системе TNM и Барселонской классификации (Barcelona classification of Liver cancer — BCLC, 4-й пересмотр, 2018) для пациентов с ГЦК, использование сразу двух классификаций объяснем тем, что классификация TNM при раке печени показывает размеры опухоли, ее взаимосвязь с окружающими её анатомическими структурами, местную (в лимфатические узлы по N) и отдаленную (отдаленные метастазы по M) распространенность, однако, по этой классификации мы не можем оценить функциональное состояние печени, которая может отличаться у разных больных, это можно оценить при использовании классификации BCLC, которая не только определяет стадию рака печени, но и учитывает функциональный класс печеночной функции по шкале Чайлд-Пью (Child-Pugh –CP).

Медико-социальные аспекты организации диагностики и лечения ГЦК по области Жетісу с 2014–2024 г.г. включали нижеследующее:

1. Изучен и распространен области Жетісу Международный опыт организации лечения больных с ГЦК: Университетской клиники Венского медицинского Университета (Австрия, декабрь 2009 г.); Монгольского национального центра рака (Улан-Батор, Монголия, август 2015 г.); Клиники Hopital Paul Brousse, центр ГБХ проф. Генри Бисмута (Париж, Франция, апрель-июнь 2016 г.).

2. Для распространения международного опыта организованы мастер-классы совместно с российскими и казахстанскими по внедрению новых методов лечения — химиоэмболизация опухоли печени, таргетная терапия (Сорафениб), радиочастотная абляция, иммуно-таргетная терапия, хирургические технологии резекции печени.

3. В области Жетісу разработан и внедрен алгоритм диагностики ГЦК для больных с опухолевой патологией печени с обязательным КТ ОБП с контрастным усилением, онкомаркеры АФП, РЭА, СА 19,9 (с 2014 г.).

4. На основе полученных результатов лабораторно-инструментальных методов исследования больных с ГЦК для выбора тактики лечения в области Жетісу производилась стратификация по классификации Барселонской клиники — BCLC (с 2014 г.).

5. Разработана учебная программа по современным методам диагностики и лечения больных с ГЦК и проведено обучение врачей ПМСП, онкологов и узких специалистов по области Жетісу (2021–2022 г.г.).

Для диагностики опухолевого процесса мы использовали стандартное обследование пациентов, обзорная рентгенография легких, электрокардиография, ультразвуковое исследование печени (УЗИ), компьютерная томография

печени с обязательным контрастным усилением, фиброгастродуоденоскопию (ФЭГДС), общеклинические анализы крови и мочи. Также всем пациентам проводили определение онкомаркеров крови — ракового эмбрионального антигена (РЭА), альфо-фетопротеина (АФП) и углеводного антигена (СА-19,9).

По уровню онкомаркеров в крови у пациентов с ГЦК нами отмечено, что у 45 (12,7%) больных уровень АФП не превышал доказательный для ГЦК пороговое значение 200 ЕД/мл. У 134 (37,7%) больных отмечен уровень АФП от 200 до 400 ЕД/мл, у 156 (44,0%) больных отмечен уровень АФП от 500 до 1000 ЕД/мл и только у 20 (5,6%) больных отмечен уровень АФП выше 1000 ЕД/мл. Как правило высокие уровни АФП 500, 1000 и свыше 1000 ЕД/мл отмечались у больных с инвазией опухоли в крупные внутривенечные сосуды или же при наличии опухолевого тромба в системе портальной и печеночных вен.

По данным КТ и УЗИ методов исследования солитарная опухоль была диагностирована в 185 (52,1%) случаев, многоузловая — в 170 (47,9%) случаев. Для оценки распространенности опухолевого процесса в самой печени использовали КТ-волюметрию, которая рассчитывалась по специальной программе на КТ аппарате. При оценке распространённости рака в печени установлено, что рак печени занимает не более 50% объема паренхимы печени у 318 (89,5%) больных. Цирроз и цирротические изменения паренхимы печени установлены в 192 (54,0%) случаев. Анализ изучения воротной вены по данным КТ и МРТ методов исследования показал, что в 18 (5,07%) случаях диагностирован тромбоз воротной вены.

Трансартериальную химиоэмболизацию (ТАСЕ) печеночной артерии делали устанавливая интрадьюссер и селективной катетеризации правой или левой ветви собственно печеночной артерии катетером Кобра 5F (Cordis), далее при возможности проводили суперселективную катетеризацию сосуда непосредственно питающую опухоль печени, для ТАСЕ использовали 50-100 мг доксорубицина с липиодолом (доксорубицин рассчитывается 25-30 мг/м²), после масляной эмболизации при наличии высокого кровотока в опухоли необходимо производить механическую доэмболизацию до значительной редуцированности собственно печеночной артерии с использованием гемостатической губки. Курсы ТАСЕ повторяли каждые 6-8 недель. Всем больным с ГЦК провели от 4 до 8 процедур ТАСЕ. После каждого курса ТАСЕ проводится оценка состояния больного спустя 6-8 недель и оценка опухолевого процесса путем проведения КТ с контрастированием, оценка эффективности лечения проводится по системе RESIST (при необходимости можно проводить волюметрию печени и опухоли для более полной оценки опухолевого процесса). В период 2014-2021 г.г. в клинике ОМК г. Талдыкорган пациенты с ГЦК получали в основном только таргетную терапию таб. Софафениб 800мг/сутки. Методы ТАСЕ, РЧА были внедрены в 2021 г. и 2022 г.

соответственно. Иммуно-таргетная терапия с применением схемы Атезолизумаб 1200мг в/в 1й день + Бевацициумаб 7,5мг/кг (курсы повторялись каждые 21 день) внедрен с конца 2023 г. Далее нами проанализирована группа пациентов получивших лечение с использованием современных технологий, таких как — ТАСЕ, РЧА и иммунотаргетной теарпии за период 2021-2024 г.г. За указанный период всего пролечено 145 больных с ГЦК, из них проведено ТАСЕ 133 больным, РЧА — 12 больным. Количество госпитализаций было 292 случаев. Среднее количество процедуры ТАХЭ на 1 больного составило 2,8-3,0. Далее нами были прослежены показатели смертности и выживаемости больных в динамике по годам с 2020 г. по 2024 г. (за 5 лет).

Результаты. Анализ полученных результатов показал, что годовичная летальность больных составила 3,4% в 2024 г. (2020 г. было 11,7%, показатель годовичной летальности снизился в 3,4 раза (рис. 1).

Показатели ГЦК по области Жетісу за 2020-2024 г.г. (5-лет)



* Отмечается снижение показателя смертности начиная 2024г. в 2,8 раза (от 3,1 до 1,1 на 100 тыс. населения) и годовичной летальности более чем в 3 раза, что связано с началом активного внедрения ТАХЭ и РЧА с 2021-2022 г.г.

Рисунок 1. Динамика показателя годовичной летальности больных с ГЦК по области Жетісу за 2020-2024 г.г. (5-лет)

Смертность больных с ГЦК составила 1,1 на 100тыс. населения в 2024 г. (2020 г. было 3,1 на 100 тыс. населения). Отмечается снижение показателя смертности (рис. 2). начиная 2024 г. в 2,8 раза (от 3,1 до 1,1 на 100 тыс. населения) и годовичной летальности более чем в 3 раза, что связано с началом активного внедрения ТАХЭ и РЧА с 2021-2022 г.г.

Показатели ГЦК по области Жетісу за 2020-2024 г.г. (5-лет)



* Отмечается снижение показателя смертности начиная 2024г. в 2,8 раза (от 3,1 до 1,1 на 100 тыс. населения) и одногодичной летальности более чем в 3 раза, что связано с началом активного внедрения ТАХЭ и РЧА с 2021-2022 г.г.

Рисунок 2. Динамика показателя смертности больных с ГЦК по области Жетісу за 2020-2024 г.г. (5-лет)

Показатель 5-летней выживаемости в 2024 г. составил 45,8% (в 2020 г. этот показатель был равен 30,7%). Болезненность в 2024 г. составила 6,8 на 100 тыс. населения (в 2020 г. этот показатель был равен 5,7). Начиная с 2024 г. отмечается тенденция к росту 5-летней выживаемости и увеличение болезненности среди больных с ГЦК с 2018-2019 г.г. что связано с началом активного внедрения ТАХЭ и РЧА с 2021-2022 г.г.

Выводы. Внедрение современных технологий лечения таких как, ТАХЭ и РЧА позволили улучшить непосредственные и отдаленные результаты лечения больных с ГЦК по области Жетісу:

1) Установлено снижение показателя смертности, начиная 2024 г. в 2,8 раза (от 3,1 до 1,1 на 100 тыс. населения) и одногодичной летальности более чем в 3 раза, что связано с началом активного внедрения ТАХЭ и РЧА с 2021-2022 г.г.

2) С 2024 г. отмечена тенденция к росту 5-летней выживаемости и увеличение болезненности среди больных с ГЦК с 2018-2019 г.г. что связано с началом активного внедрения ТАХЭ и РЧА с 2021-2022 г.г.

3) Указанные методы лечения ГЦК позволяют экономить от 2,5 до 10 кратного размера расходы бюджета при правильном подборе больных и организации службы интервенционной онкологии.

Литература

1. Давыдов М. И., Гранов А. М., Таразов П. Г., Гранов Д. А. и др. *Интервенционная радиология в онкологии (пути развития и технологии)* — СПб: Фолиант, — 2007-344с.
2. Гранов Д. А., Таразов П. Г. *Рентгеноэндоваскулярные вмешательства в лечении злокачественных опухолей печени.* — СПб: Фолиант, — 2002-284с.
3. Таразов П. Г. *Артериальная химиоинфузия в лечении нерезектабельных злокачественных опухолей печени (обзор литературы) //* *Вопр. онкол.* — 2000. — Т. 46, № 5. — С. 521-528.
4. Таразов П. Г. *Роль методов интервенционной радиологии в лечении больных с метастазами колоректального рака в печень //* *Практическая онкология.* — 2005. — Т. 6, № 2. — С. 119-126.
5. Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Кулакеев О. К., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. *Опыт чрескатетерной химиоэмболизации в лечении первичного рака печени //* *Мат. XVII международного конгресса хирургов-гепатологов Стран СНГ, Уфа, Анналы хирургической гепатологии, 2010, С. 8.*
6. Орманов Н. К., Арыбжанов Д. Т., Кулакеев О. К., Беседин Б. В. и др. *Рентгенэндоваскулярная химиоэмболизация в лечении первичного рака печени в Южном Казахстане //* *Мат. VI съезда онкологов и радиологов стран СНГ, 1-4 октября, 2010 г., Душанбе, С. 197-198.*
7. Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Кулакеев О. К., Жуматаев Ж. Ж., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. *Диагностика и лечение опухолевых поражений печени в Южном Казахстане //* *Медицинская визуализация, 2011, № 1, С. 28-33.*
8. Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. *Результаты лечения гепатоцеллюлярного рака с применением артериальной химиоэмболизации //* *Мат. научной конф. (с участием специалистов стран ближнего зарубежья) «Интервенционная радиология и сосудистая хирургия в онкологии», 20.X.2011 г. Санкт-Петербург, С. 11-12.*
9. Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. *Результаты лечения гепатоцеллюлярной карциномы (ГЦК) с применением рентгеноэндоваскулярной химиоэмболизации //* *Мат. IV конгресса хирургов Казахстана с международным участием «Новые технологии в хирургии», Алматы, 15-19 апреля 2013. Вестник хирургии Казахстана спец.вып.№ 1, 2013, С. 34-35.*
10. Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. *Современная диагностика и интервенционные методы лечения гепатоцеллюлярного рака печени //* *Астана Медициналық журналы, № 3, 2015, С. 162-168.*

11. Арыбжанов Д. Т., Умарова К. Р., Орманов Н. К., Беседин Б. В., Абдурахманов Б. А. *Современные стандарты лечения гепатоцеллюлярной карциномы* // *Диагностическая интервенционная радиология том 11, № 2, 2017.*
12. Арыбжанов Д. Т., Юсупов А. М., Суттибаева Р. С., Беседин Б. В. *Результаты таргетной терапии больных гепатоцеллюлярной карциномой* // *Онкология и радиология Казахстана, спец. выпуск 2017.*
13. Ганцев К. Ш., Арыбжанов Д. Т., Ганцев Ш. Х., Беседин Б. В. *Результаты рентгенэндоваскулярных методов лечения опухолевых поражений печени в Южном Казахстане* // *Креативная хирургия и онкология, Том 7, № 1, 2017.*
14. Беседин Б. В., К. Ш. Ганцев, Д. Т. Арыбжанов *Результаты рентгенэндоваскулярных методов лечения опухолевых поражений печени в Южном Казахстане* // *Вестник ЮКГФА, № 4 (77), том 2, 2016.*
15. Арыбжанов Д. Т., Умарова К. Р., Орманов Н. К., Беседин Б. В. *Современные стандарты лечения гепатоцеллюлярной карциномы* // *Диагностическая интервенционная радиология, том 11, № 2, 2017.*
16. Чинбурэн Ж., Арыбжанов Д. Т. *Хирургическое лечение гепатоцеллюлярного рака* // *Практическая онкология, Т. 20, № 3, 2019, С. 212-231.*
17. Bierman H. R., Miller E. R., Byron R. L. et al. *Intra-arterial catheterization of viscera in man* // *Amer. J. Roentgenol.* — 1951. -Vol. 66, N4. — P. 555-568.
18. Garcia M., et al. *American Cancer Society, 2007. Available from: <http://www.cancer.org/acs/groups/content/@nho/documents/document/globalfactsandfigures2007rev2p.pdf>. Accessed January 2011- P. 233-341.*
19. Chiba T., Tokuiye K., Matsuzaki Y. et al. *Proton beam therapy for hepatocellular carcinoma: A retrospective review of 162 patients* // *Clin. Cane. Res.* — 2005.- Vol. 11, N 10.- P. 3799-3805.
20. Gianturco C, Anderson J. H., Wallace S. *Mechanical devices for arterial occlusion* // *Amer. J. Roentgenol.* — 1975.-Vol. 124, N 3. — P. 428-435.
21. J.-K. Park, T. Kogure, G. J. Nuovo, J. Jiang, L. He, J. H. Kim, M. A. Phelps, T. L. Papenfuss, C. M. Croce, T. Patel, T. D. Schmittgen. *miR-221 Silencing Blocks Hepatocellular Carcinoma and Promotes Survival. Cancer Research, 2011, P.—7608-7609.*

DOI 10.34660/INF.2026.18.35.006

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГИОНАРНОЙ ХИМИОТЕРАПИИ И ТРАНСАРТЕРИАЛЬНОЙ ХИМИОЭМБОЛИЗАЦИИ МЕТАСТАЗОВ В ПЕЧЕНЬ У БОЛЬНЫХ РАКОМ ЖЕЛУДКА

Уралбаев Данияр Оразбекович

Медицинский центр «Тау-Сункар», г. Алматы, Казахстан

Кульжанов Максут Каримович

доктор медицинских наук, профессор, президент

ОО «Республиканская Медицинская Палата»

Арыбжанов Дауранбек Турсункулович

*кандидат медицинских наук, профессор, заместитель директора
по лечебной работе*

*ГКП на ПХВ «Областная многопрофильная клиника» УЗ области
Жетысу,*

г. Талдыкорган, Казахстан

В настоящее время в России заболеваемость раком желудка занимает 3 — место (25,8 на 100 тысяч населения), а смертность — 2 место (10,3%) [1]. В республике Казахстан заболеваемость РЖ занимает 4 — место среди всех злокачественных новообразований (19-20 на 100 тысяч населения), смертность от нее 2 — место (10,5%) [2].

Несмотря на проводимую работу по ранней диагностике рака все еще остаются высокими показатели III-IV стадией этого заболевания (свыше 50%) и летальности на 1-м году с момента установления диагноза (до 25-30%). В странах Средней Азии этот показатель доходит до 50-55%.

Результаты лечения больных раком желудка не могут удовлетворить клиницистов, так как показатели пятилетней выживаемости остаются низкими [3, 4]. Применением неоадьювантной химиотерапии при раке желудка одним из первых занимались Б. Н. Зырянов с соавт. Авторы вводили 5-фторурацил в чревный ствол, а через 2 недели после лечения производили хирургическую операцию. По данным авторов частичная регрессия опухоли наступила у 38% больных, частота послеоперационных осложнений снизилась в 3 раза. В настоящее время с появлением современных катетеров и ангиографических установок применению регионарной химиотерапии у больных раком желудка открываются более широкие возможности [5, 6].

Одним из острых и нерешенных проблем в лечении РЖ остается лечение пациентов с метастазами в печень. С развитием интервенционной радиологии появилась возможность лечения больных раком желудка с метастазами в печень, как первичных больных, так и вновь выявленных, когда метастазы в печени являются следствием ранее перенесенного опухолевого процесса желудка [7,8]. Отдаленные результаты лечения больных с метастазами в печень во многом противоречивы. S. Schulze и соавт. (1986) отметили, что средняя продолжительность жизни таких пациентов после эмболизации печеночной артерии составляет 6-8 мес. [10,11] По данным Российского научного центра радиологии и хирургических технологий, ЭПА вызывала положительный эффект у большинства больных с метастатическим поражением печени опухолями желудочно-кишечного тракта, однако выживаемость пациентов редко превышала 12 мес. [Таразов П. Г. и др., 1988; Гранов А. М. и др., 1991], [2, 3, 4]. За последние 10 лет в литературе кроме отдельных публикаций, практически отсутствуют данные о применении методики трансартериальной химиоэмболизации печеночной артерии TACE для лечения пациентов РЖ с метастазами в печень [4,7-11].

Цель исследования. Улучшение результатов лечения больных раком желудка с применением регионарной внутриартериальной химиотерапии (ВА-ПХТ) и трансартериальной химиоэмболизации (TACE) метастазов в печень.

Материал и методы. Нами проанализированы непосредственные и отдаленные результаты комплексного лечения 110 больных раком желудка прошедших лечение в Южно-Казахстанском областном онкологическом диспансере за период 2005-2012 гг. Из них 50 больных в клинику поступили с первичной опухолью, 60 больных поступили с изолированными множественными метастазами в печень, ранее они состояли на диспансерном учете и получали в различные сроки комбинированное лечение по поводу рака желудка.

По возрасту, больные распределились следующим образом от 41-50 лет — 44 % больных, 51-60 лет — 26 % и старше 60 лет-30 % больных. Средний возраст больных составил 59,2 + 4,3 года. Продолжительность анамнеза колебалась от 1 до 12 месяцев, в среднем составила 6,7 месяцев.

Степень распространенности опухолевого процесса по классификации TNM была следующей: $T_3N_0M_0$ -37 (33,63%) больных, $T_3N_1M_0$ -41 (37,27%) больных и $T_3N_2M_0$ -32 (29,1%) больных. Гистологически у всех больных выявлены различные формы аденокарциномы.

Всем 50 первичным больным первым этапом проведена неoadъювантная внутриартериальная химиотерапия по схеме DPF (Доцетаксел $75\text{мг}/\text{м}^2$ + Цисплатин $75\text{мг}/\text{м}^2$ + Фторурацил $1000\text{мг}/\text{м}^2$ в 1й день) 2 курса с интервалом 28 дней, затем операция. Сущность методики внутриартериальной инфузии цитостатиков заключается в следующем: в условиях рентгеноперационной

под местной анестезией раствором 0,5% новокаина 30-40мл производится пункция и катетеризация одной из бедренных артерий по Сельдингеру. Под рентгенконтролем внутриартериальный катетер устанавливается селективно в чревный ствол, таким образом, охватывается весь бассейн кровоснабжения органов верхнего этажа брюшной полости. После чего производится контрольная целиакография для определения правильности уровня установки катетера (рис. 1). Аппаратом Инфузомат (Braun FM-5, Германия) производится внутриартериальная инфузия цитостатиков со скоростью введения 1000-1200мл/час. Общее время инфузии не превышает 3-4 часов. После окончания процедуры катетер удаляется, область пункции бедренной артерии туго забинтовывается, и больной переводится в палату. В течении суток больным после вышеуказанной процедуры назначается постельный режим, непрямые антикоагулянты, контроль свертываемости крови и диуреза, затем через 1 сутки больного переводим на общепольничный режим пребывания. В последующем в зависимости от результатов неoadьювантной химиотерапии больным проводился следующий этап лечения.

У 60 повторных больных ранее первым этапом была проведена радикальная операция — гастрэктомия в объеме R-0 с лимфодиссекцией в масштабе Д2. В послеоперационном периоде 40 больных (стадии процесса $T_3N_1M_0$ — $T_3N_2M_0$) получили от 4 до 6 курсов адьювантной системной химиотерапии по схеме PF (Цисплатин $75\text{мг}/\text{м}^2$ + 5 фторурацил $750\text{мг}/\text{м}^2$ в 1,2,3,4 дни) с интервалом 28 дней. При планировании TACE у всех пациентов общее состояние было выше 80% по Карновскому, по ECOG 1-2. Всем пациентам TACE метастатических очагов печени с применением Липиодола 6-8мл + Доксорубицина 50-100мг. Интервал между циклами TACE составил 1,5-2мес. Каждый пациент получил по 5-6 курсов TACE.

Результаты и их обсуждение. Эффективности неoadьювантной ВАПХТ при раке желудка проводилась после каждого курса с применением клинкорентгенологических и эндоскопических методов исследования. Непосредственные результаты показали эффективность лечения после 2 курсов неoadьювантной внутриартериальной регионарной химиотерапии у 42 (84%) больных: частичная регрессия отмечена у 29 (58%) больных и значительная регрессия процесса отмечена у 13 (26%) больных. Этим больным вторым этапом комплексного лечения проведена радикальная операция — расширенная гастрэктомия с лимфодиссекцией Д3. В 5 (10%) случаях отмечена стабилизация процесса, во время операции у этих больных хирургическое вмешательство завершилось паллиативным удалением опухоли из-за прорастания в соседние органы (печень, поджелудочная железа). В 3 (6%) случаях на фоне проводимого лечения отмечено прогрессирование и диссеминация процесса по брюшине с асцитом, что привело к ухудшению общего

состояния больных, и они были выписаны на симптоматическое лечение по месту жительства. Изучение удаленного гистологического материала желудка после операции показало наличие лекарственного патоморфоза 1-2 степени у 15 (30%) больных, патоморфоза 3 степени у 18 (36%), патоморфоза 4 степени у 9 (18%) больных. Учитывая результаты гистологического исследования и наличие лечебного патоморфоза всем 42 (84%) больным в течении 1-го месяца после радикальной операции начаты курсы адъювантной химиотерапии по той же схеме. Всем больным проведены по 4 курса адъювантной химиотерапии. Дальнейшее состояние больных наблюдается по срокам диспансеризации.

При динамическом отслеживании пациентов в сроки 6, 12, 18, 24, 36, 48 и 60 мес. 6 мес. прожили 49 (98%) больных, 12 мес. прожили 43 (86%) больных, 18 мес. прожили 39 (78%) больных. 24 мес. прожили 33 (66%) больных, 36 мес. прожили 27 (54%) больных, 48 мес. прожили 18 (36%) больных и 60 мес. и более продолжают жить 13 (26%) пациента. Медиана выживаемости составила 38,5+1,5 мес. (рис. 1).

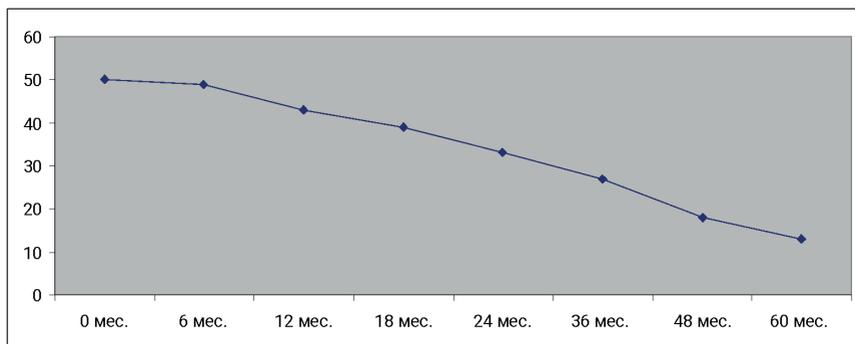


Рис. 1. Динамика выживаемости больных РЖ после неoadъювантной ВАПХТ.

Оценка эффективности ТАСЕ проводилась после каждых 2-х курсов с применением клинических и лучевых методов исследования. Непосредственные результаты показали эффективность лечения после 2 курсов ТАСЕ у 49 (81,7%) больных: частичная регрессия отмечена у 36 (60%) больных и значительная регрессия процесса отмечена у 13 (21,6%) больных, стабилизация процесса отмечена у 11 (18,3%) больных.

Последующие результаты оценки эффективности лечения больных после 4-х и 6 курсов ТАСЕ оказались идентичными. Частичная регрессия процесса отмечена у 18 (30%) больных, стабилизация сохранялась у 12 (20%) больных.

Прогрессирование на 8-9 месяцев лечения отмечена у 30 (50%) больных. При оценке общего состояния больных особое внимание уделялось качеству жизни пациентов. У всех пациентов имевших положительный результат лечения общее состояние по Карновскому сохранялось на уровне 75-80% (ECOG 1-2), что практически не ограничивало пациентов и не требовало длительной госпитализации. Среднее время госпитализации больных при каждом курсе (цикле) ТАСЕ в среднем составило 5+2 дня. При динамическом отслеживании пациентов в сроки 6, 12, 18, 24, 36 мес. 6 мес. прожили 37 (61,7%) больных, 12 мес. прожили 24 (40%) больных, 18 мес. прожили 11 (18,3%) больных. 24 мес. прожили 8 (13,3%) больных, 36 мес. прожили всего 3 (5,0%) пациента. Медиана выживаемости составила 15,5+1,2 мес. (рис. 2).

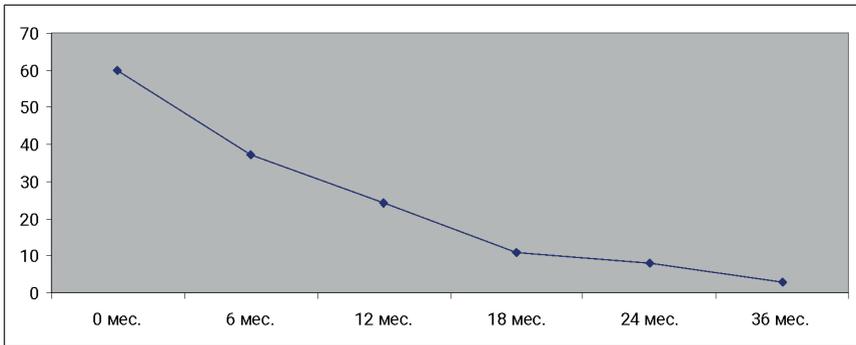


Рис. 2. Динамика выживаемости больных РЖ с метастазами в печень после процедуры ТАСЕ.

Заключение. Результаты неoadьювантной ВАПХТ при лечении больных с первичной не метастатическими формами рака желудка по схеме TPF (Таксотер 75мг/м² + Цисплатин 75мг/м² + Фторурацил 1000мг/м² в 1й день) оказалась эффективной у 84% больных. При этом всем им удалось провести радикальное хирургическое вмешательство. У 54% больных отмечен лечебный патоморфоз 3-4 степени. Показатели 3-х и 5-летней выживаемости оказались 34% и 26% соответственно. Медиана выживаемости составила 38,5+1,5 мес.

Непосредственные и отдаленные результаты исследования, проведение ТАСЕ у больных метастазами рака желудка в печень оказалась эффективной у 50% больных. Динамическое наблюдение за больными в течение 3-х лет показало, что 6 мес. прожили 37 (61,7%) больных, 12 мес. прожили 24 (40%) больных, 18 мес. прожили 11 (18,3%) больных. 24 мес. прожили 8 (13,3%) больных, 36 мес. прожили всего 3 (5,0%) пациента. При этом медиана выживаемости составила 15,5+1,2 мес.

В настоящее время методику ВАПХТ у первичных больных раком желудка и ТАСЕ при метастазах рака желудка в печень можно рассматривать как эффективные, малотоксичные методики лечения и они может быть методом выбора для повышения выживаемости и качества жизни этой сложной категории больных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mastoraki A., Benetou C., Mastoraki S., Papanikolaou I. S., Danias N., Smyrniotis V., Arkadopoulou N. *The role of surgery in the therapeutic approach of gastric cancer liver metastases // Indian J. Gastroenterol.* 2016 Sep; 35(5):331-336. doi: 10.1007/s12664-016-0683-7.
2. Кайдарова Д. Р. Показатели онкологической службы республики Казахстан за 2019 год (статистические и аналитические материалы), Алматы, 2020, —137с.
3. Каприн А.Д. Злокачественные новообразования в России в 2016 году (заболеваемость и смертность) / А.Д. Каприн, В.В. Старинский, Г.В. Петрова. — М.: ФГБУ «МНИОИ им. П.А. Герцена» Минздрава России, 2018. — 250 с.
4. Zhang K., Chen L. *Chinese consensus on the diagnosis and treatment of gastric cancer with liver metastases// Ther Adv Med Oncol.* 2020 Feb 20;12:1758835920904803. doi: 10.1177/1758835920904803. eCollection 2020.
5. Интервенционная радиология в онкологии (пути развития и технологии) / А.М. Гранов [и др.] – СПб: - Фолиант, - 2007. – С. 88-97.
6. Способ химиотерапии метастазов рака желудка в печень /Ганцев Ш.Х., Арыбжанов Д.Т., Кулакеев О.К.// Патент Российской Федерации № 2364397 от 20.08.2009г. Бюл. 23.
7. Chen H., Gao S., Yang X.Z., Chen L.J., Liu P., Xu H.F. *Comparison of Safety and Efficacy of Different Models of Target Vessel Regional Chemotherapy for Gastric Cancer with Liver Metastases// Chemotherapy.* 2016;61(2):99-107. doi: 10.1159/000440945.
8. Chen H., Zhang J., Cao G., Liu P., Xu H., Wang X., Zhu X., Gao S., Guo J., Zhu L., Zhang P. *Target hepatic artery regional chemotherapy and bevacizumab perfusion in liver metastatic colorectal cancer after failure of first-line or second-line systemic chemotherapy// Anticancer Drugs.* 2016 Feb;27(2):118-26. doi: 10.1097/CAD.0000000000000290.
9. Sawatsubashi T., Nakatsuka H., Nihei K., Takano T. *A Case of Metachronous Multiple Liver Metastases of AFP and PIVKA-Producing Gastric Cancer, Responding to Transcatheter Arterial Chemoembolization // Gan To Kagaku Ryoho.* 2020 Feb;47(2):319-321.

10. Liu S.F., Lu C.R., Cheng H.D., Xi H.Q., Cui J.X., Li J.Y., Shen W.S., Chen L. *Comparison of Therapeutic Efficacy between Gastrectomy with Transarterial Chemoembolization Plus Systemic Chemotherapy and Systemic Chemotherapy Alone in Gastric Cancer with Synchronous Liver Metastasis* // *Chin. Med. J. (Engl)*. 2015 Aug 20;128(16):2194-201. doi: 10.4103/0366-6999.162497.

11. Xu H., Min X., Ren Y., Yang L. Liu F. *Comparative Study of Drug-eluting Beads versus Conventional Transarterial Chemoembolization for Treating Peculiar Anatomical Sites of Gastric Cancer Liver Metastasis* // *Med Sci Monit*. 2020 May 31;26:e922988. doi: 10.12659/MSM.922988.

МЕНЕДЖМЕНТ В ЛЕЧЕНИИ ГЕПАТОЦЕЛЛЮЛЯРНОЙ КАРЦИНОМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ МЕДИЦИНЫ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Умирбаев Мадияр Аманкелдыевич

директор

ГКП на ПХВ «Областная многопрофильная клиника»

УЗ области Жетысу,

г. Талдыкорган, Казахстан

ГЦК — наиболее часто встречающийся вид злокачественных новообразований печени во всем Мире, на её долю приходится 75-90% первичных новообразований печени [1,3,8,12, 20, 23, 29, 31]. ГЦК служит причиной 300000 смертей ежегодно [5, 7, 20, 16, 30]. Согласно F. X. Bosch с соавторами (2000) первичный рак печени остается пятым по распространенности злокачественным заболеванием среди мужчин и восьмым среди женщин с годовой заболеваемостью в 564000 новых случаев, соответственно 398000 мужчин и 166000 женщин [2]. Мужчины поражаются в 2-4 раза чаще, чем женщины [22]. Географические области с высокой заболеваемостью ГЦК расположены в Восточной Азии, Центральной Африке и некоторых странах Западной Африки, а также у отдельных групп населения на Аляске [10, 14, 28]. Так, на долю КИР приходится более 50% всех случаев ГЦК в мире, в провинции Цидун зарегистрированы самые высокие показатели заболеваемости в мире 95,7/100000 среди мужчин и 29,6/100000 среди женщин [51]. ГЦК имеет неблагоприятный прогноз с крайне низкими коэффициентами выживаемости, как в развитых, так и в развивающихся странах. По данным Международного агентства по исследованию рака (IARC), стандартизированный по возрасту коэффициент заболеваемости ГЦК среди мужчин в развивающихся странах составляет 17,4/100000 и 8,7/100000 в развитых странах [14, 31]. При сопоставлении с коэффициентом смертности от ГЦК в этих регионах мира 16,8/100000 и 8,1/100000 соответственно, мы отмечаем крайне низкие различия в коэффициенте выживаемости. Улучшение качества медицинской помощи существенно не повлияло на выживаемость пациентов, так 1-летняя выживаемость пациентов с ГЦК повысилась минимально от 2 до 5% между 1981 и 1998 гг. [13]. Это в значительной степени объясняется выявлением

больных на поздних стадиях заболевания. В последние 20 лет в Мире отмечается тенденция к росту уровня заболеваемости ГЦК в таких странах как Австралия, в странах Центральной Европы, Великобритания, Япония, Северная Америка и на территории СНГ [1-23]. Согласно демографической статистике в США, стандартизированный по возрасту коэффициент смертности от первичного рака печени увеличился с 2,8/100000 в 1997 до 4,7/100000 в 2001 гг. [24-31]. Рак печени развивается на фоне хронических воспалительных заболеваний печени, а повышение её заболеваемости в мире отражает увеличивающееся бремя хронических гепатитов. Тенденция имеет доминирующий эффект когорты, связанный с воздействием гепатотропных вирусов. Изменчивость заболеваемости первичным раком печени в значительной степени объясняется распределением и естественным течением гепатитов В и С. Данный факт был подтвержден исследованиями, проведенными среди мигрирующего населения, продемонстрировавшими изменения заболеваемости и подчеркнувшими преобладающую роль внешних факторов в этиологии первичного рака печени [14]. В странах с высоким риском развития первичного рака печени ранние случаи заболевания происходят уже в возрасте 20 лет и старше, вследствие вирусного инфицирования — в раннем возрасте [13]. В странах с низким риском развития первичного рака печени ГЦК редко встречается в возрасте до 50 лет вследствие воздействия умеренного риска вирусного инфицирования и длинным латентным интервалом [23]. Установлено, что вирус гепатита В инкорпорируется в геном человека и таким образом участвует в печеночном канцерогенезе. В 1994 г. Международное агентство по изучению рака в Лионе официально зарегистрировало вирус гепатита В как канцерогенный для людей фактор. В связи с доказанной ролью HBV в индукции гепато-целлюлярного рака печени приготовлены вакцины про-тив этого вируса и начато профилактическое их применение в зонах с высокой заболеваемостью ГЦР. Вакцинируются дети в возрасте 2-3 месяцев на Аляске, в Гамбии, Китае и некоторых других странах. Известно, что вакцинация детей на Тайване привела к достоверному снижению заболеваемости ГЦР, обусловленного HBV [4].

Возраст

Глобальное распределение заболеваемости ГЦК по возрасту варьируется вследствие различий в уровнях заболеваемости, половых различиях и, возможно, этиологии ГЦК. Различия в возрастном характере заболеваемости ГЦК, скорее всего, зависят от того, циркуляция какого вируса гепатита превалирует в данной популяции, возраст инфицирования, воздействия других факторов риска и эффекта когорты. В Японии доминирует HCV, в то время как в провинции Цидун (КНР) превалирует HBV [2-12]. Большинство лиц в Японии инфицировались HCV во взрослом возрасте, тогда как

большинство носителей HBV в провинции Цидун инфицировались в очень раннем возрасте [5-17]. Данный факт объясняет более раннее развитие ГЦК среди населения данной провинции. В целом в большинстве регионов мира пик заболеваемости ГЦК у женщин наступает на 5 лет позже, чем пик заболеваемости у мужчин [14-31]. Ряд исследований демонстрирует отсутствие статистической достоверности развития ГЦК у пациентов до 52 лет и старше [54]. Но ряд исследователей сообщает о высоком риске развития ГЦК у пациентов 64 лет и старше, страдающих хроническим HCV (СР = 2.01, 95% ДИ: 1.31-3.07) [7-19].

Пол. В большинстве регионов мира мужской пол является риском развития ГЦК, которая встречается в 2-4 раза чаще у мужчин, чем у женщин [3-17]. В когортном исследовании, проведенном К. Н. Ikeda с соавторами, в Японии соотношение рисков (СР) развития ГЦК среди пациентов с хроническим HCV составило 1,92 (95% ДИ: 1,21-3,12) [18]. Среди пациентов с циррозом, вызванным хроническим HCV СР для мужского пола составил 1,58 (95% ДИ: 1,12-2,24) [27]. По данным К. А. McGlynn (2005), наиболее высокие различия в показателях заболеваемости между мужчинами и женщинами отмечаются в регионах с низким и средним риском развития ГЦК. Так, соотношение заболеваемости у мужчин и женщин в Кальвадосе (Франция) (8,8:1), Женеве (Швейцария) (7:1) и Триесте (Италия) (4,8:1). Меньшие различия в показателях заболеваемости между мужчинами и женщинами отмечаются в регионах с высоким риском развития ГЦК, таких, как провинция Цидун (КНР) (3,7:1), Осака (Япония) (4,0:1), Кангва (Корея) (3,6:1), Ханой (Вьетнам) (4,1:1). Соотношения заболеваемости между полами, приближающиеся к 1:1, отмечаются только в Южной Америке — Кали (Колумбия), Кито (Эквадор) и Лима (Перу) [1-31].

Причины, по которым данное заболевание встречается чаще у мужчин, ещё не достаточно изучены, но могут быть частично объяснены распределением факторов риска, связанных с полом. Мужчины чаще инфицируются вирусами гепатитов В и С, употребляют алкоголь, курят табак и имеют более высокие уровни содержания железа в крови [12, 65, 15]. Андрогенные гормоны и повышенная генетическая восприимчивость могут также увеличивать риск среди мужчин [29].

Этническая или расовая принадлежность

Заболеваемость ГЦК варьирует значительно среди лиц различной этнической принадлежности, проживающих в одном и том же регионе. По данным К. А. Mc.Glynn с соавторами (2001), мужчины корейской национальности, проживающие в Лос-Анджелесе, заболевают в 5 раз чаще, чем мужчины других этнических групп. Похожая тенденция отмечена и в Сингапуре, где у мужчин китайцев ГЦК встречается в 2,7 раза чаще, чем у мужчин индусов.

А в Сан-Франциско ГЦК у мужчин китайцев отмечается в 4,7 раза чаще, чем у мужчин других этнических групп. Такие же различия в уровнях заболеваемости среди мужчин отмечаются и среди женщин. Эти различия обусловлены различиями в вероятности инфицирования HBV и HCV, хотя генетическая восприимчивость и воздействие других факторов риска также могут играть свою роль [1-27].

Внешние факторы риска

Важными, достоверно установлено, хроническая инфекция вирусными гепатитами В и/или гепатитом С являются фактором риска развития ГЦК являются, употребление пищи, пораженной афлотоксином В, (AFB₁), и алкоголь [15]. В регионах с высоким уровнем заболеваемости гепатоцеллюлярной карциномой, HBV и AFB₁ являются доминирующими факторами риска, в то время как в регионах с низким и средним уровнем заболеваемости гепатоцеллюлярной карциномой, HCV и употребление алкоголя играют ведущую роль [12].

Скрининг и ранняя диагностика. Скрининг пациентов группы высокого риска является ключевым элементом менеджмента гепатоцеллюлярной карциномы. Согласно рекомендациям Европейской ассоциации по изучению печени (EASL) и Американской ассоциации по изучению заболеваний печени (AASLD), пациентам с циррозом печени и хроническим вирусным гепатитом рекомендуется проведение ультразвукового исследования печени каждые 6 месяцев. Ранняя диагностика позволяет выявлять опухоль на стадиях, потенциально поддающихся радикальному лечению, и существенно улучшает прогноз заболевания.

Методы визуализации. Контрастная компьютерная томография и магнитно-резонансная томография являются основными методами визуализации при подозрении на гепатоцеллюлярную карциному. Характерными радиологическими признаками ГЦК являются артериальная гиперваскуляризация и венозное вымывание контрастного вещества. Наличие типичных визуализационных признаков позволяет в ряде случаев установить диагноз без проведения биопсии, что особенно важно у пациентов с нарушением свёртываемости крови.

Стадирование гепатоцеллюлярной карциномы. Система стадирования Barcelona Clinic Liver Cancer (BCLC) является наиболее широко используемой классификацией гепатоцеллюлярной карциномы. Она учитывает размеры и количество опухолевых узлов, наличие сосудистой инвазии, функциональное состояние печени и общее состояние пациента. Классификация BCLC служит основой для выбора лечебной тактики и позволяет стандартизировать подходы к лечению ГЦК.

Хирургическое лечение. Хирургическая резекция печени является методом выбора у пациентов с ранними стадиями гепатоцеллюлярной карциномы при сохранённой функции печени. Однако высокая частота рецидивов

ограничивает долгосрочную эффективность данного подхода. Трансплантация печени рассматривается как оптимальный метод лечения у пациентов с циррозом печени и опухолью, соответствующей Миланским критериям, и обеспечивает наилучшие показатели общей и безрецидивной выживаемости.

Локорегионарные методы лечения. Современные лечебные рентгеноэндоваскулярные вмешательства при нере-зектабельном гепатоцеллюлярном раке (ГЦР) включают химиоинфузию в пече-ночную артерию (ХИПА), химиоэмболизацию (ХЭПА) и масляную химиоэмболи-зацию печеночной артерии (МХЭПА), радиоэмболизацию. Механизм внутриарте-риальной терапии основан на том факте, что питание опухолей печени на 90-95% осуществляется за счет артериальной крови, в то время как нормальная паренхи-ма имеет двойное кровоснабжение: 70% из воротной вены и лишь 30% из печеноч-ной артерии. В этих условиях как регионарная химиотерапия, так и артериальная окклюзия вызывают значительное воздействие на опухоль при относительно не-большом повреждении здоровой ткани печени. Чем селективней (ближе к опухо-ли) установлен катетер, тем сильнее противоопухолевый эффект и меньше отри-цательное действие на нормальную паренхиму органа. При резектабельном ПРП, кроме перечисленных методов, используют предопера-ционную эмболизацию во-ротной вены (ЭВВ). Методика выполнения всех вышеуказанных процедур подро-бно описана в мировой и отечественной литературе и поэтому не требует дополни-тельного детального описания [6, 7, 12].

Химиоинфузия в печеночную артерию (ХИПА). Способствует повышению концентрации химиотерапевтического препарата в опухоли за счет эффекта «первого прохождения»: около 50% цитостатика задерживается в зоне регионарного введения, а остальные 50% попадают в системную циркуляцию. В связи с этим локальное воздействие более выражено, а системные побочные эффекты — менее, чем при внутривенном введении. Установка катетера для ХИПА проводится чрескожным пункционным (ангио-графическим) или хирургическим доступом. В последние годы разработа-на методика погружения ангиографического катетера и соединения его с камерой порта в подкожной клетчатке бедра или подключичной области (в зависимости от артерии, выбранной для пункции). Это позволяет проводить большое число циклов химиотерапии с необходимыми интервалами, иногда в амбулаторных условиях, не прибегая каждый раз к новой пункции и иммобилизации пациента [4, 15].

Как правило, проводят не менее 6 циклов ХИПА в виде 1-2-дневной инфузии каждые 28 суток. Эффект лечения оценивают рентгенологически (обычно компьютерная томография) и по уровню онкомаркеров. Несмотря на теоретическую обоснованность, ХИПА, как и системная химиотерапия, является малоэффективной при ПРП. По данным различных авторов,

объективный ответ на лечение возникает лишь у 20-30% больных **ГЦР**. Средняя продолжительность жизни (СПЖ) составляет от 2-3 (при сопутствующем циррозе печени) до 7-10 мес., а показатели 1- и 2-летней выживаемости 30-40% и 15-20% соответственно [10-29]. У больных **холангиокарциномой** имеются лишь единичные описания положительного эффекта ХИПА, которые можно трактовать скорее как исключение из общего правила неэффективности регионарной терапии при данной гистологической структуре опухоли [8, 59]. Вместе с тем, опубликованы хорошие результаты ХИПА при нерезектабельной **гепатобластоме** у детей: ответ на лечение наблюдался в 90% случаев и у большинства пациентов после уменьшения опухоли удалось успешно выполнить резекцию или трансплантацию печени [16].

РАДИОЭМБОЛИЗАЦИЯ. При использовании внешнего облучения риск развития лучевого гепатита возникает уже при дозе 40 Гр, которой явно недостаточно для лечебного воздействия на опухоль. Это послужило толчком к разработке способов доставки радиоактивных изотопов к опухоли путем внут-риартериального введения. Эти методы были апробированы в середине 1960-х годов, однако до сих пор по сути находятся в стадии клинического эксперимента. Для внут-риартериального облучения в основном используют изотопы ^{32}P [22], резиновые или стеклянные микросферы ^{90}Y [19], ^{131}I -липоидол [28]. **Иттрий-90** является чистым β -излучателем с периодом полураспада 64 ч и энергией дезинтеграции 0,937 МэВ. β -частицы проникают в окружающие ткани в среднем на 2,5, но не более 10 мм. Эти свойства делают ^{90}Y почти идеальным изотопом для локальной лучевой терапии. Ранее применение метода ограничивалось недостаточной точной калькуляцией доставленной дозы радиации и отсутствием мониторинга перфузии, что приводило к попаданию изотопа в соседние органы и вызывало токсическое повреждение желудочно-кишечного тракта. С развитием современных технологий эти недостатки были преодолены.

Внутриартериальная терапия микросферами ^{90}Y не вызывает тяжелых побочных эффектов. Практически отсутствует постэмболизационный синдром, т.к. окклюзии печеночной артерии не происходит. Пациентов выписывают в тот же или на следующий день после процедуры [16, 24]. Еще одно преимущество — необходимость выполнения только одной, максимум двух радиоэмболизаций (а не 6-10 и более, как при ХИПА или ХЭПА). Что весьма важно, хорошие результаты наблюдаются не только при ГЦР, но и при холангиокарциноме. Что касается отдаленных результатов, то они приближаются к таковым при МХЭПА [19, 24, 53]. Недостатками метода является относительно высокая стоимость, необходимость строгого соблюдения радиационной безопасности, определенные трудности (в том числе и таможенные) быстрой доставки изотопа из-за рубежа.

¹³¹I-липиодол. Стимулом для разработки этого изотопа стало открытие эффекта селективного накопления липиодола в опухолях печени. Препарат готовят на основе реакции замещения.¹³¹I кипятят до выпаривания в растворе едкого натра, к остатку добавляют ацетон, а через 20 мин — липиодол. Ацетон удаляют с помощью центрифуги. Полученный препарат охлаждают, разливают в стерильные емкости и охлаждают. При этом активность изотопа составляет около 99% и сохраняется в течение нескольких месяцев.

Другие методы лечения ГЦК. Трансплантация печени выполняется при невозможности резекции и ассоциирована с мультифокальным ростом опухоли. В большинстве центров трансплантацию выполняют при размере опухоли или опухолей менее 5 см. По данным McPeake [11], если первичный менее 4 см, 5-летняя выживаемость 57%, а если опухоль более 8 см — 11%. В операции отказывают, если есть: признаки вовлечения в опухолевый процесс воротной или каваальной вен, больше 3 внутripеченочных узлов, экстрапеченочные метастазы. В трансплантационном банке США ежегодно хранится 4000 образцов донорской печени, для больных с ГЦР используются максимально 100. Интраоперационная летальность с накоплением опыта сократилась до 6%. Наилучшие показатели долгосрочной выживаемости у японских авторов. После 344 трансплантаций печени по поводу ГЦР 1 год выжило 73%, 3 года — 59%, 5 лет — 49%. Iwatsuki et al 2000. Обобщив результаты 8 рандомизированных исследований по системной адьювантной химиотерапии P. Mathurin et al. пришел к выводу, что последняя не приводит к улучшению выживаемости после радикальных операций по поводу ГЦР. Проведение адьювантной терапии после трансплантации печени сопряжено с большими трудностями, т.к. больные получают иммуносупрессивную терапию. В небольшом исследовании Stone et al. [17] было отмечено незначительное увеличение трехлетней выживаемости 59 и 54% при применении адьювантно доксорубина у пациентов с опухолью более 5 см после трансплантации печени. В настоящее время планируется проведение исследования по адьювантной терапии после трансплантации печени сорафенибом. P.Mathurin et al обобщили результаты 16 рандомизированных и нерандомизированных исследований 2000-2006 годов. Основной вывод следующий — только послеоперационная внутриартериальная химиотерапия (с эмболизацией во всех рандомизированных исследованиях или без нее) достоверно улучшает выживаемость 2/3 года на 22,8 и 27,6%, а также снижает риск рецидива болезни 1/2/3 года на 28,8; 27,6; 28%. Применение в послеоперационном периоде интерферона у больных вирусоносителей гепатита С в небольшом рандомизированном исследовании Kubo S et al. [18] показало достоверное снижение частоты развития рецидива у леченных пациентов (5 из 15 против 12 из 15). В 2005 году завершено первое рандомизированное

исследование, сравнившее резекцию и PEI у 76 больных, имеющих один или два очага размером менее 3см. Пяти-летняя выживаемость 82/45% Huang et al. [19]. В настоящее время проводится 6 исследований (822 больных), сравнивающих RF и PEI/PAI.

Криодеструкция — замораживание тканей — активный метод деструкции опухоли. Применяются аргон или жидкий азот. Замораживание в отличие от этанола показано при больших опухолях (5 см в диаметре). Криодеструкция редко проводится в современной клинической практике, поскольку ее вытеснили методики радиочастотного и микроволнового разрушения опухолей печени.

Системная терапия. Системная терапия применяется у пациентов с распространёнными стадиями гепатоцеллюлярной карциномы. В последние годы достигнут значительный прогресс благодаря внедрению таргетных препаратов и иммунотерапии. Комбинация ингибитора PD-L1 атезолизумаба с анти-VEGF препаратом бевацизумабом признана стандартом первой линии лечения и демонстрирует улучшение общей выживаемости по сравнению с традиционной терапией.

Мультидисциплинарный подход. Эффективный менеджмент гепатоцеллюлярной карциномы невозможен без участия мультидисциплинарной команды, включающей онкологов, гепатологов, хирургов, радиологов и специалистов паллиативной помощи. Такой подход позволяет оптимизировать выбор лечебной тактики, своевременно корректировать лечение и улучшать качество жизни пациентов.

Заключение. Вопросы, связанные с диагностикой и лечением ГЦК сложна и многогранна. Для ее решения рационально создавать специализированные научно-практические центры по изучению ГЦК, чьей задачей будет взаимодействие специалистов — хирургов-гепатологов, инфекционистов и гастроэнтерологов, рентгенологов и специалистов по рентгеноэндоваскулярной хирургии и онкологов-химиотерапевтов — для организации и проведения клинических исследований по изучению эффективности различных лечебных и диагностических методик на разных этапах течения ГЦР. Современный менеджмент гепатоцеллюлярной карциномы представляет собой комплексный и индивидуализированный процесс, основанный на ранней диагностике, рациональном выборе лечебной тактики и применении инновационных методов лечения. Дальнейшее развитие молекулярных и иммунологических подходов открывает перспективы для улучшения результатов лечения пациентов с данным заболеванием.

Список литературы

1. Forner A., Reig M., Bruix J. Hepatocellular carcinoma. *Lancet*. 2020;396(10262):1302-1314.
2. European Association for the Study of the Liver. *EASL Clinical Practice Guidelines: Management of hepatocellular carcinoma*. *J Hepatol*. 2018;69(1):182-236.
3. Finn R. S., Qin S., Ikeda M., et al. Atezolizumab plus bevacizumab in unresectable hepatocellular carcinoma. *N Engl J Med*. 2020;382(20):1894-1905.
4. Llovet J. M., Kelley R. K., Villanueva A., et al. Hepatocellular carcinoma. *Nat Rev Dis Primers*. 2021;7:6.
5. Bruix J., Sherman M. Management of hepatocellular carcinoma. *Hepatology*. 2011;53(3):1020-1022.
6. Ганцев К. Ш., Арыбжанов Д. Т., Ганцев Ш. Х., Беседин Б. В. Результаты рентгенэндоваскулярных методов лечения опухолевых поражений печени в Южном Казахстане // *Креативная хирургия и онкология*, Том 7, № 1, 2017.
7. Беседин Б. В., К. Ш. Ганцев, Д. Т. Арыбжанов Результаты рентгенэндоваскулярных методов лечения опухолевых поражений печени в Южном Казахстане // *Вестник ЮКГФА*, № 4 (77), том 2, 2016.
8. Арыбжанов Д. Т., Умарова К. Р., Орманов Н. К., Беседин Б. В. Современные стандарты лечения гепатоцеллюлярной карциномы // *Диагностическая интервенционная радиология*, том 11, № 2, 2017.
9. Чинбурэн Ж., Арыбжанов Д. Т. Хирургическое лечение гепатоцеллюлярного рака // *Практическая онкология*, Т. 20, № 3, 2019, С. 212-231.
10. Bierman H. R., Miller E. R., Byron R. L. et al. Intra-arterial catheterization of viscera in man // *Amer. J. Roentgenol.* — 1951. -Vol. 66, N4. — P. 555-568.
11. Garcia M., et al. American Cancer Society, 2007. Available from: <http://www.cancer.org/acs/groups/content/@nho/documents/document/globalfactsandfigures2007rev2p.pdf>. Accessed January 2011- P. 233-341.
12. Chiba T., Tokuiye K., Matsuzaki Y. et al. Proton beam therapy for hepatocellular carcinoma: A retrospective review of 162 patients // *Clin. Cane. Res.* — 2005.- Vol. 11, N 10.- P. 3799-3805.
13. Gianturco C, Anderson J. H., Wallace S. Mechanical devices for arterial occlusion // *Amer. J. Roentgenol.* — 1975.-Vol. 124, N 3. — P. 428-435.
14. J.-K. Park, T. Kogure, G. J. Nuovo, J. Jiang, L. He, J. H. Kim, M. A. Phelps, T. L. Papenfuss, C. M. Croce, T. Patel, T. D. Schmittgen. miR-221 Silencing Blocks Hepatocellular Carcinoma and Promotes Survival. *Cancer Research*, 2011, P.—7608-7609.

15. Опыт чрескатетерной химиоэмболизации в лечении первичного рака печени в Южном Казахстане / Орманов Н. К., Арыбжанов Д. Т., Тасбулатова Г. Е., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. // *Диагностическая и интервенционная радиология*, Москва, № 2, Том 4, 2010, С. 28.
16. Опыт чрескатетерной химиоэмболизации в лечении первичного рака печени / Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Кулакеев О. К., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. / *Мат. XVII международного конгресса хирургов-гепатологов Стран СНГ*, Уфа, *Анналы хирургической гепатологии*, 2010, С. 8.
17. Рентгенэндоваскулярная химиоэмболизация в лечении первичного рака печени в Южном Казахстане / Орманов Н. К., Арыбжанов Д. Т., Кулакеев О. К., Беседин Б. В. и др. // *Мат. VI съезда онкологов и радиологов стран СНГ*, 1-4 октября, 2010 г., Душанбе, С. 197-198.
18. Диагностика и лечение опухолевых поражений печени в Южном Казахстане / Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Кулакеев О. К., Жуматаев Ж. Ж., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. // *Медицинская визуализация*, 2011, № 1, С. 28-33.
19. Результаты лечения гепатоцеллюлярного рака с применением артериальной химиоэмболизации / Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. // *Мат. научной конф. (с участием специалистов стран ближнего зарубежья) «Интервенционная радиология и сосудистая хирургия в онкологии»*, 20.X.2011 г. Санкт-Петербург, С. 11-12.
20. Результаты трансартериальной химиоэмболизации в лечении гепатоцеллюлярного рака в Южном Казахстане / Арыбжанов Д. Т., Сексенбаев Б. Д., Орманов Н. К., Беседин Б. В. // *Тезисы III Конгресса хирургов Казахстана*, 23-27.04.2012 г., г. Алматы, *Вестн. Хирургии Казахстана*, Спец. вып. № 1, 2012, С. 82.
21. Результаты лечения гепатоцеллюлярной карциномы (ГЦК) с применением рентгеноэндоваскулярной химиоэмболизации / Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В. // *Мат. IV конгресса хирургов Казахстана с международным участием «Новые технологии в хирургии»*, Алматы, 15-19 апреля 2013. *Вестник хирургии Казахстана спец. вып. № 1*, 2013, С. 34-35.
22. Современные стандарты лечения гепатоцеллюлярной карциномы» / Арыбжанов Д. Т., Умарова К. Р., Орманов Н. К., Беседин Б. В., Абдурахманов Б. А. // *Диагностическая интервенционная радиология том 11*, № 2, 2017.
23. Трансартериальная химиоэмболизация гепатоцеллюлярного рака опыт ООД ЮКО / Арыбжанов Д. Т., Орманов Н. К., Беседин Б. В., Абдурахманов Б. А. // *Диагностическая и интервенционная радиология» том 11*, № 2, 2017.

24. Результаты таргетной терапии больных гепатоцеллюлярной карциномой /Арыбжанов Д.Т., Юсупов А. М., Суттибаева Р. С., Беседин Б. В.//Онкология и радиология Казахстана, спец.выпуск 2017.
25. Результаты рентгенэндоваскулярных методов лечения опухолевых поражений печени в Южном Казахстане /К. Ш. Ганцев, Д. Т. Арыбжанов, Ш. Х. Ганцев, Б. В. Беседин//Креативная хирургия и онкология, Том 7, № 1, 2017.
26. Современная диагностика и интервенционные методы лечения гепатоцеллюлярного рака печени /Арыбжанов Д.Т., Орманов Н. К., Абдурахманов Б. А., Беседин Б. В.// Медицинский журнал Астаны, № 3, 2015.
27. Результаты рентгенэндоваскулярных методов лечения опухолевых поражений печени в Южном Казахстане/ Беседин Б. В., К. Ш. Ганцев, Д. Т. Арыбжанов //Вестник ЮКГФА, № 4 (77), том 2, 2016.
28. Современные стандарты лечения гепатоцеллюлярной карциномы /Арыбжанов Д.Т., Умарова К. Р., Орманов Н. К., Беседин Б. В.// Диагностическая интервенционная радиология, том 11, № 2, 2017.
29. Трансартериальная химиоэмболизация гепатоцеллюлярного рака опыт ООД ЮКО/Арыбжанов Д.Т., Орманов Н. К., Беседин Б. В., Абдурахманов Б. А.//Диагностическая и интервенционная радиология» том 11, № 2, 2017.
30. Llovet J. M., Vilana R., Bru C., Bianchi L., Salmeron J. M., Boix L. et al, Increased risk of tumor seeding after percutaneous radiofrequency ablation for single hepatocellular carcinoma. *Hepatology*. 2001;33:1124-1129.
31. Livraghi T., Goldberg S. N., Lazzaroni S., Meloni F., Ierace T., Solbiati, L. et al, Hepatocellular carcinoma: radio-frequency ablation of medium and large lesions. *Radiology*. 2000;214:761-768.

DOI 10.34660/INF.2026.10.44.025

SEO-ОПТИМИЗАЦИИ САЙТА ОРГАНИЗАЦИИ

Лугуева Диана Витальевна

магистр

Дагестанский государственный технический университет

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется эволюция и современная роль поисковой оптимизации (SEO) как ключевой технологии повышения эффективности веб-ресурсов в условиях цифровой трансформации. На основе анализа теоретических подходов, практических аспектов и данных экспертных интервью раскрывается комплексный характер SEO, объединяющего техническую и языковую оптимизацию. Особое внимание уделяется необходимости интеграции SEO в общую стратегию интернет-маркетинга, включая синергию с контекстной рекламой (SEA), маркетингом в социальных сетях (SMM) и управлением репутацией (SERM). Доказана критическая важность применения «белых» методов SEO для достижения долгосрочных результатов. Сделаны выводы о стратегической значимости SEO для формирования устойчивого конкурентного преимущества в цифровой среде.

Ключевые слова: SEO-оптимизация, интернет-маркетинг, поисковые системы, ранжирование, семантическое ядро, техническая оптимизация, интеграция маркетинга, цифровая трансформация.

ВСТУПЛЕНИЕ

Стремительная цифровизация общества трансформировала интернет в основное инфраструктурное пространство для коммуникации, коммерции и продвижения. В условиях высокой конкуренции и информационной насыщенности наличие качественного веб-сайта является необходимым, но недостаточным условием для привлечения целевой аудитории. Критическим фактором успеха становится видимость ресурса в органической (нерекламной) выдаче поисковых систем, так как пользователи концентрируют внимание преимущественно на первых позициях результатов поиска [1]. Это предопределяет центральную роль поисковой оптимизации (SEO) как комплекса мер, направленных на системное повышение позиций сайта.

Несмотря на теоретическую разработанность основ, сфера SEO отличается высокой динамикой изменений. Постоянная эволюция алгоритмов поисковых

систем требует регулярного обновления практических подходов. В связи с этим возникает потребность в комплексном анализе не только теоретических аспектов, но и текущей практической эффективности SEO в конкретных рыночных условиях, что и определяет актуальность данного исследования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Сущность, эволюция и компоненты современной SEO-оптимизации

SEO (Search Engine Optimization) определяется как комплекс мер по внутренней и внешней настройке веб-ресурса, направленный на улучшение его позиций в органической выдаче по целевым запросам [2]. Исторически SEO прошло путь от простой манипуляции ключевыми словами в эпоху ранних поисковиков до сложной междисциплинарной деятельности. Переломным моментом стало внедрение алгоритма PageRank компанией Google (1998), сместившего акцент на авторитетность ресурса, оцениваемую через ссылочную массу [3]. Сегодня приоритет отдается качеству контента, пользовательскому опыту (UX), поведенческим факторам и мобильной адаптации.

Эффективность SEO обеспечивается сбалансированным учетом двух взаимосвязанных компонентов:

- **Техническая оптимизация:** Создает инфраструктуру для корректного восприятия сайта поисковыми роботами. Ключевые элементы: скорость загрузки, адаптивность (mobile-first), безопасность (HTTPS), чистота кода, корректные `robots.txt` и `sitemap.xml`, отсутствие дублей контента.

- **Языковая (контентная) оптимизация:** Направлена на удовлетворение потребностей пользователей. Включает формирование семантического ядра (СЯ) — систематизированного набора релевантных поисковых запросов — и создание на его основе уникального, экспертного и полезного контента.

Ранжирование сайта зависит от сотен факторов, условно делящихся на внутренние (качество контента, техническое состояние) и внешние (ссылочный профиль, упоминания бренда, поведенческие метрики). В практике выделяют три подхода: «белое» SEO (этичные, разрешенные методы), «черное» SEO (запрещенные техники, ведущие к санкциям) и «серое» SEO (методы «серой зоны»). Экспертный анализ подтверждает, что долгосрочный результат обеспечивается исключительно «белыми» методами, ориентированными на конечного пользователя.

2. Место SEO в системе интернет-маркетинга: интеграция и синергия

В современных условиях изолированное применение SEO становится недостаточным. Его максимальный потенциал раскрывается в синергии с другими инструментами цифрового маркетинга, образуя единую экосистему продвижения.

- **Синергия с контекстной рекламой (SEA):** Позволяет использовать SEA как лабораторию для быстрого А/В-тестирования гипотез (заголовков,

посадочных страниц), результаты которых затем внедряются в SEO-стратегию. Совместное использование обеспечивает тотальное перекрытие верхней части поисковой выдачи.

- **Взаимодействие с маркетингом в соцсетях (SMM):** Качественный контент, созданный для SEO, может анонсироваться и распространяться в соцсетях, генерируя дополнительный трафик и улучшая поведенческие факторы на сайте. Социальные сигналы косвенно влияют на ранжирование.

- **Интеграция с управлением репутацией (SERM):** SERM является стратегическим объединением инструментов SEO и PR. Его цель — формирование позитивного информационного поля в выдаче по брендовым запросам через публикацию экспертных материалов, отзывов и ответов на негатив, что напрямую влияет на доверие и поведенческие факторы.

Ключевым условием успешной интеграции является внедрение сквозной аналитики, объединяющей данные из SEO-инструментов (Google Search Console, Яндекс.Вебмастер), систем веб-аналитики (Google Analytics, Яндекс.Метрика), рекламных кабинетов и CRM. Это позволяет адекватно оценивать вклад каждого канала в конверсию и ROI, переходя от оценки промежуточных метрик (позиций, кликов) к анализу бизнес-результатов.

3. Практические аспекты и оценка эффективности: выводы экспертного анализа

Практическая оценка, проведенная методом экспертного интервью, позволила сформулировать следующие выводы:

- **Рентабельность и сфера применения:** SEO — это стратегическая, а не тактическая инвестиция. Наиболее рентабельно для B2B-сектора, сложных услуг и бизнесов, ориентированных на долгосрочные отношения с клиентом. Эффективность доказывается через положительный баланс между стоимостью привлечения клиента (CAC) и его пожизненной ценностью (LTV).

- **Временные горизонты:** Первые значимые результаты от комплексного «белого» SEO проявляются в среднем через 4-6 месяцев, что обусловлено временным циклом индексации и набора авторитетности сайтом.

- **Ключевые тренды:** Доминирующим трендом является смещение фокуса с технических манипуляций на создание безупречного пользовательского опыта, глубоко проработанного контента и формирование экспертного авторитета (E-A-T).

- **Профессиональный портрет:** Современный SEO-специалист эволюционировал в аналитика и маркетолога-стратега, который управляет процессами на стыке технологий, контента и данных, координируя работу копирайтеров, разработчиков и маркетологов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает, что SEO-оптимизация, пройдя значительную эволюцию, остается фундаментальной технологией цифрового продвижения. Она трансформировалась из набора технических приемов в комплексную маркетинговую стратегию, центральным элементом которой является создание ценности для пользователя.

Долгосрочная эффективность SEO определяется соблюдением трех ключевых принципов: 1) неразрывная связь и высокий уровень как технической, так и контентной составляющей; 2) неукоснительное следование «белым», этическим методам работы; 3) глубокая интеграция в общую экосистему интернет-маркетинга через синергию с контекстной рекламой, SMM и SERM.

Таким образом, в условиях цифровой гиперконкуренции SEO перестает быть опциональным инструментом. Оно становится критически важной стратегической технологией, необходимой для обеспечения устойчивой видимости, формирования цифровой репутации и, как следствие, достижения ключевых бизнес-целей организации. Дальнейшее развитие SEO будет неразрывно связано с углублением интеграции с системами аналитики больших данных, элементами искусственного интеллекта и омниканальными коммуникационными стратегиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашманов И. С. *Продвижение сайта в поисковых системах*. — М.: Вильямс, 2007.
2. Вебер Л. *Эффективный маркетинг в интернете. Социальные сети, блоги, Twitter и другие инструменты продвижения*. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.
3. Кокшаров С. *SEO: Искусство раскрутки сайтов*. — М.: Вершина, 2010.
4. *Материалы экспертных интервью в области SEO и интернет-маркетинга (2024)*.
5. Яковлев А. А. *Поисковый маркетинг*. — СПб.: Питер, 2007.
6. *Forrester Research Inc. // Исследование поведения онлайн-пользователей. 2023.*

DOI 10.34660/INF.2026.10.95.071

ЭВОЛЮЦИЯ, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Буко Инна Вацлавовна

кандидат биологических наук, магистрант

Золотарева Ольга Александровна

доктор экономических наук, профессор

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,

г. Минск, Республика Беларусь

***Аннотация.** Проведенный анализ сущности и содержания концепции корпоративной социальной ответственности констатирует, что данная категория эволюционировала от добровольной благотворительности к ее признанию в качестве стратегического инструмента устойчивого развития. Содержание концепции охватывает экологическую, социальную и управленческую составляющие, обеспечивая прозрачность корпоративной деятельности и укрепление доверия со стороны общества.*

***Ключевые слова:** эволюция, корпоративная социальная ответственность, Республика Беларусь*

Концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) и концепция устойчивого развития, затрагивающая экологические, социальные вопросы и управление (ESG), являются двумя важными понятиями в устойчивом развитии и ответственном инвестировании. Ученые изучают аспекты, способствующие прозрачности в усилиях по обеспечению устойчивого развития, посредством которого предприятия демонстрируют свою приверженность внесению общественного вклада, выходящего за рамки целей, ориентированных на прибыль. Несмотря на необходимость отчетности, компании осуществляют значительный контроль над объемом и качеством своих раскрытий информации об устойчивом развитии [1].

Исследования по этой теме ограничены противоречивыми результатами из-за различных проблем, таких как энергетический кризис, глобальное потепление и наносимый вред окружающей среде [2].

Существует ряд теоретических моделей, которые объясняют закономерности и специфику социального взаимодействия между людьми и в процессах их

трудовой деятельности. Теория социального обмена позволяет объяснить механизмы межличностного взаимодействия. Дж. Хоманс, основатель теории социального обмена, считал, что главными стимулами участников являются личные интересы или потребности. Теория используется для анализа социальных структур и мотивации. Автор утверждает, что чем выше ценность результата, тем выше вероятность действия человека. Если ожидаемая реакция не совпадает с полученной (допустим, вместо похвалы следует взыскание), это может вызвать чувство враждебности и привести к агрессивным действиям [3].

Согласно П. Блау ценности и нормы рассматриваются как механизм непрямого обмена между коллективом и человеком. В качестве примера можно привести благотворительные организации, которые являются некоммерческими и не направлены на получение прибыли. Например, состоятельные люди создают фонды помощи нуждающимся для того, чтобы соответствовать нормам своей социальной группы.

В рамках теоретической модели психологического контракта, ключевой части концепции КСО, между организацией и сотрудником сформировано неформальное соглашение. Это соглашение включает в себя со стороны организации ожидания лояльности, инициативы, соблюдения норм и ответственности перед сотрудниками. Со стороны сотрудника — ожидание справедливой оплаты труда, уважение, карьерный рост, решение интересных задач и поддержка в профессиональном развитии.

Психологический контракт рассматривается как инструмент внутренней КСО посредством:

- справедливости и этики (отсутствие дискриминации, честная оплата, прозрачность в принятии решений влияют на восприятие организационной справедливости);

- заботы о благополучии (программы здоровья, гибкий график, помощь в сложных жизненных ситуациях);

- программ развития и роста (обучение, наставничество);

- чувства цели и гордости (активное участие в социальных и экологических проектах — волонтерство, «зеленые» инициативы, благотворительность;

- прозрачности и диалога (регулярная обратная связь, открытая коммуникация от руководства о целях и проблемах).

В случае противоречий между КСО и психологическим контрактом возникает:

- эффект «зеленого камуфляжа»;

На фоне внешней КСО (например, помощь детям и экологические инициативы) в компании отмечаются неблагоприятная обстановка, несправедливая оплата труда и выгорание. Все это приводит к разрыву психологического контракта.

— нарушение баланса;

Избыточное привлечение персонала к добровольной работе или участию во внеурочных корпоративных мероприятиях против их воли способно разрушить представления о балансе между профессиональной деятельностью и личной жизнью.

— несогласованность ценностей;

Если личные ценности сотрудника, например, забота об экологии не находят отклика в политике компании. Это ослабляет его эмоциональную связь с организацией.

Инвестируя в качество психологического контракта через справедливость, развитие, благополучие и общие ценности, организация повышает вовлеченность и лояльность сотрудников, снижает текучесть кадров, укрепляет репутацию как работодателя и создает устойчивую основу для реализации и внешних КСО-инициатив.

Следует отметить направленность развития современной КСО, как составляющей бизнеса, на создание устойчивой экономики, в которой корпорации принимают на себя ответственность за последствия воздействия на общество и окружающую среду в соответствии принципами ведения бизнеса (ESG). Эволюцию КСО можно представить в виде нескольких этапов (таблица 1).

Таблица 1. Этапы эволюции корпоративной социальной ответственности

Этап	Значение	Концепция
Этап I Доиндустриальная эра и XIX век	Ответственность владельцев бизнеса (часто единоличных) перед своими работниками и сообществом	Строительство жилья, школ, больниц для рабочих
Этап II Начало — середина XX века	Сдвиг от личной благотворительности к корпоративной	Рост профсоюзов и государственного регулирования после Великой депрессии и Нового курса
Этап III 1960-1970-е годы	Бизнес столкнулся с давлением со стороны гражданского общества (движения за гражданские права, экология, защита прав потребителей)	Время социальных потрясений, зарождение экологического движения
Этап IV 1980-1990-е годы	КСО начинает интегрироваться в бизнес-стратегию. Появляются концепции устойчивого развития	Развитие социальной отчетности, первые стандарты

Этап	Значение	Концепция
Этап V 2000-е годы — настоящее время	КСО трансформируется из отдельной функции в интегрированную модель управления	– Создание общей ценности — ESG-повестка — Цели устойчивого развития ООН

Этап I: Р. Оуэн был одним из первых, кто пытался улучшить жизнь рабочих. Деятельность Оуэна не вызвала отклика у общественности, однако предложенные идеи создали первые предпосылки для формирования концепции КСО.

Этап II ознаменовался появлением идеи, что менеджеры должны выстраивать свой бизнес, следуя политике, соответствующей целям и ценностям общества. Следует отметить, что работники предприятий, получая материальные и моральные блага, не имели права участвовать в управлении. Основоположником концепции КСО можно считать Г. Боуэна (1953).

Для Этапа III характерно появление теории, согласно которой компания ответственна перед всеми заинтересованными сторонами: акционерами, работниками, потребителями, сообществами и поставщиками (Теория стейкхолдеров Э. Фримана). Принцип — заработать деньги для акционеров в рамках правового поля и заплатить налоги. Другие обязанности у бизнеса должны отсутствовать.

Этап IV — Ответственность становится инструментом управления рисками и репутацией, особенно для транснациональных корпораций. Международная комиссия по окружающей среде и развитию помогла сделать концепцию устойчивого развития более известной (доклад «Наше общее будущее», 1987 год). Согласно концепции тройного критерия (Triple Bottom Line — People, Planet, Profit), представленной Д. Элкингтоном в 1994 году, предприниматели и менеджеры должны принимать в расчет финансовые показатели, социальные и экологические результаты деятельности организации. Однако единых стандартов оценки социальной ответственности еще не было, что составляло трудности в применении концепции.

Что характерно для Этапа V? Бизнес-концепция М. Э. Портера и М. Р. Крамера (2011) определяет общую ценность (Creating Shared Value — CSV) как «не просто отдавать часть прибыли, а перестраивать бизнес-модель так, чтобы социальные и экологические проблемы решались через инвестиционную деятельность компании».

В ESG-повестке (Environmental, Social, Governance) определен подход, ориентированный на инвесторов. Ответственность измеряется по конкретным критериям и влияет на стоимость компании и инвестиционную привлекательность.

Цели устойчивого развития ООН (SDGs) способствуют формулированию социальных и экологических целей бизнеса. Генеральная Ассамблея ООН рассмотрела в Повестке 17 глобальных Целей в области устойчивого развития (ЦУР) для тех, кто поддерживает концепцию устойчивого общественно-го развития и готов вносить посильный вклад в ее реализацию (таблица 2).

Таблица 2. Подходы к реализации идеи корпоративной социальной ответственности и корпоративной устойчивости

Год создания	Организация	Объединение	Деятельность
1945	Организация Объединенных Наций (ООН)	Входят 193 страны	– Глобальный договор ООН создан в 2000 году и объединяет экономических субъектов, разделяющих идею корпоративной устойчивости. — Генеральная Ассамблея ООН выпустила резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» в 2015 году
1961	Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	«Группы двадцати»	– Рекомендация ОЭСР о принципах корпоративного управления принята Советом ОЭСР 8 июля 2015 года и пересмотрена 8 июня 2023 года
1995	Всемирный деловой совет по устойчивому развитию	Объединяет более 200 компаний-лидеров в различных видах экономической деятельности	– Корпоративная программа Vision 2050 создана в 2008 году и определяет экологические цели до 2050 года

Организация экономического сотрудничества и развития изложила принципы корпоративного управления G20/ОЭСР в Приложении к Рекомендации ОЭСР о принципах корпоративного управления [OECD/LEGAL/0413] (приняты Советом ОЭСР 8 июля 2015 года и пересмотрены 8 июня 2023 года). Принципы могут помочь компаниям управлять экологическими и социальными рисками с пониманием раскрытия информации, ролей и прав акционеров, а также заинтересованных сторон и обязанностей советов директоров компаний.

Главной целью было оказать помощь компаниям улучшить доступ к финансированию, что будет способствовать инвестициям, инновациям и росту

производительности. Прозрачность и подотчетность членов совета директоров и руководителей акционерам помогает укреплять доверие на рынках. Это в свою очередь способствует устойчивости и стойкости экономики в целом. ОЭСР тесно сотрудничает со всеми национальными органами для содействия внедрению Принципов во всем мире.

Всемирный деловой совет по устойчивому развитию (World Business Council for Sustainable Development, WBCSD) определил приоритетные направления в области устойчивого развития, согласует инициативы по безопасности окружающей среды и предлагает пути решения проблем. Приоритетным направлением деятельности WBCSD является вопрос по решению проблемы промышленных сточных вод, ведет диалог с ООН в области экологической сертификации в различных видах экономической деятельности.

Беларусь присоединилась к Глобальному договору ООН в 2006 году. Инициативу ООН в области прав человека, трудовых отношений, охраны окружающей среды и противодействия коррупции поддержали более двадцати белорусских предприятий. В октябре 2025 года прошел Форум ответственного бизнеса, посвященный практическому внедрению принципов устойчивого развития. Компании банковского сектора экономики ЗАО «БСБ Банк», ОАО «Белинвестбанк» и ПАО «Сбербанк», компании сотовой связи ПАО «Мобильные ТелеСистемы» (МТС) и УП «А1», ООО «Медлен», ООО «Про-Лив», ОАО «Пивоваренная компания Аливария», ООО «АЛ Лигал» представили результаты своих ESG-трансформаций.

Международный стандарт ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» дает руководство для всех типов организаций и должен помочь организациям внести вклад в устойчивое развитие, предложить признать его как часть социальной ответственности.

В основе современного содержания КСО является экономическая ответственность: создание качественных товаров и услуг; генерация прибыли и налогов для государства; обеспечение занятости и развитие человеческого капитала; инвестиции в НИОКР для создания импортозамещающей продукции и развитие экономики.

Обязательное условие для поддержания экономической составляющей — это юридическая ответственность: соблюдение законов и нормативных актов (трудовое, экологическое, антимонопольное право и т.д.) и честная конкуренция.

В рамках социальной ответственности (в узком смысле) — необходимо создавать безопасные условия труда, достойную заработную плату, обучение. Для потребителя товаров и услуг предоставлять качественную и безопасную продукцию, честную маркировку, защиту персональных данных. И для общества в целом — поддержка образования, науки, культуры, здравоохранения.

Акцентируется внимание экологической ответственности: снижение вредных выбросов и сбросов; эффективное использование воды, энергии и сырья; сбор и утилизация отходов, переход к циркулярной экономике; сохранение биоразнообразия и прозрачность в раскрытии информации об экологическом воздействии.

Корпоративная этика и управление (Governance) подразумевает прозрачность и раскрытие информации; борьба с коррупцией и взяточничеством; защита прав акционеров и этическое ведение бизнеса по всей цепочке поставок.

В 2000-е годы в Беларуси была принята государственная политика по изменению структуры импортируемых товаров и услуг, чтобы стимулировать производителей, которые находятся на территории страны, производить продукцию, ранее импортируемую из других стран, в первую очередь из Российской Федерации. Таким образом, была реализована система мер по импортозамещающим товарам (Схема работ по замещению импортируемых в страну товаров, одобрена Главой Республики Беларусь в 2009 году), в том числе определены товары, подлежащие замещению, а также закреплены уполномоченные органы (региональные, отраслевые) [4].

К 2015 году Схемой работ по замещению импортируемой продукцией, по данным Евразийской комиссии ЕАЭС, было охвачено около 2 тыс. кодов ТН ВЭД ЕАЭС [5]. Результаты проведенного анализа позволили выявить следующие основные характеристики реализуемой политики импортозамещения в Беларуси:

1. Политика импортозамещения в Республике Беларусь охватывает несколько уровней. На национальном и региональном уровнях разработан ряд программ импортозамещения, также действуют отраслевые программы импортозамещения.

2. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь ежегодно разрабатывает «Перечень потребительских товаров, предлагаемых для освоения их производства, выпуска импортозамещающей продукции и развития ассортимента с учетом конъюнктуры рынка», включающий две группы товаров: товары, производство которых осуществляется в республике, количество и ассортимент которых недостаточны и / или которые не полностью удовлетворяют спрос по отдельным параметрам; товары, не производимые в Республике Беларусь. В 2023 году этот перечень содержал 157 позиций по номенклатуре товаров из первой группы и 223 позиции по номенклатуре товаров из второй группы [6].

3. Реализация политики импортозамещения в Республике Беларусь оценивается экономическим и политическим блоками страны как эффективная [7].

4. Политика импортозамещения носит протекционистский характер, в частности характеризуется ограничением допуска иностранных (в том

числе российских) производителей к торгам. Постановлением Совета Министров от 15 марта 2012 года № 229 «предусмотрен механизм отсеечения третьего участника торгов. Если в конкурсе участвует две или более белорусских компаний производителя, то третья иностранная, отстраняется от торгов. Это также является одним из механизмов защиты отечественного производителя и ухода от избыточной конкуренции» [8].

Все вышеперечисленное приводит к тому, что реализуемая политика импортозамещения в Беларуси выступает одним из барьеров российско-белорусской экономической интеграции в рамках Союзного государства. Следует отметить, что восприятие политики импортозамещения в Беларуси предприятиями-респондентами зависит от того, есть ли на территории Республики Беларусь местные производители аналогичной продукции:

— при условии, что российское предприятие поставляет продукцию, которую не производят в Беларуси, программа импортозамещения не является барьером для работы на белорусском рынке;

— при наличии производителей аналогичной продукции на территории Республики Беларусь предприятиям России не предоставляется возможным (или невыгодно) участвовать в конкурсных процедурах на поставку продукции из-за действующих в Республике Беларусь программы импортозамещения.

Сегодня Республика Беларусь активно продвигает цифровое развитие в стране в основном за счет реализации Государственной программы «Цифровая Беларусь» на 2026-2030 годы. В 2022 году Беларусь достигла нового рубежа, и государство занялось этим вопросом более детально и основательно после выхода нормативно-правового акта, который способствовал более четко выделить основные ориентиры в цифровом развитии для государства, а также предоставил полномочия Министерству связи и информатизации в части управления процессами цифрового развития [9].

Кроме этого, были созданы Центр цифрового развития и Центр перспективных исследований в сфере цифрового развития, которые стали ключевыми исполнителями новой цифровой повестки.

В сентябре 2015 года Генеральная ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее — Повестка-2030).

Республика Беларусь стала одной из 193 стран, выразивших склонность Повестке-2030 и целям в области устойчивого развития (ЦУР). Принятие Повестки-2030 предусматривает гармоничное развитие государства и общества на основе трех взаимосвязанных и взаимозависимых элементов: экономического, социального и экологического.

В целях реализации Повестки-2030 на национальном уровне Республика Беларусь предприняла ряд важных шагов. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 года № 181, в стране сформированы институциональные основы для управления работой в области реализации ЦУР: учрежден пост национального координатора по достижению целей устойчивого развития и сформирован Совет по устойчивому развитию. В Национальном собрании создана парламентская группа по ЦУР. При Совете по устойчивому развитию были созданы региональные группы; организована партнерская группа устойчивого развития с представителями общественных организаций, бизнеса и научных обществ [10].

Достижения ЦУР отслеживаются с помощью Национального перечня показателей ЦУР, разработанного Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в тесном межведомственном сотрудничестве с государственными органами, ответственными за реализацию ЦУР.

В 2020 году Советом министров Республики Беларусь была одобрена Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года (далее — Национальная стратегия), согласно которой стратегической целью устойчивого развития страны является достижение высокого уровня жизни населения на основе качественного роста экономики на базе новых цифровых технологий, формирования полноценной конкурентной среды, создания комфортных условий жизни и развития потенциала личности при сохранении природных систем для нынешнего и будущих поколений [11].

Национальной стратегией определены основные направления реализации цифровой повестки: цифровая трансформация отраслей экономики, рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, процессов управления; создание и капитализация цифровых активов на основе данных; развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности.

Также Национальной стратегией определены основные направления реализации инновационной повестки:

- поиск оптимального сочетания трансфера новых зарубежных технологий с развитием собственного технологического потенциала и продвижением отечественных технологий на мировой рынок;

- стимулирование создания отечественных инновационных разработок для повышения эффективности управления экологическими рисками на основе потенциала науки и имеющихся компетенций [12];

- формирование полноценного рынка научно-технической и инновационной продукции;

- совершенствование институциональной среды;

- создание и стимулирование развития опытно-внедренческих структур, центров научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР).

Подходы, зафиксированные в Национальной стратегии, сопряжены с глобальной ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура» (далее — ЦУР 9).

На основе концептуальных положений Национальной стратегии разработаны важнейшие программные документы, в том числе Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 гг., утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 г. № 292, и Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 гг., утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 15.09.2021 г. № 348 (далее — ГПИР) [13-15].

Деятельность по достижению ЦУР в Республике Беларусь, включая ЦУР 9, организована на принципе тесного сотрудничества и координации действий Правительства Республики Беларусь, министерств, государственных органов, предприятий, аналитических центров, организаций гражданского общества, научных кругов, высших учебных заведений, отдельных частных компаний, структур самой ООН, при финансовой поддержке международных партнерских организаций.

В Национальном собрании образована парламентская группа по ЦУР. При Совете по устойчивому развитию созданы региональные группы; организована партнерская группа устойчивого развития (в ее состав вошли представители общественных организаций, деловых и академических кругов).

На основе концептуальных положений Национальной стратегии разработаны важнейшие программные документы, в том числе Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 гг., утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 г. № 292, и ГПИР Республики Беларусь на 2021-2025 гг., утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 15.09.2021 г. № 348 [13, 14].

Общая сумма финансирования, выделенная структурами ООН, включая средства, предоставленные международными партнерами, за период с 2018 года составила 63,7 млн долларов США, в том числе для реализации ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфра структура» — 10,6 млн долларов США, или 16,6% [16].

Основная масса денежных средств, полученных на реализацию ЦУР 9, направлена Министерству природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и Министерству экономики [17].

Обобщая изложенное, можно отметить, что полноценная реализация Плана мероприятий по импортозамещению в Беларуси позволит создать нормативную базу для импортозамещения в виде набора разработанных национальных стандартов с учетом лучших практик зарубежного производства. Все новое в производстве, внедренное путем стандартизации, позволяет производить конкурентоспособную отечественную продукцию, решить

проблему импортозамещения и достичь высокого уровня экономического развития. В то же время импортозамещение возможно только в том случае, если производители товаров (услуг), ориентированные на экспорт, будут производить конкурентоспособные по качественным и ценовым характеристикам продукцию, признаваемую мировым сообществом.

Список литературы

1. Seow, R. Y. C. *Unveiling the complexities of ESG and CSR disclosures determinants: a systematic literature review* / R. Y. C. Seow // *Journal of Technology Management and Business*. — 2024. — Vol. 11, N. 1. — P. 49-79.
2. *ESG and environmental performance: multiple mediation models of green accounting and CSR disclosure* / D. Darsono, D. Ratmono, S. Lee [et al.] // *International Journal of Energy Economics and Policy*. — 2024. — Vol. 14, N. 5. — P. 365-371.
3. Шульгина, Т. А. *Современные подходы реализации теории социального обмена* / Т. А. Шульгина // *Коллекция гуманитарных исследований*. — 2022. — № 1(30). — С. 6-10. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-podhody-realizatsii-teorii-sotsialnogo-obmena> (дата обращения: 06.02.2026).
4. *Схема работ по замещению импортируемых в страну товаров (одобрена Президентом Республики от 20 октября 2008 г. № 09/124-1520 П1476)*. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/b63/ОТСНЕТ-2-etap-r3_6_.pdf (дата обращения: 06.02.2026).
5. *О Государственной программе импортозамещения на 2006-2010 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 24 марта 2006 г. № 402 в ред. от 14.08.2008 г. № 1164: с изм. и доп. вступ. в силу с 20.08.2008.* // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.02.2026).
6. *Перечень потребительских товаров, предлагаемых для освоения их производства, выпуска импортозамещающей продукции и развития ассортимента с учетом конъюнктуры рынка в 2023 году*. — URL: <https://mart.gov.by/activity/torgovlya-i-uslugi/importozameshchenie/> (дата обращения: 06.02.2026).
7. *Потапцева, Е. В. Реализация политики импортозамещения в Республике Беларусь в восприятии российского регионального бизнеса* // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. — 2021. — № 3. — С. 132-137. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/352091261> (дата обращения: 06.02.2026).

8. По программе импортозамещения в следующей пятилетке в стране будет освоен выпуск 260 видов новых товаров. — URL: <https://www.sb.by/articles/zameshchenie-s-pritselom-na-eksport.html> (дата обращения: 06.02.2026).

9. О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026-2030 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 793 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 2026. — 6-1/55630. — Дата публ.: 07.02.2026. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500793> (дата обращения: 08.01.2026).

10. О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития: Указ Президента Респ. Беларусь, 25 мая 2017 г., № 181 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.02.2026).

11. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года: Цели устойчивого развития в Беларуси. — URL: https://sdgs.by/documents/strategicheskie_i_programmie_documenti/ (дата обращения: 06.02.2026).

12. Пирожкова, Т. В. Управление развитием корпоративной социально-экологической ответственности бизнеса / Т. В. Пирожкова // Экономика и предпринимательство. — 2025. — № 4. — 1217-1222.

13. Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021-2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 в ред. от 23.06.2023 № 180: с изм. и доп. вступ. в силу с 28.06.2025 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.02.2026).

14. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 сент. 2021 г., № 348 в ред. от 19.01.2026 № 21: с изм. и доп. вступ. в силу с 21.01.2026 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.02.2026).

15. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы / под ред. А. Г. Шумилина. — Минск: ГУ «БелИСА», 2021-208 с.

16. Организация Объединенных Наций (Беларусь): Организация Объединенных Наций. — URL: <https://belarus.un.org/ru/sdgs> (дата обращения: 06.02.2026).

17. Королев, Ю. Ю. Инновации как фактор устойчивого развития Республики Беларусь / Ю. Ю. Королев, А. Б. Дудкин // Новая экономика. — 2022. — № 2. — С. 234-245.

DOI 10.34660/INF.2026.10.99.023

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Солодилов Анатолий Васильевич

кандидат исторических наук, доцент

Государственный университет просвещения

Бруз Владимир Виленович

доктор исторических наук, доцент, профессор

Государственный университет просвещения

Введение. Сегодня все понимают- суверенитет страны невозможно построить без мощной экономики и современных вооруженных сил. Как видим, усилиями коллективного запада киевская хунта будет воевать до «последнего украинца», а это значит, что все посреднические усилия США в лице Президента Д. Трампа скорее всего будут сведены на нет. Поэтому отечественный опыт построения мощной экономики с учетом современных реалий — бесценен. По многим позициям военно — политическая обстановка в мире напоминает предвоенные годы перед второй мировой войной. И если бы РФ не обладала мощным современным, в том числе и ядерным оружием, то как знать...

В мировой истории было много примером технологического рывка, модернизации экономики. Заслуживает опыт советского прошлого. Под руководством советской элиты в короткий срок удалось превратить Россию из аграрной отсталой страны в мощную страну. Используя опыт поставленных целей, необходимо творчески использовать опыт прошлых поколений, особое внимание стоит обратить на сталинскую модернизацию. В предвоенные годы были приняты важнейшие решения, имеющие стратегический характер [3 с. 419]. Еще в 1925 году на XIV съезде ВКП (б) сделан вывод об объективной необходимости борьбы с экономической отсталостью. И. В. Сталин подчеркнул необходимость опираться на собственные силы и потребности [4 с. 48]. Итоги третьей пятилетки были рассмотрены на 1938-1942 гг. на XVIII съезде ВКП(б), который состоялся 10-21 марта 1939 г. [18 с. 51-80]. Система управления экономикой претерпела коренные преобразования. Создавались органы отраслевого управления — общесоюзные и объединенные наркоматы. [2 с. 101]. Изменена и структура ВСНХ. СНК СССР принял отдельное решение о Госплане СССР [2 с. 101]. Партийная элита приоритетом считала

форсирование темпов развития тяжелой промышленности. Без перекосов здесь не обошлось. Но это была вынужденная мера.

Несмотря на противоречивость реформ руководству страны удалось добиться позитивных результатов в решении народнохозяйственных задач.

Изменилось соотношение промышленной и сельскохозяйственной продукции в пользу первой [7 с. 719]. Объем промышленной продукции в 1932 г. вырос по сравнению с 1928 г. до 219%! Капиталовложения в промышленность составили за 4 года и 3 месяца 23,3 млрд рублей, вместо намеченных пятилеткой 18,8 млрд рублей за пять лет, что составляет 124% против пятилетнего плана. Производительность труда в промышленности выросла за 4 года на 38%, что несколько отставало от заданий пятилетки!!! Результат поражает! [7 с. 719-720] В то время разразился мировой экономический кризис — падение производства по сравнению с 1928 г. — в Германии на 45%, Франции 25%, Англии 20%, Польше 46%, США 44%.

В 1930-1932 гг. в Советском Союзе была создана ряд секторов промышленности, заложены основы мобилизационной экономики. Позднее, 15-20 февраля 1941 года состоялась восемнадцатая конференция ВКП (б), в решениях которой было записано, что в «продукция социалистической промышленности в 1940 году увеличилась на 11%, причем темпы роста промышленного производства в 1940 году систематически возрастали» [7 с. 969].

Экономическая мощь государства, займы у населения позволили увеличить траты на проведение войны. Так, прозвучавшие из уст народного комиссара финансов страны А. Зверева на 11-й сессии Верховного Совета СССР в апреле 1945 года что, «за три с половиной года войны, то есть по 1944 год включительно, они составили 420 миллиардов рублей» [5 с. 41].

Сегодня ясно, что руководство страны мыслило стратегически. Сегодня масштаб личностей иной и прогнозы часто неверны. Давайте сравним прогнозы Центробанка РФ, минэкономразвития и др. Они часто разные и ошибочны. По мнению академика А. Г. Аганбегяна, «без планирования у нас отсутствует реальная, действенная единая экономическая политика» [1 с. 187].

Запад принимая санкции надеялся обрушить российскую экономику, в конечном счете как там заявили «нанести стратегическое поражение России». Конечно санкции негативно сказались на состоянии экономики. Однако рецессии в экономике не произошло. Рост экономики по итогам 2025 года скромный — около 1%.. Прогнозируется в 2026 году небольшой рост [9]. Россия выстояла и нет стагнации. Но этого мало.

Президентом РФ В. В. Путиным поставлены амбициозные задачи — Россия к 2030 году должна войти в пятерку стран — лидеров научно — технологического развития. И далее подчеркнул, что стратегическим приоритетом не просто войти в пятерку крупнейших экономик мира, но и решать многие

социальные вопросы. Инструмент достижения данного стратегического приоритета — увязать экономику, науку и образование, обеспечить технологическую индустриализацию. Экономическая политика государства должна соответствовать современным вызовам времени. Инновации должны оказывать определяющее влияние на структуру народного хозяйства, в том числе в результате ее проведения появляются новые отрасли, механизмы управления, качественно меняется жизнь простых людей и их внутренний мир. Для того, чтобы влиять на экономическую ситуацию в стране и в отдельных ее регионах, «власти должны динамично реагировать на происходящие перемены, обладать профессиональной командой, способной работать не только с текущей экономической ситуацией, но и уметь прогнозировать возможные экономические последствия тех или иных решений» [8, с. 47]. Назрела необходимость национализация базовых стратегических отраслей.

Мы не можем позволить себе быть слабыми. Обладая огромным ресурсным потенциалом, наша страна всегда будет в поле национальных интересов других государств. И не только, соседних стран, имеющих с нами общие границы.

Активизация инновационной деятельности, рост экономического развития в стране — стратегическая задача. Серьезной угрозой сегодня является технологическая отсталость! В структуре ВВП наукоемкая промышленность составляет всего 13%.

Реализуемая в стране стратегия развития РФ до 2030 года и на перспективу до 2036 года касается каждого из нас. В РФ за последние 25 лет ассигнования на науку не превышали 1% ВВП, а в 2025 году они сократились до 0,4% ВВП. [6 с. 3].

Дешевых кредитов не будет. Государство само должно больше инвестировать в развитие экономики, в главный ресурс страны — в человека. Из фонда национального благосостояния через ВЭБ идет финансирование многих проектов. Это факт. Однако ключевая ставка Центрального банка РФ по — прежнему довольно высокая. При такой ставке никакого развития не получится. По оценке экспертов, при такой ставке ЦБ РФ кредиты выдаются банкам под 24-25% годовых. Это приводит к росту отпускной продукции примерно на 4-8% и способствует росту инфляции. А как же обстоит дело с ключевой ставкой в других странах мира? Для примера — в США она составляет 5%, Евросоюзе — 3,65, а в КНР — всего 2%. Думаю, комментарии здесь излишни. Не пора ли в нашей стране вводить полноценную модель мобилизационной экономики с концентрацией всех ресурсов в руках государства. Творческое использование прошлого — залог успеха будущего.

Заключение. Можно сделать вывод, что творческое использование опыта прошлого сегодня способствует решению задач, поставленных перед обществом, гражданами в условиях необходимости технологической модернизации,

поддержании в надлежащем состоянии обороноспособности страны в условиях специальной военной операции на Украине и осложнения международной обстановки.

Список литературы

1. Агангбьян А.Г. *О драйверах социально — экономического роста/ Научные труды Вольного экономического общества России. 2019., Т. 218 с. 180-209*
2. Бруз В.В., Солодилов А. В. *История государственного и муниципального управления. Учебное пособие. М., Кнорус, 2024. С. 167.*
3. *Двухсотлетие военного министерства 1802-2002 гг. Очерки истории военного министерства. М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003, с. 419.*
4. Зюганов Г.А. «О русских и России». М., Молодая гвардия, 2004. С. 207
5. Как принимали бюджет победы и сокращали Красную Армию. Н. Дорофеев // *Российская Федерация сегодня. № 5 май 2019. — с. 41.*
6. В.И. Кашин Об основных положениях социально — экономической программы КППФ. *Подмосковная правда, № 37 (15250 от 20 ноября 2025 года.*
7. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898-1953): 7-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, Часть II. 1953. С. 1204*
8. Крупнов, Ю. А. Механизмы инновационного развития отечественной экономики / Ю. А. Крупнов // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2024. — № 2(76). — С. 50-57. — EDN VJZAOO.*

Информационные ресурсы.

9. <https://life.ru/> — информационный портал (дата обращения 06.02.26)

DOI 10.34660/INF.2026.11.34.090

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Калгина Милана Евгеньевна

магистрант

Сибирский федеральный университет,

г. Красноярск, Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается роль молодежного предпринимательства как фактора технологического прогресса и роста занятости в современной экономике. На основе анализа федеральных и региональных стратегических документов исследуются приоритеты и меры государственной поддержки данного направления. Особое внимание уделяется реализации молодежной политики в Красноярском крае и вопросам развития молодежного предпринимательства. Несмотря на созданную нормативную базу и наличие программ поддержки, сохраняется проблема низкого спроса со стороны молодых предпринимателей на предлагаемые меры. Актуализируется необходимость детализации мер и формирования управляющей экосистемы на региональном уровне, исключающей дублирование функций ведомств, что определяется как перспективное направление для дальнейших исследований.*

***Ключевые слова:** молодежное предпринимательство, государственная поддержка, стратегические документы, малый и средний бизнес, молодежная политика, Красноярский край, региональное развитие, предпринимательские компетенции, меры стимулирования, экосистема поддержки.*

***Annotation.** The article examines the role of youth entrepreneurship as a factor of technological progress and employment growth in the modern economy. Based on the analysis of federal and regional strategic documents, the article explores the priorities and measures of state support for this area. Special attention is given to the implementation of youth policy in the Krasnoyarsk Region and the development of youth entrepreneurship. Despite the existing regulatory framework and support programs, there is still a problem of low demand from*

young entrepreneurs for the proposed measures. The need to detail measures and create a management ecosystem at the regional level that eliminates duplication of departmental functions is becoming more urgent, and this is seen as a promising area for further research.

Keywords: *youth entrepreneurship, state support, strategic documents, small and medium-sized businesses, youth policy, Krasnoyarsk territory, regional development, entrepreneurial competencies, incentive measures, and support ecosystem.*

В системе современных экономических отношений молодёжное предпринимательство выполняет критически важную функцию, выступая катализатором технологического прогресса и роста занятости. Российская молодёжь, являясь наиболее адаптивной социальной группой, потенциально способна не только реагировать на изменения конъюнктуры, но и активно формировать новые предпринимательские тренды. Особенности разработки и реализации государственной политики в сфере поддержки молодёжного предпринимательства как фактора социально-экономического развития Российской Федерации в последние годы активно обсуждаются на уровне стратегического планирования органами власти [1, 2].

Красноярский край, являясь одним из крупнейших и экономически значимых регионов России с мощным промышленным, ресурсным и научным потенциалом, заинтересован в развитии предпринимательства. Среди органов исполнительной власти функционирует отдельное ведомство, занимающееся данным вопросом, — Агентство развития малого и среднего предпринимательства Красноярского края. Задача развития предпринимательства среди молодёжи также является одной из стратегических в отрасли молодёжной политики, которую на уровне региона курирует Агентство развития молодёжной политики и реализации программ общественного развития Красноярского края.

Органы власти, разрабатывая планы мероприятий, основываются на стратегических документах федерального и регионального уровней. В статье рассмотрены основные аспекты стратегических документов, отражающих приоритизацию и значимость развития молодёжного предпринимательства.

В 2016 г. на федеральном уровне Правительством Российской Федерации утверждена «Отраслевая стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года», целью которой выступает «развитие сферы малого и среднего предпринимательства как одного из факторов, с одной стороны, инновационного развития и улучшения отраслевой структуры экономики, а с другой стороны, — социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости» [4]. В данном документе молодёжное предпринимательство, несмотря на отсутствие законодательно закреплённого термина

и статуса, упоминается при реализации программ субсидирования. Субъекты молодежного предпринимательства обозначены в качестве приоритетной целевой группы и возможных получателей прямой поддержки в форме субсидий. Им предоставляется возможность компенсации затрат, связанных с началом ведения бизнеса [1, 4].

Стратегия также предполагает раскрытие предпринимательского потенциала путем следующих мер:

- включение тематик, связанных с формированием позитивного образа предпринимателей, в государственный заказ на создание игровых, документальных и мультипликационных фильмов, социальной рекламы;

- поддержка проектов и мероприятий, связанных с историей российского предпринимательства, в том числе на основе проведения в организациях сферы науки, образования и культуры (образовательные организации высшего образования, библиотеки, музеи, театры) специализированных акций и конкурсов, создания интернет-ресурсов;

- организация и проведение мероприятий в рамках международных событий, связанных с популяризацией предпринимательства («Всемирная неделя предпринимательства», «Международный день социального бизнеса» и другие), а также мероприятий, поощряющих успешные результаты и достижения в действующем бизнесе и начальные шаги в предпринимательстве;

- развитие системы адаптации высвобождаемых с крупных предприятий работников и их переобучение основам предпринимательской деятельности.

Необходимой мерой является реализация инициатив по стимулированию интереса молодежи к началу и ведению собственного дела, а также по поддержке и развитию молодежного предпринимательства. Формирование предпринимательских компетенций граждан, начиная с самого раннего возраста, должно превратиться в один из приоритетов государственной политики в сфере развития малого и среднего предпринимательства [4].

В Плане мероприятий вышеупомянутой стратегии обозначено создание системы вовлечения молодежи в предпринимательскую деятельность. Ответственными исполнителями указанной меры являются Росмолодежь и Министерство экономического развития РФ. В качестве результата указана организация поддержки молодежного предпринимательства в не менее чем 30% субъектов Российской Федерации.

Распоряжением Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р утверждена «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года», которая учитывает потребности различных социально-демографических групп молодежи, а именно: обучающихся; молодых ученых и специалистов, в том числе творческих специальностей; молодых государственных и муниципальных служащих; молодых предпринимателей;

молодежи, проживающей в сельской местности; молодых граждан с ограниченными возможностями здоровья и молодых инвалидов; молодых родителей и других. Молодежь признается «основной социальной базой развития предпринимательства». Количество индивидуальных предпринимателей и физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в возрасте до 35 лет в 2023 г. по сравнению с 2022 г. возросло на 29% и составило 6,32 млн человек [5].

По данным Министерства экономического развития РФ, представленным в рамках федерального статистического наблюдения в сфере молодежной политики, в 2022 г. поддержку в форме субсидии (гранта) получили 1 918 молодых предпринимателей, еще 5 024 молодых предпринимателя получили поддержку от исполнительных органов субъектов РФ и органов местного самоуправления. Федеральное агентство по делам молодежи реализует Всероссийскую программу по развитию молодежного предпринимательства, направленную на повышение спроса на меры государственной поддержки со стороны молодых предпринимателей в возрасте от 14 до 35 лет включительно, а также формирование и развитие устойчивого молодежного предпринимательского сообщества. По состоянию на 1 января 2024 г. программа реализуется в 65 пилотных регионах Российской Федерации. В 2025 г. Всероссийская программа вошла в состав национального проекта «Кадры» [5].

Одной из проблем молодёжной политики, обозначенной в Стратегии, является низкий спрос на меры государственной поддержки со стороны молодых предпринимателей. В этой связи приоритетными направлениями являются:

- профессиональное развитие молодежи, содействие ее занятости, трудоустройству, в том числе на предприятиях агропромышленного сектора, и предпринимательской деятельности, повышению уровня финансовой грамотности;

- создание условий для получения образования, самореализации молодежи, развитие социальных лифтов, повышение мотивации у молодых граждан к самообразованию, активному построению карьеры и занятию предпринимательской и научной деятельностью;

- развитие системы поддержки молодежных организаций, проектов и инициатив, направленных на решение социально значимых задач в области образования, духовно-нравственного развития, социального предпринимательства, здравоохранения, культуры, в том числе посредством грантовой поддержки;

- содействие развитию молодежного предпринимательства, в том числе на базе образовательных организаций высшего образования и профессиональных образовательных организаций, повышение информированности и спроса на меры государственной поддержки среди молодых предпринимателей;

- повышение доступности для молодежи качественного образования в области предпринимательства, распространение успешных практик

региональных систем образования по созданию и развитию предпринимательских классов [5].

На региональном уровне утверждена государственная программа Красноярского края «Развитие малого и среднего предпринимательства и инновационной деятельности», некоторые задачи которой также отражают значимость развития молодёжного предпринимательства [3]. Так, одной из задач программы является обеспечение вовлечения школьников, студентов и молодежи в предпринимательскую деятельность.

Можно заключить, что на федеральном и региональном уровне созданы основания для развития молодёжного предпринимательства. Предстоит детализация обозначенных мер и направлений путем разработки рекомендаций органам власти по созданию управляющей экосистемы на уровне региона с целью развития молодёжного предпринимательства, исключая возможность дублирования функций разных ведомств и оптимально разделяя зоны ответственности между ними, что и выделено автором в качестве перспективного направления для дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Волошин В. А., Плотвин М. В., Берстенникова А. А., Булгаров М. А. Сравнительный анализ моделей поддержки МСП и их вклада в инвестиционную привлекательность южных регионов России // Прикладные экономические исследования. — 2026. — № 1. — С. 192-201. DOI: 10.47576/2949-1908.2026.1.1.023
2. Марков Д. И. Представления городской молодёжи о карьерных возможностях и отношениях в сфере труда. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 128-139. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-128-139
3. Паспорт государственной программы Красноярского края «Развитие инвестиционной деятельности, малого и среднего предпринимательства». Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/government/gosprogrammy/0/id/32124>
4. Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р «О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202>
5. Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2024 года № 2233-р «О Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1307068392>

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Нуждова Дарья Андреевна

аспирант

Юридический институт Самарского национального

исследовательского университета имени академика С. П. Королева,

г. Самара, Российская Федерация

Аннотация: *Настоящая статья посвящена исследованию уголовного законодательства советского периода об ответственности за преступления против чести и достоинства личности. Выявлены тенденции совершенствования законодательных понятий «клевета» и «оскорбление»; раскрыты виды преступлений против чести и достоинства личности в рассматриваемый период и проанализированы основные и дополнительные виды наказания за их совершение.*

Ключевые слова: *советский период, уголовный закон, уголовная ответственность, личность, честь, достоинство, преступления против чести и достоинства, клевета, оскорбление.*

Уголовному законодательству российского государства характерны несколько этапов становления и развития уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности. Максимально приближенным к действующему уголовному законодательству Российской Федерации относится кодифицированное уголовное законодательство советского периода.

Непрерывный исторический переход к советскому периоду был сопряжен с реформированием, как во внешней политике, так и во внутренней политической системе в виду становления советской власти и образования новых органов власти. Соответствующее преобразование коснулось и других сфер общественной жизни, экономических отношений, трудовой деятельности советских граждан, в том числе и системы права.

Первым кодифицированным советским уголовным законом выступил Уголовный кодекс РСФСР, принятый постановлением ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» от 1 июня 1922 г. Указанный закон

систематизировал уголовные нормы в Общую и Особенную части, а также структурировал их в отдельные главы, среди которых предусматривалась глава 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»¹.

Уникальностью данного уголовного закона являлось отсутствие упоминаний о чести, поскольку отдельная глава 5 предусматривала ответственность исключительно за иные посягательства на личность и ее достоинство. В данный период предполагалось, что оскорбление и клевета, как отдельные составы преступлений, затрагивали только лишь достоинство каждого человека. В то же время, достоинство человека понималось шире, поскольку к числу противоправных посягательств на достоинство человека относились также и иные посягательства, такие как хулиганство (ст. 176 УК РСФСР), заведомо ложные донос (ст. 177 УК РСФСР), заведомо ложное показание (ст. 178 УК РСФСР), которые больше характеризовали нарушение общественного порядка и пренебрежение к обществу, чем достоинство человека.

Диспозицией ст. 172 УК РСФСР предусматривались альтернативные способы совершения уголовно-наказуемого оскорбления (действием, словесно, на письме). Уместно отметить, что аналогичные способы совершения преступления были известны российскому дореволюционному уголовному законодательству, а именно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Основным отличием оскорбления «действием» от иного телесного посягательства являлся характер совершенных деяний, который был направлен исключительно на оскорбление человека посредством унижения его достоинства, нежели на последствия нанесенных телесных повреждений в виде синяков, побоев или иных повреждений.

Квалифицированным составом оскорбления, согласно ст. 173 УК РСФСР, являлось деяние, нанесенное распространением или публичным выставлением произведений печати, изображения.

Статья 174 УК РСФСР 1922 г. предусматривала ответственность за клевету, совершенную путем оглашения заведомо ложного и позорящего другое лицо обстоятельства, однако, указанный способ совершения клеветы в уголовном законе никаким образом не трактовался. Возможно, под этим предполагались сведения, известные виновному лицу, но не соответствовавшие действительности.

Квалифицирующим признаком клеветы, в соответствии со ст. 175 УК РСФСР, являлось разглашение информации путем ее распространения

¹ О введении действие Уголовного Кодекса РСФСР 1922 г. (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР 1922 г.») [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#Н7m8YAVYldc5xN2n3>.

в печатном или ином размноженном произведении. Перечень способов разглашения клеветы законом не был ограничен.

Кроме того, в уголовном законе 1922 г. предусматривались иные деяния, схожие с преступлениями против достоинства человека, но, стоит отметить, их объектом выступали государственные учреждения, либо должностные лица. Например, в ст. 90 УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение в письменном заявлении, а также за заведомо ложный ответ на официальный запрос вышеуказанных лиц и учреждений.

Последующий УК РСФСР 1926 г. во многом был схож с ранее действовавшим. Вместе с тем, ключевые изменения, затронувшие преступления против достоинства человека, заключались в диспозиции ст. 161 УК РСФСР, содержащей толкование понятия «клевета», как «распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений»¹. Само понятие «измышление» не трактовалось в уголовном законе. Тем не менее, под ним полагалось понимать то, что намеренно искажало истину. Так, обращаясь к толковому словарю С. И. Ожегова, под «измышлением» понимался «вымысел, выдумка»².

Следует также отметить, что уголовное законодательство советского периода 1922 г. и 1926 г. включало в себя дифференцированную систему наказаний в виде штрафа, принудительных работ и лишения свободы. Максимальное наказание не превышало одного года лишения свободы.

Однако особенно заметно усиление уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства человека в военные (1941-1945 гг.) и послевоенные годы, поскольку наряду с основными видами наказания за совершенные противоправные деяния предусматривались дополнительные наказания в виде конфискации имущества, лишения воинского или специального звания, высылки, ссылки, лишения прав занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью³.

С принятием нового Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. отмечались существенные изменения в сфере уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности, где отдельное внимание концентрировалось

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР 1926 г.») [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274#87X0ZAVAiJLEwo4o>.

² Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М.: «Гос. изд-во иностр. и нац. словарей», 1953. С. 125.

³ Об утверждении Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик [Электронный ресурс]: Закон СССР от 25.12.1958 г. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4905#Z6sIfAVcjlBUbXzr>.

на чести человека, поскольку предыдущие редакции советского уголовного закона содержали упоминания только лишь о достоинстве человека.

Основные разновидности преступлений против чести и достоинства личности были отражены в двух отдельных статьях уголовного закона. Статья 130 УК РСФСР предусматривала ответственность за клевету, под которой понималось распространение заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений, а статья 131 УК РСФСР — ответственность за оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженной в неприличной форме¹.

Уголовным законом 1960 г. предусматривался ряд квалифицирующих признаков отдельных составов преступлений против чести и достоинства личности, например, совершение клеветы или оскорбления в печатном произведении, средствах массовой информации, в анонимном письме и т. д.

Перечень наказаний в санкциях статей за преступления против чести и достоинства личности был дополнен видом наказания — исправительными работами, а также применением мер общественного воздействия.

Наиболее строгое наказание устанавливалось при повторном совершении клеветы или оскорбления, за которое предусматривалось максимальное наказание до пяти лет лишения свободы.

Таким образом, отличительной особенностью рассматриваемого периода об ответственности за преступления против чести и достоинства личности является стремление законодателя дать толкование понятий «клевета» и «оскорбление» и тем самым четко разграничить эти составы между собой.

Следует отметить и тенденцию к увеличению числа квалифицированных видов соответствующих составов преступлений, а также усиление ответственности за их совершение, что нашло свое отражение в санкциях статей.

Список литературы:

1. *О введении действие Уголовного Кодекса РСФСР 1922 г. (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР 1922 г.»)* [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#H7m8YAVYldc5xN2n3>.
2. *О введении действие Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР 1926 г.»)* [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274#87X0ZAVAiJLEwo4o>.

¹ Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г. [Электронный ресурс].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/6d8a39804bfe82e851812361be108dd1296a042c/.

3. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР 1926 г.») [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г.— URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274#87X0ZAVAiJLEwo4o>.

4. Об утверждении Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик [Электронный ресурс]: Закон СССР от 25.12.1958 г.— URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4905#Z6sIfAVcjlBUbXzr>.

5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М.: «Гос. изд-во иностр. и нац. словарей», 1953. 809 с.

DOI 10.34660/INF.2026.12.35.031

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕДАГОГА-ПРОФЕССИОНАЛА В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Грохольская Ольга Глебовна

*доктор педагогических наук, профессор,
Член-корр. Российской академии образования,
Член Отделения философии образования и теоретической
педагогики,
Москва, Россия*

***Аннотация.** Рассмотрены методологические контуры становления смыслового и ценностного контекста целевой стратегии самореализации личности будущего профессионала в условиях существующих рисков трансформации мирового сообщества. Выделены некоторые позиции, влияющие на развитие образовательных процессов, реализацию новых подходов в позиционировании сущности и природы человека в образовательных системах, выявлены обновленные стороны и конфигурации процесса подготовки профессионала в условиях цифровой образовательной среды. Отмечена важнейшая ключевая роль педагога в процессе саморазвития будущего профессионала. Автором обозначен методологический инструментарий на пути самореализации личности будущего педагога-профессионала, способствующий его профессиональному росту и успешному решению образовательных задач.*

***Ключевые слова:** трансформация, риски, подготовка профессионала, образовательный процесс, методологический инструментарий, педагог, обучающийся, информация, саморазвитие, содержание обучения, цифровой формат обучения, информационное пространство, коммуникация, самореализация, креативность, работа в команде.*

Сегодня мы живем в развивающемся мире, характеризующимся глобальными изменениями, которые неоднозначно оцениваются и принимаются различными мировыми державами и странами. Зачастую оценки изменяющейся реальности носят противоречивый характер в социальном пространстве мирового сообщества. Социальный, политический и культурный контекст преобразований подвигает ученых-исследователей обратиться к проблеме осмысления тревожных мировых трансформаций, к более тщательному профессиональному

анализу приобретаемого обществом опыта освоения информационного пространства, к определению формата обсуждения и конфигурации становления ценностей и духовных ориентиров личности будущего профессионала.

Следует отметить, что в условиях этих существенных трансформаций мирового сообщества особенно стремительно меняется наша молодежь, так называемое цифровое поколение. Важнейшие перемены в процессе становления личности будущего профессионала происходят под влиянием новой информационно-технологической реальности, характеризующейся ростом информационного давления, масштабными коммуникационными воздействиями, возможностями применения искусственного интеллекта во всех сферах окружающей действительности, а также характеризующейся технологическим прессингом расширяемых и обновляемых производств. Сегодня нельзя не принимать во внимание тот факт, что каждое новое поколение сталкивается с более высокими требованиями рынка труда, научными, техническими достижениями и общественными запросами, чем поколения прошлых десятилетий. Как показывают многочисленные исследования ученых, психологов и педагогов, преимущественно сетевое общение молодежи и избыточное увлечение виртуальной коммуникацией способствует появлению нового типа социального индивида — потребителя виртуальной культуры. Это — один аспект преобразований, характеризующий существующие риски процесса подготовки будущего профессионала.

Другой аспект преобразований касается того, что сегодня в мире идет борьба за универсальные смыслы жизни людей. Западными идеологами предпринята попытка выстроить ложную ценностную систему жизненных координат человечества, далекую от вековых традиционных духовно-нравственных основ взаимодействия людей, стран и народов. В результате применения в отношении нашей молодежи стратегии и методов гибридной войны (информационные атаки, кибертехнологии и методы искусственного интеллекта, коммуникативные провокации, открытые акты лести, лжи, террора и пр.), реализуются главные задачи — вывести поколение молодых из-под контроля старшего поколения и сделать управляемыми и, наряду с этим, более агрессивными, экстремистски настроенными; лишить молодое поколение позитивной картины опыта прошлой истории России, анализировать и работать с позитивной информацией о стране.

В связи с этим, в ряду наиболее актуальных задач решаемых педагогами сегодня, стоит развитие личности и индивидуальности самого учащегося, студента, его способностей к анализу, самостоятельности и самостоятельности, способности к саморазвитию. И этот процесс развития индивидуальности обучающегося и самореализации его личности становится важнейшей обновленной функцией учителя в современных условиях. Именно особенности и преобразования реальной жизни человека в современном перенасыщенном

информацией обществе, требующем самостоятельных решений в ситуациях с высокой степенью изменчивости, нестабильности и неопределенности, задают новый вектор понимания доминирующей функции педагога в процессе становления личности обучающегося, развивающегося будущего профессионала. Эта несомненная доминанта деятельности педагога является одной из опорных методологических установок успешной реализации процесса саморазвития человека.

Новый вектор понимания доминирующей функции педагога нужно рассматривать с позиций изменения идеологии образования в плане расстановки приоритетов в системе «педагог-ученик» в пользу педагога как главного лица в образовательном и воспитательном процессе [1].

Подтверждением идеи доминирования личности педагога в образовательном процессе, стала одна из публикаций известных историков, политологов, экспертов-аналитиков Куликова Д. Е., Сергейцева Т.С., Мостового П. П., в которой авторы констатируют, что главный тупик в идеологии образования сегодня, состоит в том, что «ученик — главное лицо в образовательном процессе» [2].

Широкое обсуждение по данному вопросу ведется в образовательном сообществе сегодня, которое утверждает, что до тех пор, пока нами провозглашается учащийся центральной фигурой образовательного процесса, мы не сможем организовать этот важнейший процесс становления и самореализации личности по сути, а значит и реализовать процесс становления будущего профессионала. Образование, при таких акцентах будет оставаться процессом «предоставления образовательных услуг». А учитель будет всегда оставаться, при этом, только репетитором, вспомогательным лицом. Какой у него авторитет? А без авторитета и уважения к педагогу воспитывать ученика, слушателя, студента невозможно. Поэтому главной фигурой в образовательном процессе сегодня должен быть педагог, который реализует идеологию — вырастить личность и помочь ее самореализации. Нужен жестко зафиксированный педагог, как доминанта образовательного процесса, как человек, содержательно и технологически обеспечивающий становление личности будущего профессионала [2].

О стратегии становления личности будущего педагога в образовательном сообществе сегодня также ведется широкий дискурс, результаты которого подтверждают актуальность постановки вопроса и его прогностический характер, а также то, что основной методологический посыл реконструкции образования состоит в определении смыслового и ценностного контекста данной стратегии [3; 4; 5 и др.].

Наше исследование смыслового и ценностного контекста стратегии саморазвития личности показало, что главные риски смыслообразования, становления личности и формирования будущего профессионала (нарушение взаимосвязи поколений, сбой механизма преемственности опыта и межпоколенческого

взаимодействия; навязывание ложных ценностей молодежи через коммуникативные провокации в медиаполе; сбои в формировании мировоззрения и др.), которые обозначены нами в ряде работ по данной проблеме [6; 7; 8] возникают именно на этапе перехода сознания личности от формирования ценностного пространства к пространству целеполагания.

Определяя смысловые основания становления ценностно-целевого поля будущего педагога-профессионала, мы определили методологические очертания (контуры) смыслообразующего контекста, под которыми подразумеваем линию последовательного наполнения процесса целеполагания личности смысловым и ценностным содержанием; говоря иначе — наполнения смыслового формата стратегии саморазвития студента-будущего профессионала. Назовем их [9]:

— процесс целеполагания, как постановка целей самореализации личности, вторичен по отношению к процессу формирования ценностей;

— в основании постановки цели положен смысловой и ценностный задел, полученные личностью студента и составляющие основу его будущей самореализации как специалиста, то есть формат его стратегии саморазвития;

— переход от ценностей к цели создает ценностное поле личности (семья, школа, вуз, среда и пр.), на основе которого и в ходе формирования которого происходит постановка цели саморазвития и самоопределения в будущей профессии.

С позиций данного методологического инструментария рассмотрим некоторые позиции, влияющие на развитие образовательных процессов, реализацию новых подходов в позиционировании сущности и природы человека в образовательных системах, а также рассмотрим обновленные стороны и конфигурации процесса подготовки профессионала в условиях цифровой образовательной среды.

Так, новое прочтение образовательной реальности сегодня повлекло за собой новую оценку человека, его сущности, его роли в процессе развития общества, состоящую в констатации появления нового типа социального индивида, субъекта познания, сориентированного на новое электронное социально-культурное пространство. Что нового мы наблюдаем в человеке, в анализе его сущности, в позиционировании личности, развивающейся в новой цифровой образовательной среде? Отметим, что изменения личности будущего профессионала состоят в следующем:

во-первых, это изменения в целях ее деятельности, которые направлены сегодня на внутреннее саморазвитие, поскольку в новой информационно-образовательной среде актуализируется задача обучения через творческое развитие, через открытия обучающегося, через непрерывную деятельность и продуцирование им собственных образовательных результатов [10, с. 504];

во-вторых, это изменения в средствах деятельности (увеличивается скорость получения информации — от «ручного труда» получения информации,

знаний, к инструментальному получению знаний, обусловленному развитием информатизацией среды). При этом новое состоит в том, что улучшается качество восприятия знания личностью, особенно с применением формализации как средства методологического обеспечения, которая дает возможность перейти — от восприятия знания на *содержательно-интуитивном уровне* (короткоформатный контент в цифровой среде) — к восприятию знания на *содержательно-осознанном уровне* (новый уровень обобщения);

в-третьих, это изменения в пространстве коммуникации личности, в характере этой коммуникации (расширяется круг межличностного общения, возрастает скорость принятия решений, появляется возможность коммуникации различных специалистов, а значит, реализуется возможность совместных успешных проектов и распределенных действий). Все это порождает изменения на рынке труда, становятся востребованными новые компетенции специалистов-профессионалов);

в-четвертых, это изменения в направленности мотивации (личность должна быть мотивирована на самостоятельную деятельность, на развитие собственной субъектности через получаемое знание, на конструирование собственного смысла своего обучения, на определение смысла будущей деятельности, нравственных установок и, в результате, на определение направления движения к самореализации).

Опираясь на новые подходы к оценке изменения сущности и роли человека в нынешней изменяющейся реальности, можно еще раз подтвердить вывод о том, что сегодня на первый план выходят проблемы психологического плана, связанные с личностными смыслами, личностными стратегиями человека, позициями и мотивациями. Данное обновление видения человека, субъекта в цифровой образовательной среде связано и с необходимостью использования нового методологического инструментария. Индивидуализация планов и запросов развивающегося человека — будущего профессионала и персонификация ответов на этот вызов — вот ключевая задача, которую призвана решить цифровая образовательная среда. Значит, она должна представлять собой пространство для развития и преобразования высших психических функций конкретного человека (мышление, память, внимание и пр.), а, следовательно, должна «работать» на определение направленности личности, ее жизненных планов, стратегий, установок, уровень мотиваций и устремлений в учебной деятельности.

Поэтому отвечая на новые индивидуальные запросы развивающейся личности будущего профессионала сегодня, запросы ее саморазвития, необходимо использовать информационную среду, современный переход на «цифру», как новый инструмент не только интеллектуального, но и нравственно-психологического развития личности. Важно, с одной стороны, чтобы

цифровая среда стала фактором развития высших психических функций конкретного человека, о которых говорилось выше (мышление, память, внимание и пр.), с другой стороны — чтобы стала средством содержательного наполнения процесса нравственного становления личности, создающим основу и формирующим направленность жизненных планов, стратегий, установок, уровень мотиваций и поведения субъекта [11, с. 8, 10]. И, при этом, особенно важно формирование у учащегося мотивированной установки на непрерывное обучение, готовности к расширению сферы известного, что и становится главной целью работы педагога в новой информационной реальности.

Таким образом, нами обрисован методологический инструментарий на пути самореализации личности будущего педагога-профессионала, способствующий его профессиональному росту и успешному решению образовательных задач:

новое понимание доминирующей функции педагога в ситуациях мировой нестабильности и неопределенности предполагает деятельность педагога как субъекта, принятие им самостоятельных решений, формирование у обучаемых и воспитанников опыта субъектности;

в условиях всеобщей цифровизации и применения технологий искусственного интеллекта изменяются форматы профессиональной деятельности педагога, поскольку у профессионалов возрастает скорость принятия решений и появляется возможность совместных коллективных распределенных действий в достижении результата;

существенным в реализации опыта субъектности, является развитие педагогом, через систему педагогических практик, мотивации личности будущего профессионала на самосовершенствование и повышение уровня активности и самоуправляемости, что выдвигает на передний план цель — формирование у обучающихся навыков самообразования;

для обеспечения эффективности самостоятельного извлечения и отбора информации будущим педагогом из информационных ресурсов и превращения ее в личностные сгенерированные знания, важным является развитие внутренних психологических факторов (ценностные позиции обучающегося, нравственные установки, мотивации, устремления субъекта в учебной и профессиональной деятельности);

важнейшим качеством будущего педагога является — быть субъектом в коммуникации, способность распознать эмоцию учащегося, оценить ее, правильно и корректно отреагировать на нее, то есть владеть взаимным уровнем понимания в процессе групповой деятельности, работы в команде;

одной из важнейших образовательных целей подготовки будущего профессионала становится формирование и развитие у студента — будущего педагога навыков логического выстраивания полученной информации, развитие навыков

оценки ее, анализа и систематизации и реализация этой цели видится через знание студентами основ формальной логики и умение применить формализацию как метод обобщения и уточнения сущностных сторон содержания обучения.

Список литературы

1. Грохольская О. Г. *Смысловый и ценностный контекст обновления образования сегодня*//*Ценностные основы развития российского образования: теория и практика. Монография. / Под ред. В. П. Борисенкова и М. Л. Левицкого. — Москва.: МАКС Пресс, 2023, — 544 с. — с. 476-486.*
2. *Сергейцев Т. С., Куликов Д. Е., Мостовой П. П. Идеология русской государственности. Контент Россия. — Питер, — 2021. — 688 с.*
3. Бермус А. Г. *Ценностные ориентации как важнейшие личностные результаты образования // Ценностные основы развития российского образования: теория и практика: монография / Под ред. В. П. Борисенкова и М. Л. Левицкого. М., 2023, 544 с. — с. 52-60;*
4. Борисенков В. П., Гукаленко О. В., Пустовойтов В. Н. *Поликультурное воспитательное пространство вуза как среда формирования гражданской ответственности и патриотизма // Педагогика. 2018. № 2. С. 44-51.*
5. Гукаленко О. В., Сериков В. В. *Формирование ценностных ориентаций — стратегическая цель российского образования // Ценностные основы развития российского образования: теория и практика: монография / Под ред. В. П. Борисенкова и М. Л. Левицкого. М., 2023. 544 с. — с. 13-27*
6. Грохольская О. Г. *Методологические акценты обновления воспитательного компонента образования сегодня*// *Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» № 94, Февраль 2023 (Часть 1) — Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2023-188 с. — с. 25-30.*
7. Грохольская О. Г. *Взаимосвязь поколений в становлении ценностных систем обучающихся*//*Наука и практика в образовании: электронный научный журнал, Т. 5. № 3. г. Омск, 2024. С. 71-77;*
8. Грохольская О.Г. *Методологические акценты в деятельности педагога и пути обновления образования*// *Актуальные научные исследования: от теории к практике: сборник материалов LIX-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, в 4 т., том 4, 20 января, 2025 — Москва: Издательство НИЦ «Империя», 2025.— 207с. С. 170-175.*
9. Грохольская О. Г. *Методологические контуры ценностно-целевого пространства саморазвития личности будущего педагога*// *Педагогика. 2025, № 9, т. 89. С. 34-44.*

10. Хуторской, А. В. Дидактика. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения/ А. В. Хуторской. — СПб.: Питер, 2017. — С. 540. — с. 504.

11. Грохольская, О. Г. Методологические акценты обновления дидактической системы гуманистической направленности//Сибирский учитель/О.Г.Грохольская, 2019, № 1. — С. 5-13.

DOI 10.34660/INF.2026.12.56.127

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПОСРЕДСТВАМИ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ

Пьянкова Татьяна Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент

Сочинский государственный университет

В данной статье рассматривается совокупность психолого-педагогических принципов, посредством которых может быть проиллюстрирована концепция деловой игры, рассматриваются основные структурные элементы игры, интегрирующиеся в сценарий с учетом вышеуказанных принципов, а также рассматриваются возможные роли участников игры с учетом ее целей.

Ключевые слова: *деловая игра, психолого-педагогический принцип, педагогическая цель игры, коммуникативная компетенция.*

Учебная деловая игра представляет собой практическое занятие, моделирующее различные аспекты профессиональной деятельности обучаемых и обеспечивающее условия комплексного использования имеющихся у них знаний предмета профессиональной деятельности, совершенствования их иноязычной речи, а также более полное овладение иностранным языком как средством профессионального общения и предметом изучения [Матвеева, 2011].

По мнению А. А. Вербицкого, концепция деловой игры может быть проиллюстрирована посредством представленной далее совокупности психолого-педагогических принципов:

- принцип имитационного моделирования в пространстве и во времени технологии и значимых условий предстоящей профессиональной деятельности;
- принцип игрового моделирования содержания и форм профессиональной деятельности участников игры;
- принцип системности содержания деловой игры;
- принцип диалогического общения и взаимодействия участников;
- принцип совместной деятельности, сотрудничества студентов;
- принцип проблемности содержания деловой игры;

— принцип двойного плана, что подразумевает единство условного (игрового) и реального планов деловой игры [Вербицкий, 2010, с. 6].

Анализ представленных выше принципов свидетельствует о том, что они учитывают закономерности образовательного процесса, осуществляемого посредством деловой игры, его составные части, логику и внутренние связи. Соответственно, проектирование и проведение деловой игры предполагает системный учет и внедрение указанных принципов. По своему содержанию деловые игры можно отнести к имитационно-игровым, в которых происходит «наложение» двух моделей деятельности: имитационной и игровой. Имитационная модель охватывает педагогические цели, предмет игры, структуру ролевого взаимодействия участников и систему оценки процесса и результатов игры. Игровая модель иллюстрирует отношения людей в реальной профессионально соотносенной ситуации, т.е. учитывает ее социальный контекст [Там же].

Таким образом, самыми значимыми составляющими игровой модели деловой игры будут: игровые цели, комплект ролей для участников деятельности, сценарий, правила игры. Стоит отметить, что двойственность целей деловой игры является средством обеспечения принципа двойного плана. Кроме того, необходимыми структурными элементами игры являются ее методическое и материально-техническое обеспечение. Методисты, занимающиеся проблемой стимулирования и оценки деловой игры, советуют строить систему стимулирования на основе арбитража, что подразумевает контроль хода деловой игры преподавателем и, при необходимости, его ассистентами из числа студентов.

К функциям арбитражных групп относят:

- а) непрерывное наблюдение за участниками игры;
- б) оценка их действий путем начисления баллов при успешной деятельности или любых нарушениях (на основе использования критериев оценки различных видов деятельности участников игры) [Эльконин, 2004, с. 63].

Отметим, что одной из важных проблем, требующих решения, является объективная оценка индивидуальной работы каждого участника игры [Давыдов, 2010]. Эту проблему можно решить только активным участием в игре преподавателей-руководителей, способных получить более полное представление о способности студентов и использовать эти выводы для оценки результатов. Утверждается, что существенную роль в увеличении эффективности игрового процесса играет завершающий (рефлексивный) этап игры, а именно обсуждение ее итогов. В ряде случаев анализ пройденного мероприятия и принятых в ходе игры действий бывает важнее самого решения, хотя многим студентам последнее дается труднее всего. Опыт ряда вузов свидетельствует о том, что если после игры обсуждение не проводилось, то приобретенные в ходе игры навыки быстро теряются [Олешков, 2002].

Обсуждение итогов рекомендуется проводить методом конференции, поскольку данный формат дает каждому из участников возможность озвучить свое мнение, оценить свои достижения и достижения своих одногруппников, обозначить сильные и слабые стороны реализованной деятельности, после чего педагогу предстоит подвести общие итоги и оценить работу каждого из участников игры. Следует отметить, что «рефлексия может иметь место и на промежуточных этапах, если игра сложная и довольно длительная. Такой разбор — необходимая составная часть сценария, несет важную учебную и воспитательную нагрузку» [Вербицкий, 2010, с. 18].

С учетом основных психолого-педагогических принципов проектирования и проведения деловой игры, студентам педагогических направлений подготовки можно предложить игру «Занятие по английскому языку в вузе», которую целесообразно использовать как ведущую форму квазиметодической деятельности будущих учителей английского языка с целью формирования и обогащения их компетентностного индивидуального опыта по проведению занятий разных типов.

Педагогические цели деловой игры должны включать:

- формирование профессиональных компетенций будущих учителей и ее составляющих, приобретение студентами целостного опыта выполнения будущей профессиональной деятельности, развернутой во времени и пространстве;
- получение опыта социальных отношений, формирование информационной, коммуникативной, организационно-управленческой, контрольно-оценочной компетенций;
- формирование опыта творческого профессионального мышления, познавательной и профессиональной мотивации;
- формирование умений составлять и осуществлять на практике проект методической деятельности по достижению целей в заданных условиях, делать анализ и самоанализ методической деятельности.

Таким образом, в деловой игре в наиболее полном виде синтезируются специфические признаки педагогических технологий (в том числе и игровых), что позволяет эффективно использовать контекстное обучение в образовательном процессе высшей школы.

Проведению деловой игры способствует нормированность учебного времени в вузах, наличие аудитории, доски, рабочих материалов и других технических средств обучения при необходимости. Деловая игра должна проходить следующие этапы: подготовка, проведение самой игры и подведение итогов, или рефлексия.

Цель этапа подготовки деловой игры — создание условий для ее организации и проведения. В задачи данного этапа входит: определение места деловой игры в учебном процессе, ее временных и пространственных границ; создание методического и технического обеспечения; проведения вступительной беседы

с будущими игроками, в рамках которой проводится знакомство студентов с целями и сроками проведения игры, ее правилами, осуществление психологического «настроя на игру», распределение ролей игроков, определение их функций. На данном этапе необходимо: обеспечить игроков необходимыми рабочими материалами; предоставить индивидуальную помощь каждому участнику игры при необходимости в виде тьюторства, менторства, коучинга или других форм консультации.

Как считает Г. С. Абрамова, цель этапа проведения деловой игры — приобретение студентами опыта целостной методической деятельности на исполнительском уровне. В задачи данного этапа должно быть включено: содействие проведению игры в условиях, максимально приближенных к реальному учебно-воспитательному процессу в образовательных заведениях; обеспечение психологического комфорта во время игры для всех ее участников; создание благоприятных условий для раскрытия собственных творческих профессионально значимых способностей каждым игроком [Абрамова, 1999].

Цель этапа рефлексии деловой игры — приобретение студентами индивидуального опыта анализа и самоанализа целостной методической деятельности с разных позиций (овладение рефлексивным аспектом методической деятельности). В задачи данного этапа следует включить: предоставление возможностей каждому студенту сделать письменный анализ посещенного занятия по заранее сформулированной схеме в соответствии с выполняемой ролью, обнародовать свои мысли, создать благоприятную психологическую атмосферу по осуществлению рефлексивной деятельности каждым студентом.

Комплект ролей и функций игроков включает непосредственный блок ролей, ролевые инструкции игрокам, общие правила общения, права и обязанности участников игры. С учетом целей деловой игры и ее предмета может быть составлен следующий комплект ролей участников игры:

1) «учитель английского языка» — проводит занятие в соответствии с заранее разработанным им конспектом (сценарием) занятия и делает его самоанализ по предоставленной схеме;

2) «директор школы» — анализирует занятие с позиции соответствия его структуры выбранному типу занятия, поведения учителя и обучающихся на занятии, реализации учителем контролирующей функции, воспитательного эффекта занятия;

3) «завуч-организатор» — анализирует занятие с позиции способности «учителя» организовать самостоятельную деятельность обучающихся на занятии, составляет профессиограмму «педагога»;

4) «руководитель методического объединения учителей английского языка» — анализирует занятие с позиции методики английского языка: цели, содержание, методы и приемы, средства и формы обучения;

5) «педагог-психолог» — анализирует психологическую атмосферу на занятии, эмоциональное состояние учителя и обучающихся, отмечает систему взаимодействия всей группы на занятии;

6) «обучающийся-отличник» — всегда активный «ученик», дает правильные ответы, поэтому может быть использован «учителем» как «помощник»;

7) «обучающийся-провокатор» — эта роль выполняется в игре «при необходимости», обучающийся-провокатор задает «неудобные» для «учителя» вопросы, может нарушать дисциплину на занятии;

8) «внутренний голос» — помощник, которого заранее выбирает себе «учитель», он имеет право подсказывать в неопределенных ситуациях;

9) «просто обучающиеся» (другие участники игры) — все остальные студенты группы; выполняют предлагаемые «учителем» задания, а на итоговом этапе анализируют посещенное занятие с позиции собственного комфорта на нем.

Таким образом, в деловой игре присутствует особый игровой контекст, разворачивающийся в соответствии с сюжетом, определенными игровыми правилами и предусматривающий деловое взаимодействие участников. В игре присутствуют цели — игровые и учебные. В деловой игре происходит моделирование значимых для участников игры проблемных ситуаций профессионального общения, способствующих формированию устойчивых навыков и умений делового общения на иностранном языке. Следовательно, можно сделать вывод, что активные образовательные технологии являются эффективным средством обучения профессионально-иноязычному общению, а деловая игра позволяет успешно преодолеть психологический и лингвокультурный барьер в ситуациях делового общения на иностранном языке и ведет к формированию коммуникативной компетенции, то есть способность человека к общению в одном или нескольких видах речевой деятельности, приобретаемую в процессе естественной коммуникации [Бочарникова, 2009].

Список использованной литературы

1. *Абрамова, Г. С., Степанович, В. А. Деловые игры: теория и организация.* — Екатеринбург: Деловая книга. — 1999. — 192 с.

2. *Бочарникова, М. А. Понятие «коммуникативная компетенция» и его становление в научной среде / М. А. Бочарникова. // Молодой ученый.* — 2009. — № 8 (8). — С. 130-132. — URL: <https://moluch.ru/archive/8/566>.

3. *Вербицкий, А. А. Педагогические технологии контекстного обучения: научно-методическое пособие.* — Москва: РИЦ МГГУ, им. М. А. Шолохова. — 2010. — 55 с.

4. Матвеева, И. А. Формирование профессионально-коммуникативной компетентности выпускников военного авиационного вуза средствами деловой игры // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. — № 2-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalno-kommunikativnoy-kompetentnosti-vypusknikov-voennogo-aviatsionnogo-vuza-sredstvami-delovoy-igry>.

5. Олешков, М. Ю. Деловая игра в системе профессиональной подготовки студентов // Ученые записки НТГПИ: Педагогика и психология. — Нижний Тагил, 2002. — С. 57-63.

6. Эльконин, Д. Б. Основная единица развернутой формы игровой деятельности. Социальная природа ролевой игры // Мир психологии. — 2004. — № 1. — С. 60-68.

DOI 10.34660/INF.2026.14.59.020

МОРФОЛОГИЯ И МИФОЛОГИЯ ОТКРЫТОГО УРОКА ПРОВОЛОЧНОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Демкова Ольга Александровна

педагог

МБОУ ДО «Луганская детская школа искусств № 3

Косполова Наталья Эмильевна

реставратор станковой живописи III категории, соискатель

Тюменский государственный институт культуры

ORCID ID: 0000-0002-2759-3016

***Аннотация.** Инновационные подходы в системе дополнительного образования могут касаться как материала или предмета детского творчества (редко используемая стальная проволока и сопутствующие либо контрастные материалы), так и теоретической базы, горизонты которой могут быть расширены с учетом достижений смежных наук. В данном экспромте мы рассматриваем морфологию урока проволочной скульптуры с учетом применения знаний в области фольклора, мифологии и истории. Гипотеза исследования — актуальность расширения предметной базы урока дпи. [2].*

***Ключевые слова:** лесной дух, миф, образ, проволока, сказка, технология, трансформация.*

***Keywords:** image, fairy tale, forest spirit, myth, technology, transformation, wire.*

Актуальность новых подходов и междисциплинарных исследований в искусствоведении, психологии и педагогике — вопрос уже давно не риторический. Закономерно и своевременно, что мы рассматриваем морфологию урока проволочной скульптуры с позиций фольклорной и мифологической парадигмы.

Вставая на путь оправдания вариативности, способности к самоорганизации, открытости в широком смысле урока по плетению скульптур из проволоки, мы подчеркиваем важность включения в теоретический инструментарий такого занятия сказки, этики и эстетики сказки как вводной части работы.

В таком случае морфология урока, так или иначе ориентированного на освоение нового материала или метода дпи, может быть представлена и как совокупность обязательных составляющих, апробированных в стандартном

педагогическом формате, и как подготовительная часть педагогической музеефикации, сближающей отрасли педагогики, музееведения, психологии (арт-терапия) и литературы как мифотворчества в рамках школы. [2]. В этом контексте приведем высказывание Гете: «Морфология еще должна легитимироваться как особая наука, делая своим главным предметом то, что в других областях трактуется при случае и мимоходом, собирая то, что там рассеяно, и устанавливая новую точку зрения, позволяющую легко и удобно рассматривать вещи природы.» [5, с. 5].

Не игнорируя ставимые перед учащимися обязательные задачи, правильно дозированные компоненты смежных отраслей (мифология, фольклор, литература) в таком уроке послужат не только решению сложных педагогических задач, но и гуманности подведения установок предпрофессиональной подготовки.

Структура, морфология такого урока в плане освоения новой техники близка в ряде моментов урокам керамики, но основное отличие в этом случае, что гибкая и устойчивая проволока не должна застывать, выпекаться, ждать, когда ученик увидит результат своего труда — как в случае с глиной. В случае с проволокой «вечность» материала практически познается наощупь.

После вводной части, на которой имеет смысл остановиться подробнее в рамках нашего исследования, состав урока выглядит как ряд последовательных задач, заданий, творческих пауз:

1. Ознакомление с материалом
2. Работа с графическим эскизом [1, с. 68].
3. Создание элемента, фрагмента или целой скульптуры из проволоки
4. Фиксация узловых моментов урока (фотофиксация, зарисовки)
5. Психологическая разрядка (музыкальная пауза или мотивированная разрядка опорно-двигательного аппарата)
6. Продолжение работы и оценка результата
7. Выработка навыка оформления рабочего места либо базовая подготовка к созданию авторской выставочной зоны

Длительные, пролонгированные этапы процесса создания проволоочной скульптуры подразумевают формирование навыка работы в новой технике, развитие творческой инициативы, воспитание стойкой заинтересованности в освоении данной техники и формирование умения работать на прогнозируемый результат. Включение творческого мышления путем способности комбинировать разные элементы — лишь часть творческого сегмента урока, в морфологии которого значимым компонентом мы предлагаем обращение к сказке.

В рамках такого специфического формата, как проволока, достаточно «взрослого» и трудоемкого, «сказочная» эстетика все-таки не будет ни чуждой, ни неуместной. Упомянутых во вводной части урока скульпторов уже

в самом начале стоит подразделить, условно говоря, на тяготеющих к бионике либо индифферентных к ней. Среди первых заслуженное место занимает ландшафтный художник Мартин Дебенхейм. [6]. Знакомясь с его работами, учащиеся обратят внимание на связь природы — и уже проволочных, застывших на века форм, обыгрываемых с профессиональной честностью биолога и музыкальным чутьем художника. Тонкие руки любующихся миром трав девушек нежно прикасаются к проволочным одуванчикам; сказочные феи легко парят над лужайками. «Точкой включения», «провоцирующим инцидентом» в драматургии урока может стать вопрос — кто такие лесные духи и феи [4, с. 777], от ответа на который может зависеть дальнейший ход занятия, а также те морфологические и мифологические компоненты, которые мы представляем видим значимыми в данной парадигме.

Современный ландшафтный скульптор Дебенхейм значим в данном контексте именно потому, что обращается к реликтовым, архетипическим образам, подробно рассматриваемым рядом исследователей угорского, восточного, русского фольклора. Собственно реальной, вещественной передаче сказочных образов и должна быть посвящена вводная — и с опорой на нее основная часть репрезентируемого нами занятия. [3].

Воображение и фантазия, пронизывающие атмосферу такого урока, окажутся задействованы на различных уровнях в начале — в конце занятия. Все виды творчества, будь то рукоделие современного школьника, столетняя традиция ремесленника прошлых веков, создание сказки или устная передача мифа объединены элементами чуда, объективируемого в трансцендентном и архетипическом, в «волшебных сказках» зари человечества.» [5, с. 14]; [4, с. 775-784].

Детям необходимо понимание, что проволока требует не только физической силы, но и терпения, аккуратности. Но рамки творческой задачи как отдельного урока, так и всего курса — шире. Школьники в процессе творения нового мира не только учатся чувствовать материал, предсказывать его поведение, но и по-новому мыслить. Как ни парадоксально, но длинный извилистый путь творения из проволоки конкретного предмета — нового в этом мире образа — образует самую прямую и непосредственную связь с прототипическим и архетипическим, задающую нужную этическую и эстетическую направленность целому поколению, которому предстоит разбираться с ошибками предшественников, перегрузивших механизмами и ядовитыми промыслами живую ткань планеты.

Литература.

1. Манукян Э. (Центр ГБОУ «Воробьевы горы», Москва).
Коллаж// Журнал Поем, танцем и рисuem № 8-2024. М.: ИП Волкова Е. Ю., 2024-82с. — С. 68.
2. Косполова Н. Э. Интерактивные методики организации творческого мышления // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. Сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции 6 марта 2012. Ч. I. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества (ЦНПС), 2012. — 196с. С. 164-168.
3. Косполова Н. Э. Невербальная коммуникация в смешанных группах как инновационная культуротворческая технология. // Вестник развития науки и образования, № 2-2012 М.- Саратов: ЗАО «АЛКОР», ООО АПЕКС-94, 2012-128с. С. 51-55.
4. Косполова Н. Э. Провоцирующий инцидент мансийского мифа в легенде о черной березе. С. 775-784 // Вопросы культурологии. Научно-практический и методический журнал. № 9-2025, том XXII. 852с.
5. Пропп В. Я. Морфология сказки. Вопросы поэтики, Вып. XII. Ленинград: «ACADEMIA», 1928. — 152с.
6. Мартин Дебенхейм <https://kulturologia.ru/blogs/040418/38483/> -

DOI 10.34660/INF.2026.15.18.017

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ БУКВАМ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ

Тасбулатова Назерке Уразгалиевна

магистр, старший преподаватель

Бакытжан Акерке

студент

Казахский государственный женский педагогический университет

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются особенности традиционных и современных методов обучения буквам в период обучения грамоте. В системе начального образования обучение грамоте является важным этапом, формирующим у учащихся навыки чтения и письма. В ходе исследования проводится анализ содержания и эффективности традиционных методов обучения буквам, а также определяются возможности методов, реализуемых на основе современных педагогических технологий. Кроме того, проводится сравнительная характеристика преимуществ и недостатков двух методов. В статье показана роль современных методов в повышении познавательной активности учащихся и обоснована важность сочетания традиционных и современных подходов. Исследование проведено на основе сравнительно-аналитического метода.*

***Ключевые слова:** период обучения грамоте, методы обучения буквам, традиционное обучение, современные педагогические технологии, учащиеся начальных классов.*

План

1. Введение
2. Исторические основы обучения грамоте и освоения букв
3. Традиционные методы обучения буквам
4. Современные методы обучения буквам
5. Сравнение традиционных и современных методов
6. Заключение

Введение

Обучение грамоте — это начальный этап начального образования и систематический педагогический процесс, направленный на формирование у учащихся навыков чтения и письма. Цель предмета «Обучение грамоте» — заложить основы функциональной грамотности через формирование навыков говорения, слушания, письма и чтения, создавая условия для развития мотивированной к обучению личности. В период обучения грамоте учащиеся учатся различать звуки, распознавать буквы, соединять их в слоги и слова, формируют навыки правильного письма. Обучение грамоте является основой развития языковых, познавательных и коммуникативных способностей учащегося и обеспечивает успешность дальнейшего образовательного процесса.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1) ознакомление с буквами казахского алфавита (печатная и письменная форма, заглавные и строчные буквы);

2) формирование навыков чтения и письма через составление слогов из букв, слов из слогов и предложений из слов;

3) формирование и совершенствование навыков чтения (правильное, выразительное, беглое и осознанное чтение) и письма (без ошибок, аккуратно, с соблюдением правил каллиграфии);

4) формирование элементарных представлений о языковых единицах (звук, слог, слово, предложение, текст), орфографии и пунктуации;

5) воспитание интереса к чтению книг;

6) развитие умений сравнивать, группировать и систематизировать через обучение простым способам анализа;

7) формирование культуры речи и общения;

8) обогащение и активизация словарного запаса, развитие связной речи;

9) формирование духовно-нравственных качеств через воспитание любви к родному языку, истории, культуре и традициям;

10) формирование коммуникативных навыков (умение слушать собеседника, участвовать в диалоге, понимать наличие разных точек зрения, ясно и полно выражать свою позицию);

11) обучение применению полученных языковых знаний и навыков в повседневной жизни;

12) воспитание ответственности и нравственного отношения к своим действиям.

В современных условиях начального образования особое значение придается периоду обучения грамоте и использованию эффективных методов обучения. В настоящее время вопрос освоения букв является особенно актуальным, поскольку обновление содержания образования, изменения учебных программ, индивидуальные особенности учащихся и внедрение цифровых технологий

требуют нового подхода к организации процесса обучения грамоте в начальных классах. В связи с этим возникла необходимость выявления возможностей и ограничений традиционных методов и определения эффективных сторон современных педагогических технологий. Основная цель данной статьи — сравнить традиционные и современные методы, применяемые в обучении грамоте, и проанализировать их особенности.

Основная часть

Исторические основы обучения грамоте и освоения букв. Первые письменности имели пиктографический характер. Пиктографическое письмо представляло собой систему рисунков, изображающих конкретные предметы или явления. Например, в Древнем Шумере и Египте в IV-III тысячелетиях до н.э. пиктограммы использовались для фиксации событий повседневной жизни. Поскольку пиктограмма имела только образное значение, она не передавала конкретный звук или слово и не представляла собой полноценную фонетическую систему. Позже из пиктограмм развились идеограммы, которые обозначали не только предмет, но и идею или понятие. На этом этапе письмо стало более сложным, и для его освоения требовались специальные навыки. Кроме того, письмо было доступно лишь элите: жрецам, правителям или торговцам.

Первые признаки фонематического письма появились примерно в III-II тысячелетиях до н.э. у семитских народов. В этой системе каждый знак обозначал определенный звук, и начали различаться гласные и согласные. Протосинайское письмо считается одной из первых фонематических систем и послужило основой для финикийского алфавита. Финикийская письменность представляла собой полностью консонантную систему (абджад), где обозначались только согласные, а гласные передавались интонационно. Эта система легла в основу многих современных письменностей, включая арабскую, еврейскую и греческую.

Алфавитное письмо основано на фонемном принципе, где каждый знак соответствует определенному звуку. Греки адаптировали финикийский алфавит, добавив обозначения гласных, что сделало его полноценной фонетической системой. Это упростило процесс обучения чтению и письму и способствовало распространению грамотности. Латинский алфавит, кириллица и другие современные алфавитные системы являются результатом этого исторического развития.

В истории Казахстана изначально использовалось арабское письмо. В начале XX века **Ахмет Байтурсынов** создал казахский алфавит и поднял обучение грамоте на новый уровень. В советский период проводилась кампания по ликвидации неграмотности. В настоящее время обучение грамоте развивается в сочетании с цифровыми технологиями.

Таким образом, обучение грамоте прошло длительный исторический путь развития, в ходе которого сформировались различные методы обучения. В данной статье будут сравнены два подхода: традиционный и современный.

Традиционные методы обучения буквам — это педагогические подходы, применяемые на основном этапе обучения грамоте. Их главная цель — научить учащихся звуковому значению букв и сформировать навыки чтения через составление слогов и слов. Эти методы применяются на протяжении многих веков. К традиционным средствам относятся бумага, мел, тетрадь, доска, фонетический анализ. Основой метода является освоение звукового значения буквы: сначала учащиеся узнают буквы и учатся правильно произносить соответствующие звуки, затем соединяют буквы в слоги и слова.

Среди традиционных методов можно выделить методы Петерсона, Зайцева и Жунусбека.

Метод Петерсона основан на фонетическом принципе: каждая буква обозначает определенный звук, который учащийся должен правильно понять. Работа строится следующим образом: сначала изучается звуковое значение буквы («А» — звук [а]), затем буквы объединяются в слоги («па», «ма»), далее слоги складываются в слова («апа», «ана»). В этом методе учитывается индивидуальный темп обучения каждого ученика.

Метод кубиков Зайцева представляет собой более игровую форму обучения. Используются наглядные материалы: буквы и слоги размещаются на кубиках или карточках, дети составляют из них слоги и слова. Например, красный кубик — «А», синий — «М», вместе образуют слог «МА». Этот метод повышает мотивацию и учитывает индивидуальные особенности памяти и мышления учащихся.

Метод Жунусбека применяется в казахских школах и учитывает особенности казахского языка. Особое внимание уделяется различию гласных и согласных звуков, формированию навыков чтения через составление слогов и слов, а затем предложений и текстов. Преимуществом традиционных методов является развитие фонетического анализа, однако они часто ориентированы на механические упражнения и ограничивают развитие творческих способностей.

Современные методы обучения буквам реализуются через интерактивные, игровые и мультимедийные технологии. Они направлены на повышение интереса, активности и творческих способностей учащихся. К современным методам относятся:

- методы на основе информационно-коммуникационных технологий (интерактивная доска, цифровая азбука, мультимедийные задания);
- интерактивные задания (поиск букв, сопоставление, составление слов);
- игровые технологии (буквенное лото, пазлы, цифровые игры);
- современные фонетико-звуковые методы (слушание и различение звуков);

- визуальные методы (анимации, связь изображения и буквы);
- цифровые задания, разработанные учителем (PowerPoint, Wordwall, LearningApps).

Таблица сравнения методов:

Вид метода	Преимущества	Недостатки	Пример применения
Традиционный метод	Формирует правильное письмо; развивает каллиграфические навыки; способствует развитию фонетического анализа	Требует много времени на механические упражнения; слабо развивает творческие способности	Письмо в тетради, написание букв на доске, фонетические упражнения
Современный метод	Повышает интерес учащихся; использует игровые и мультимедийные технологии; ускоряет усвоение слогов и звуков	Ограничен при отсутствии технических средств; недостаточно развивает навыки письма	Интерактивная доска, BilimLand, буквенное лото, цифровые пазлы

Современные методы обучения письму сегодня реализуются с помощью специальных платформ. В казахстанских школах широко используется платформа BilimLand, раздел «Сауат ашу» которой является эффективным примером современного обучения грамоте. В этой платформе представлены анимационные видеоматериалы по каждой букве, звуковые задания, интерактивные упражнения, направленные на составление слогов из букв и слов из слогов. Такие задания способствуют развитию фонематического слуха у учащихся и помогают глубже понять связь между буквой и звуком.

Еще одной платформой является Bala.soyle.kz. На этих платформах предлагаются задания на прослушивание, различение и правильный выбор звуков, что в итоге способствует формированию речевых навыков и языкового чутья у ребенка.

Еще одним важным направлением современных методов является использование игровых технологий. С помощью интерактивных игр, буквенного лото, цифровых карточек и пазлов учащиеся осваивают буквы свободно и с интересом. Кроме того, элементы метода Зайцева (обучение на основе слогов) сегодня применяются в цифровом формате и сочетаются с современными методами.

Подводя итог, можно сказать, что результаты исследования показывают: при обучении детей грамоте полезны оба метода. Традиционный метод является основой обучения грамоте, его фундаментом, от которого мы не можем отказаться. Однако система образования должна соответствовать требованиям времени, поэтому необходимо знать и применять современные методы.

В настоящее время эти два метода не могут существовать друг без друга — они являются взаимодополняющими компонентами.

Традиционные методы эффективны в формировании образца написания букв и навыков красивого письма, тогда как современные методы повышают интерес учащихся и способствуют осознанному усвоению букв и звуков. Например, на этапе знакомства с новой буквой можно использовать современные методы — интерактивную доску, цифровую азбуку, звуковые упражнения, а на этапе закрепления и письма применять традиционные методы — работу в тетради, каллиграфические упражнения. Такой подход позволяет одновременно повысить интерес ученика и системно сформировать навыки письма.

Список использованных источников:

1. *Министерство образования и науки Республики Казахстан. Государственный общеобязательный стандарт начального образования: приказ № 199 от 10 мая 2018 года.*
2. *Методика Байтурсынова // Егемен Казахстан. — 2022. — 14 февраля. — URL: <https://egemen.kz>*
3. *Джахакеева А. П., Уразбакова У. Т., Мамеева А. Е. Технология обучения письму: учебное пособие. — Алматы: CyberSmith, 2021. — 176 с.*
4. *BilimLand. (2026). Обучение грамоте — <https://bilimland.kz>*
5. *Bala.soyle.kz. (2026). Говори.: <https://bala.soyle.kz>*

DOI 10.34660/INF.2026.15.82.176

ТАТАРЫ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ МИРЕ

Хайруллин Гриф Тимурзагитович

доктор педагогических наук, профессор

Университет «Туран», г. Алматы, Казахстан

***Аннотация.** Современный татарский народ прошел длинный путь формирования и развития во взаимосвязи со многими народами Евразии. Современные татары и их предки — активные участники исторических событий на континенте. Выделение не общих элементов для разных групп татар, а их отличий, используется в целях нарушения единства народа. Дробление единого народа способствует ускорению русификации татар. Попытки обосновать однокорневое происхождение татар, отказ от деяний его предков обедняют историю народа.*

***Ключевые слова:** татары, хунну, гунны, кипчаки, болгары, татаристы, болгаристы.*

В данной работе под татарами понимается лишь тот народ, который сформировался в Волго-Уральском регионе и носит то же наименование «татары», нередко — с уточнениями (казанские, волжские татары и т.п.). Происхождение древних татар и других тюркоязычных народностей относится к 5-4 тысячелетиям до нашей эры. Алтайско-Центральноазиатский регион признается прародиной ранних тюрко-татар. Существует и иной взгляд: прародиной татар считают Волго-Уральский регион, откуда тюркские племена рассеялись по всему континенту Евразия (К. Т. Лайпанов и И. М. Мизиев).

Первое упоминание великого народа «татары» Эдуард Паркер относит к II в. н. э. Народ Татарии он называет хунну и отмечает, что между хунну, гунну и скифами «существовала некая этнографическая связь. Кочевой народ хунну жил на коне... Каждый взрослый мужчина, способный натянуть лук, становился воином» [3, с. 9-10]. Предводитель хунну Модэ (Багадур, Бахадур, умер в 173 гг. до н. э.) был знаменитым военачальником и искусным дипломатом, он объединил всех татар. Это один из «величайших завоевателей в мировой истории, его по справедливости можно назвать Ганнибалом Татарии... Кир и Александр, Дарий и Ксеркс, Цезарь и Помпей — все они предпринимали чрезвычайно значимые в истории походы,

но они не идут ни в какое сравнение с масштабом кампаний, проходивших в восточной части Азии» [3, с. 18].

Северные хунну перекочевали на западные земли и заняли территорию между реками Волга и Урал. В IV в. н. э. начинается Великое переселение народов, в 434 году был создан Гуннский союз с центром в Паннонии. Предводитель гуннов Атилла (Аттила, Аттилла) был гениальным военачальником и умелым политиком, Гуннский союз распался после смерти Атиллы. У современных татар Атилла — одно из любимых мужских имен. Это имя может означать «атлы — илле» человека, т. е. человека, обладающего уважаемым именем (по-другому — «обладающего конем») и своей, независимой страной (илле).

Затем были созданы Хазарский каганат и Великая Болгария в Приазовье. Хан Великой Болгарии Кубрат принадлежал к тому же роду, что и Атилла. После смерти Кубрат-хана в 642 году разошлись его сыновья. Аспарух со своей ордой ушел на запад и стал основателем государства Болгария; Котраг перекочевал на Среднее Поволжье и там создал государство Волжская Булгария. Здесь проживали финны, тюркизированные угры, пришедшие в гуннской массе, булгары, татары-кипчаки, пришла новая волна тюрко-угорских племен с востока. «Это большое, разнотническое, но постепенно подвергавшееся влиянию булгар население, позднее, уже в XI-XII вв., обогащается за счет проникновения с юга и юго-востока новых этнических массивов» [4, с. 174].

Позже возник Тюркский каганат, в начале VII в. он разделился на две части. Восточно-Тюркский каганат населяли древние татары, тогда слова «тюрок» и «татар» стали синонимами. Этот каганат считают центром раннетюркской цивилизации, здесь был образован литературный язык древнетатарской народности. После падения Восточно-Тюркского каганата (745 г.) часть древнетатарского населения ушла на запад и активно участвовала в создании Кимакского каганата в Западной Сибири.

В начале XI в. тюркоязычные племена Северного Алтая кипчаки (половцы, куманы) «перешли в движение, составив второе после гуннов переселение народов на запад, ... заняли уже приуральские степи... Кипчаки стали хозяевами огромных степей... «Дешт-и-Кипчак». Вторая половина XI в. для кипчаков — время обретения родины именно в этих степях» [4, с. 178]. Животноводство было основным занятием населения данного государства. Позже кипчаки стали заниматься и земледелием, было развито кожевенное, портняжное, кузнечное ремесла, ювелирное искусство и т. д. Высокий уровень развития кипчакской цивилизации отражается в письменном памятнике 1303 года «Кодекс Куманикус» — латинско-персидско-кипчакском словаре. Кипчакский язык на латинской графе назван здесь *comanicum*, а на кипчакской графе — *tatarce* (татарча, по-татарски).

XIII в. — это начало монгольских походов, авангардные части войска обычно состояли из татар. В 1236-1238 гг. были покорены Волжская Булгария и Дешт-и-Кипчак. Известно, что татары из монгольских войск однажды обратились

к кипчакам из числа защитников с предложением не воевать: «Мы и вы один народ и из одного племени». Значит, близкородственная связь кипчаков и восточных татар тогда не подвергалась сомнению. После европейских походов Батый-хан отпустил войско в Монголию, оставив при себе лишь четырехтысячную группу, его первая ставка располагалась на земле Булгарии. На новых территориях были проведены перемещения народов. При этом в степи Нижнего и Среднего Поволжья, в Волжскую Булгарию и Нижнее Прикамье были переселены кипчаки из причерноморских и донских степей (С. А. Плетнева). Отметим, что подобные переселения не были единичным случаем.

1243 год считается датой создания крупнейшего государства Средневековья — Золотой Орды (Улуса Джучи). Население состояло из тюркоязычных народов (татары, кипчаки, болгары, маджары и т.д.), вскоре все население стали называть татарами. Оно занималось животноводством, земледелием, металлургией, гончарным производством, изготовлением стеклянных и костяных изделий, внутренней и международной торговлей, были развиты ювелирное и кожевенное мастерство. До XV в. шла постепенная ассимиляция болгар татарами, подобная ассимиляция произошла и с этнонимом «кипчак». «Основным . . . народом Золотой Орды был тюркоязычный татаро-кипчакский суперэтнос с единым государственным, разговорным и литературным языком» [4, с. 194]. XIV в. — это период наивысшего уровня развития Золотой Орды и формирования татарской народности.

Золотая Орда распалась в 40-е гг. XV в., возникли другие татарские государства (Астраханское, Казанское, Касимовское, Крымское, Сибирское ханства, Большая Орда и Ногайская Орда). Создателем Казанского ханства является бывший хан Золотой Орды Улуг (Олуг, Улу) — Мухаммед (иные историки считают его сына Махмутека основателем нового ханства). В 1438 году Улуг-Мухаммед прибыл в городок Белёв Московского княжества, ранее именно он решил спорный вопрос о княжении в пользу Василия II. Однако Василий II направил своих ратников против низложенного хана. Но убежденная в своей силе сорокатысячная рать была разбита трехтысячным войском хана.

Для нового государства Улуг-Мухмамед выбрал болгарские земли и Казань в качестве столицы. «Хан Мухаммед понял особенность древнего культурного местного населения. . . Военный талант и организаторский гений основателя Казанского ханства дали ему возможность поставить величие государства сразу на должную высоту» [6, с. 31]. В 1444-1445 годы происходили военные действия между Москвой и Казанью, окончившиеся поражением московской рати и пленением великого князя Василия II. Он был освобожден за большой выкуп, в русские города были направлены казанские чиновники для сбора налога, на Мещере был выделен удел во владение Касиму — сыну Улуг-Мухаммеда. Все это вызвало недовольство населения, князь был низложен и ослеплен. Но при поддержке сыновей хана князь был восстановлен на московском троне.

Население ханства занималось земледелием и животноводством, различными промыслами и ремёслами. Была развита международная торговля, ханство традиционно вывозила меха, кожевенные и ювелирные изделия и т.д. Территория Казанского ханства не менялась на протяжении всего периода существования государства, внешняя политика ханства не была направлена на захватнические войны, больше всего она была связана с русскими княжествами. М. Г. Худяков выделяет тринадцать войн между Казанью и Москвой, семь из которых были начаты по инициативе московской стороны.

Малолетний хан Утямыш и его мать — регентша ханства Сююм-бике в 1551 году е были выданы Москве. 1552 год — год завоевания Казанского ханства, величайшей трагедии народа. Казанцы оказывали героическое сопротивление завоевателям, но силы были неравными. Начался массовый грабеж населения: отбирали все: одежду и обувь, продукты питания, золотые украшения, книги и т.д., вывозили государственную документацию. Это — одна «из самых тяжелых страниц русской истории... Кроме огромного количества человеческих жизней,... печальный день 2 октября знаменовал собою гибель материального благосостояния, накопленного целыми поколениями, и утрату культурно-бытовых ценностей» [6, с. 153-154]. Падение Казани предопределило судьбу и других татарских государств: они были вскоре завоеваны Москвой.

Татарам было запрещено селиться ближе 40 км от городов, а также вблизи судоходных рек. Освободившиеся от татарского населения земли заселялись русскими переселенцами. Невиданные формы приняла насильственная христианизация местного населения, принимались разнообразны меры для сокращения числа мусульман и христианизации нерусского населения. Категорически запрещалось возвращение крещеных татар обратно в мусульманство. Согласно указу 1593 года таких людей следовало «усмирять, в цепи сажать и бить, и в железо, и в цепи сажать». Мечети подвергались уничтожению уже с 1552 года, строились лишь христианские соборы, церкви и монастыри. В середине XVIII в. прошла целая кампания по уничтожению мечетей. Тогда были разрушены 418 мечетей из общего числа 536 мечетей, действующих в Казанской губернии.

Регулярно наступающие голодные годы сопровождались массовой гибелью людей от голода, прежде всего нерусского населения. К примеру, в голодные 1557-1557 гг. власти запретили продавать хлеб астраханским татарам, тогда погибли сотни тысяч татар. В голодный 1700 год распространилась продажа татар в рабство. В голодную зиму 1741-42 гг. власти Уфимской губернии запретили продавать хлеб мусульманам. Доведенные до отчаяния мусульмане продавали своих детей на уфимских базарах.

Постоянно росло налоговое бремя. Кроме общих налогов существовали и местные налоги, а также строительная, постоянная и т.п. повинности. Рекрутская повинность являлась одной из самых тяжелых обязанностей, особенно

для нерусских народов. Хотя она была официально введена лишь в XVIII в., татары составляли 10% состава российских войск уже к концу XVI в. Впоследствии власти приняли решение призывать 10-12 летних мальчиков-татар для службы в качестве прислуги русских офицеров. Насильно отрываемые от семьи и родного народа, не понимающие чужой для них русский язык, мальчики погибали сотнями, в живых удавалось остаться лишь крещеным.

Татары привлекались на всякие виды тяжелого труда с высокой смертностью: на строительство Санкт-Петербурга полагалось ежегодно отправлять по пять тысяч татар, в 1724 году татары были отправлены на Каспий для строительства кораблей, татары работали на Казанской судовой верфи и т.п. Лес для кораблей готовили также татары — лашманы. За эти годы почти полностью были уничтожены сосновые и дубовые рощи Казанского края. Непосильные налоги, а также лишение земель стали важнейшими факторами исхода татар на казахские, башкирские кочевья и Сибирские просторы.

На протяжении XVI-XVIII веков татары решали задачу выживания в новых условиях. Благодаря своей жизнестойкости татары сумели сохраниться как отдельное сообщество. Важную роль сыграли мусульманская религия и её деятели, особенно деревенские муллы, они сумели укрепить единство народа на базе родного языка и исламской религии. Основной массе татар удалось сохранить приверженность к исламу, число крещеных татар в начале XVIII века не превышало 17 тысяч человек.

Татары, башкиры, чувашы, марийцы и представители других местных народов не раз поднимались на борьбу против власти. Всё чаще народные восстания становились общими для русского населения и покоренных народов. Уже в восстании Степана Разина активно участвовали народы Поволжья, тогда по всему краю распространились так называемые «прелестные письма» на татарском языке. Активное участие приняли татары в восстании Емельяна Пугачева. В первое же время был образован татарский полк Алиева, затем появились башкиры Юлаева и марийцы Тюнева. Специальная императорская комиссия позже отмечала, что более половины восставших были татарами и башкирами. После поражения восстания карательные отряды бесчинствовали по всему краю: сажали людей на кол, вешали за ребра, четвертовали, топили в прорубях.

Нерусским народам было запрещено многое. Лишь в 1677 году власти разрешили татарам заниматься городской торговлей. Татарские купцы организовали торговлю со Средней Азией, и к концу XVIII века 75% торгового оборота России с этим регионом оказалось в руках татарских купцов. Считается, что добрая половина населения этого края носила казанские ичиги. Росло меценатство, без государственной поддержки решался вопрос об образовании татар. Зажиточные татары строили школы, библиотеки, читальни, мечети, больницы, бесплатные столовые для неимущих и т.д. В 1777 году Г. И. Георги отмечал наличие школы

и мечети «во всякой татарской деревушке... в казанских слободах и в больших деревнях есть подобные сим девичьи школы». Крупные медресе принимали на учёбу представителей всех мусульманских народов России.

Возрождалось ремесленничество, появился слой татар, относящихся к рабочему классу. Начало XX века татары встретили уже с книгопечатанием и выпуском татарской периодической печати. Укреплялись национальное самосознание и чувство принадлежности к единому народу, а это вызывало опасения у представителей царской власти. В 2010 году совещание под председательством П.Столыпина признало светское татарское образование «в высшей степени нежелательным явлением». Власти следили за тем, чтобы покоренные народы не могли сблизиться и объединиться. К примеру, создание смешанной, татаро-башкирской семьи могло быть допущено лишь по личному разрешению казанского губернатора и при соответствующей оплате. «Задача, поставленная Столыпиным перед спецслужбами, состояла в том, чтобы развести тюркские народы как можно дальше, создав на этой базе самостоятельные народы, и это во многом удалось» [5, с. 78].

Революционные события 1917-1922 гг. породили надежды татар на избавление от рабского положения. Но новая власть нуждалась в поддержке нерусских народов лишь для победы над противником. Планы по созданию Татаро-Башкирской республики, или Штата Идел-Урал не были доведены до реализации. Колхозное строительство, создание промышленной базы страны — во всех областях деятельности можно найти долю добросовестного труда татар совместно со всем советским народом. В общем строю защитников страны татары героически воевали против фашистских захватчиков: в конце войны по числу Героев Советского Союза татары занимали четвертое место (после русских, украинцев и белорусов).

Советская власть продолжала политику царизма по русификации нерусских народов. На протяжении двух десятков лет тюркские народы искусственно были превращены в неграмотное население два раза: письменность дважды менялась по предписанию властей (с арабицы на латиницу, с неё на кириллицу). В послевоенные годы появилась идея о новом единстве «советский народ», формируемым на базе русского языка и русской культуры. Происходил постепенный перевод национальных школ на русский язык обучения: если в 1932 году общеобразовательные школы страны работали на 102 языках, то в 1988 году — всего лишь на 39 языках.

Распад СССР в 1991 году принес долгожданную свободу многим народам ранга союзных республик. Но попытки татар добиться союзного статуса не увенчались успехом, наравне с другими автономными республиками Татарстан остался в составе новой России. За прошедшие десятилетия сделано немало не только в области экономического роста республики, но и в укреплении

национального единства всего татарского народа. Однако в последние годы резко усилилось давление центральной власти на национальные республики, нерусские языки доведены до грани исчезновения.

Таким образом, «Политическая и этническая история татар, их государственность и государственная культура прошли все периоды раннего (Тюркский, Кимакский и Хазарский каганаты, Великая и Волжская Булгарии, Дешт-и-Кипчак), развитого (Золотая Орда) и позднего (Казанское и другие татарские ханства) Средневековья, охватывая большой промежуток времени в среднем в 1000 лет» [4, с. 145]. Предки современных татар находились в гуще громких событий полиэтнического мира в континенте, занимая лидерствующие позиции и взаимодействуя со многими участниками. Татары восприняли особенности культуры и жизнеобеспечения других народов, сохранили национальные особенности своих предков. Высокая мобильность, торговые и иные взаимоотношения с иными народами, массовые переселения, создания независимых государств нашли свое отражение в национальных характеристиках татар. Стало быть, в формировании этого этнического образования участвовало немало народов и народностей.

В настоящее время существуют три теории происхождения татар:

1. Теория булгаристов: к основным предкам татар относятся лишь волжские булгары.
2. Теория татаристов: основными предками татар являются татаро-монгольские племена.
3. Тюрко-татарская теория: признание многоэтапности этногенеза татар с учетом булгарского и золотоордынского периодов.

Тюрко-татарская теория пользуется сегодня наибольшим признанием историков. Однако противостояние булгаристов и татаристов продолжается, временами напоминая споры непримиримых борцов за «чистоту крови». В то же время даже различия в ДНК не могут стать основанием для того, чтобы отнести людей в разные группы по их практической направленности. Надо полагать, человеческие сообщества объединяются по некоторым другим показателям. Например, китайцы письменно обозначают татар иероглифом тата (эр), состоящим из двух знаков (иероглифов). «Левый иероглиф передает понятие выделанная кожа (булгар), а правый — фонетическое качество слова. У этого иероглифа... нет другого смысла, он специально создан только для наименования народа-татар... Это нельзя расценивать как случайность» [1, с. 46-47].

Напомним, что предки современных татар издавна прославились кожевенным ремеслом, они возделывали кожу; кожевенный товар пользовался большим спросом на европейских и азиатских рынках, слово «булгари» в разных странах и сегодня означает особо выделанную кожу. Кожаная обувь была привычной и в самой Волжской Булгарии, даже ратники носили там кожаные

сапоги. Стало быть, усматривается непосредственная болгарско — татарская взаимосвязь: один вид деятельности объединяет два наименования. «Среди наших предков есть и болгаро- огуры, и кипчаки, и огузы, и марийцы, и удмурты, и мордва... Вся дурная бесконечность споров между «булгаристами» и «татаристами» — это пустая трата времени и чернил. Не смущает же англичан, что среди их предков есть и кельты, и римляне, и англосаксы с ютами, и викинги, и, наконец, норманны? Наоборот, они всячески подчеркивают сложность и многослойность своей идентичности» [2, с. 298].

Итак, англичане — многокорневой единый народ, а татарские исследователи нередко выискивают отличия, к примеру, татар Европы от сородичей в Сибири, чтобы установить единственный корень для каждой стороны. Выискивается не то общее, что сплачивает народ, а отличия, которые могут стать базой для «создания» новой национальности. Уже выделены такие этнотерриториальные группы, как волго-уральские, астраханские, сибирские, литовские татары. В каждой из них выявлены десятки локальных групп, т.е. этнографических, сословных, религиозных и иных объединений. Стало быть, речь идет о более чем сотне различных групп в составе одного и того же народа. Дробление единого народа практически уже налажено: татары — нагайбаки и кряшены объявлены самостоятельными народами. Именно таким образом используются отличия между группами татар и исследования по их этногенезу, когда государственная политика направлена на полную русификацию населения.

Будущее татарского народа может быть обеспечено лишь при глубоком понимании и признании всех своих корней, а также деяний всех своих предков и, самое главное — всемерном укреплении национального самосознания. Без развитого национального самосознания всего народа нет будущего ни у какой нации в полиэтническом мире.

Литература.

1. Ерзин М. И. *Из глубин Евразии.* — Алматы: Экономика, 2015. — 560с.
2. *На пути к «Стратегии развития татарской нации».* Дискуссии татарских интеллектуалов. — Казань: изд-во «Грумант», 2020. — 398с.
3. Паркер Эдуард. *Татары. История возникновения великого народа.* / Пер. с англ. Т. Е. Любовской. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2024. — 223с.
4. Фахрутдинов Р. Г. *История татар.* — Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. — 221с.
5. Хаким Р. С. *Метаморфозы духа (к вопросу о тюркско-татарской цивилизации).* — Казань: ОАО ПИК «Идел-Пресс», 2005. — 304с.
6. Худяков М. Г. *Очерки по истории Казанского ханства.* — Репринтное воспроизведение издания 1923 г. — Казань, 1990. — 310с.

DOI 10.34660/INF.2026.16.16.140

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Евневич Всеволод Владиславович

аспирант

Российский университет дружбы народов,

сотрудник

*Российский государственный архив социально-политической
истории*

Аннотация: В статье анализируется сотрудничество России и Таджикистана в борьбе с международным терроризмом. Рассматривается исторический контекст взаимодействия с 1990-х годов, включая охрану границы, противодействие наркотрафику и нейтрализацию бандформирований. Особое внимание уделяется угрозам, исходящим из Афганистана, и совместным учениям в рамках ОДКБ. Делается вывод о ключевой роли России как стратегического партнёра Таджикистана в обеспечении региональной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Таджикистан, международный терроризм, безопасность, Афганистан, наркотрафик, ОДКБ, совместные учения, граница, региональная стабильность.

Annotation: The article examines cooperation between Russia and Tajikistan in combating international terrorism. It covers the historical context of interaction since the 1990s, including border protection, countering drug trafficking, and neutralizing armed groups. Special attention is paid to threats emanating from Afghanistan and joint exercises under the CSTO. The conclusion highlights Russia's key role as Tajikistan's strategic partner in ensuring regional security.

После распада СССР, РФ одной из первых установила государственные дипломатические отношения с Таджикистаном, на основе международных принципов и взаимоотношений, и использовала все возможные формы и инструменты межгосударственного сотрудничества, для налаживания двухсторонних связей, уже с 8 апреля 1992 года. Тем самым подчеркнув юридическое признание РТ и заявив о всеобъемлющих принципах равенства в новом

формате отношений между двумя суверенными государствами. Помощь, которую Россия оказала с момента независимости РТ и продолжает оказывать этому суверенному государству, красноречиво доказывает дружеские намерения, позитивную предрасположенность и особую роль, придаваемую РФ отношениям между странами, имеющими общую многолетнюю историю в составе одного государства.

После событий гражданской войны в РТ, в годы которой Россия всячески оказывала помощь и содействовала сохранению суверенитета и территориальной целостности Таджикистана, настал период, когда перед республикой возникли трудности, связанные с восстановлением разрушенной хозяйственной, экономической и социальной жизни и, конечно же, по обеспечению безопасности молодого государства. Таджикистан, в силу обстоятельств и ряда объективных причин, в том числе экономического характера, отказался от предложения РФ, которое сделал бывший Министр обороны Союза ССР и Главнокомандующий Объединёнными Вооружёнными Силами СНГ маршал авиации Шапошников Е. И.: принять под свою юрисдикцию 201-ю мотострелковую Гатчинскую дважды Краснознамённую дивизию, 38-го зенитного ракетного полка, вместе с другими частями вооружённых сил бывшего ССР, дислоцируемыми на территории республики. С 1992 года по 1996 год, вышеназванная дивизия выполняла на территории Республики Таджикистан задачи по охране важных государственных и военных объектов, а также государственной границы, по пресечению попыток проникновения бандформирований с территории соседнего Афганистана и по предотвращению контрабанды оттуда наркотиков в Таджикистан.

Важным взаимодействием в рамках региональной безопасности стали совместные регулярные военные учения. Которые проходят, как механизм отработки навыков в системе противодействия терроризму. В таких мероприятиях принимают участие, не только военнослужащие РФ и РТ, но и военные из других стран входящих в ОДКБ.

17-19 ноября 2021 года, в Таджикистане, на полигоне Фахрабад, прошли очередные учения по «планированию и проведению спецопераций по уничтожению незаконных вооружённых формирований» силовыми структурами государств входящих в организацию коллективной безопасности. Полигон расположенный в Хатлонской области Таджикистана, в местности с горным рельефом, позволяет максимально приблизить происходящее к возможным реальным условиям в развитии чрезвычайной ситуации. Целью таких учений ставится приобретение навыков и опыта необходимых для координации совместных действий силовых структур, оперативного обмена информацией между разными военными частями, подразделениями сухопутных войск и авиации в условиях реального боя, овладение военнослужащими

системами новых современных средств связи. На таких учениях, как правило присутствуют наблюдатели из Антитеррористического центра государств СНГ и Антитеррористической структуры ШОС, что позволяет со стороны дать объективную оценку результатам учений. Полученный на приближенных к реальным условиям боевой опыт взаимодействия позволит бойцам силовых ведомств эффективнее отражать атаку в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств террористических и экстремистских угроз¹.

Одним из государств в регионе, от которого исходит угроза, стал Афганистан. Афганистан, раздираемый многолетними политическими противоречиями, вооружённой борьбой за власть и непрекращающимися военными конфликтами, воспринимается мировым сообществом в качестве главного источника угроз безопасности на геополитической карте региона. Из Афганистана, в которых, в промышленных объёмах, выращивался опиумный мак, преступными группировками был организован незаконный экспорт в соседние страны наркотиков, а попутно с ними — радикальных идей исламизма и терроризма. Из-за этого на геополитической карте региона, Таджикистан, имеющий трудно охраняемую границу со сложным горным рельефом, оказался в зоне особой опасности и в риске прорыва границы афганскими вооружёнными бандформированиями. В период 1990-х годов основные плантации выращиваемого опиумного мака были на юге Афганистана, в провинциях Нангархаре и Гельменде, на которых производилось около трети всего афганского опиума. Начиная с середины 1990-х годов посевы наркосодержащих растений в Афганистане увеличились на треть, наркотические культуры выращивали на плантациях в 10 из 32 провинций страны, в колоссальных промышленных объёмах составляющих 2,2-2,3 тыс. тонн в год, что по оценкам ООН составляло 40% от всех нелегально производимых мировыми преступными картелями наркотиков. Для реализации этой запрещённой и опасной продукции, организованными преступными сообществами в Афганистане были созданы логистические маршруты поставки наркотиков в Россию и в страны ЕС. Основными такими маршрутами стали северный и балканский. Недооценивать финансовую роль, какую играет производство наркотиков, являющееся одной из составляющих политэкономических интересов афганских террористических и экстремистских организаций, для финансирования их деятельности — нельзя. Как и масштаб создаваемой, тем самым, угрозы безопасности другим государствам, на которых рассчитан транзит и экспорт афганских опиатов.

¹ В Таджикистане прошла активная фаза учений сил спецназначения КСОР ОДКБ «Кобальт-2021» // — URL: [https://www.odkb-csto.org/news/news_odkb/v-tadzhikistane-proshla-aktivnaya-faza-ucheniya-sil-spetsnaznacheniya-ksor-odkb-kobalt-2021/loaded\(\):07.11.2024](https://www.odkb-csto.org/news/news_odkb/v-tadzhikistane-proshla-aktivnaya-faza-ucheniya-sil-spetsnaznacheniya-ksor-odkb-kobalt-2021/loaded():07.11.2024)).

Деятельность бандформирований, связанных с производством и реализацией наркотиков, средства от которых идут на поддержание и ведение военных и подрывных операций террористическими и экстремистскими организациями, представляет критическую угрозу для национальной безопасности как транзитных государств — прежде всего приграничных с Афганистаном — так и для государств, являющихся конечным пунктом назначения. Таджикистану и России подходят обе категории, так как они являются одновременно странами, через которые проходит один из маршрутов контрабандного транзита, и также, в силу этого, они стали странами с растущим числом потребителей. Поэтому, принимаемые меры, направленные на обеспечение государственной безопасности с общими принципами борьбы, носят совместный взаимовыгодный характер, что, по сути, является консолидирующим фактором внешнеполитического сотрудничества стран в этом вопросе. В период с 1980 по начало 2000-х тысячных, более 2/3 мирового потребления опия и его производных, включая героин (т.е. более 10 млн наркоманов) обеспечивалось за счет опиатов афганского происхождения. 1. «Экономика войны» в Афганистане за последние десятилетия двадцатого века и начала двадцать первого — стала решающим фактором, запустившим процесс масштабного расширения производства в промышленных объёмах в сельском хозяйстве страны выращивание опиатов и каннабиса. В отличие от других стран, в которых исторически культивировали эти растения, таких как Индия, Иран и ряда других азиатских стран, выращивание опийного мака не было традиционной сельскохозяйственной культурой для Афганистана, и только в провинции Бадахшан, опийный мак, в ограниченных количествах, начал выращиваться раньше, чем в других районах страны: он стал там возделываться только с XVIII в. 2. Конечно, существовали и другие не менее веские причины наркопроизводства в Афганистане, задолго до начавшегося советско-афганского конфликта. Одной из них, было прекращение, начиная с 1970 гг., и отказ от производства наркотиков двумя крупнейшими на тот момент производителями опия сырца: Турции и Ирана^{1,2}

Нужно отметить, что кроме экономической, социальной и внешнеполитической причин к развёртыванию производства наркотиков в Афганистане послужили и другие факторы, прежде всего это тлеющий конфликт между недовольным мусульманским духовенством и афганскими властями,

¹ Афганистан: обзор по опию в 2003 году. Резюме доклада Управления по наркотикам и преступности ООН и Управления по борьбе с наркотиками Правительства Афганистана. — М.: УНП ООН, окт. 2003. — С. 4.

² The Opium Economy in Afghanistan: An International Problem. UN Office on Drugs and Crime (UNODC) Report. UN Pub. No. E.03.XI.6. — N.Y.: United Nations, 2003. — P. 87.

конфессионально-религиозная и межэтническая, межплеменная вражда, которые фактически стали отправной точкой для появления различных религиозных течений, исламских сект и экстремистских образований, которым для борьбы за влияние и власть были нужны постоянные источники их финансирования. Традиционно Ислам в Афганистане выполнял функции баланса сил и влиял на внутривластные конфликты, оставаясь регулятором между противоборствующими сторонами, способствуя эскалации либо деэскалации ситуации. К 1978 году, 2 % всего населения страны или порядка 300 000 человек были представителями исламского духовенства. Чьи интересы вынужден был учитывать король Мухаммед Захир Шах и сменивший его после государственного переворота и ставший президентом Афганистана Мохаммад Дауд. Сразу после апрельской революции и начавшихся реформ НДПА, новая экономическая доктрина в сельском хозяйстве оказалась провальной, подрывая экономическую базу землевладельцев и зажиточных дехкан, что лишило духовенство традиционных финансовых источников. В результате чего, исламское духовенство стало главным врагом новой власти в лице НДПА и стало формировать протестное движение в сельских районах. Власть не могла оставить это без последствий, что стало поводом начатых со стороны Халькистского крыла НДПА репрессий, не только против радикалов, но и против высшего исламского духовенства суннитов и шиитов умеренного толка. В 1980 году был создан «Совет улемов» — так правительство предпринимало попытки поставить под свой контроль религиозное духовенство или примириться с ним, ожидая, что таким образом через них смогут наладить и укрепить связь с обществом, но из-за несогласованности политического курса государства и действий властей, эта затея, в итоге, привела к размежеванию среди мусульманского духовенства и появлению противоборствующих исламских группировок^{1,2}

В этом же году движение сопротивления приняло форму Джихада («Борьбы за веру») и охватило 90 % страны: в 74 уездах из 290 власть полностью оказалась в руках полевых командиров исламской оппозиции. А в марте 1982 года произошло объединение радикальных исламистов, которые стали называться Исламским фронтом освобождения Афганистана «Пешаварская семёрка», в это же время формируется ещё одна организация называемая «Шиитской восьмёркой», официальное название «Коалиционный совет исламской революции Афганистана».

¹ 3 «Роль ислама во внутри Афганском конфликте в последней четверти XX – начале XXI веков.» Мартынкин Андрей, Хоменко Сергей. См. Сикоев Р. Р. «Талибы религиозно — политический портрет.» М... Крафт, 2004 г. С. 49.

² См. Медведко Л. И. Германович А. В. Именем Аллаха... политизация ислама и исламизация политики. М... Политиздат, 1988 С. 179

Эти описываемые исторические ключевые события, в числе иных прочих поводов, можно обозначить одним из этапов, служивших возникновению и становлению экстремистской исламской идеологии в Афганистане и созданию там террористических исламских организаций. В период с 1978 года по 1979 год, афганские шииты состоящие в основном из этносов Памирцев, Кызылбашей и Хазарейцев с воодушевлением восприняли произошедшую исламскую революцию в Иране, и поставили вопрос об экспорте её идей в Афганистан. Одновременно с этим, иранские оппозиционные партии усилили информационное воздействие на суннитские группировки, обвиняя их в получении финансирования со стороны спецслужб США, что ещё больше усиливало распри между разными провинциями Афганистана. Шиитские религиозные группировки «Партия Аллаха» и «Корпус стражей исламской революции Афганистана» в Афганистане спровоцировали ряд религиозных конфликтов между политическими и военными элитами, с одной стороны, и мусульманским духовенством с местными племенами — с другой, по причинам принадлежности отношения к той или иной ветви ислама. Одновременно, исламская оппозиция выдвигала привлекательные для населения политические лозунги, содержащие обещания об установлении в стране «идей нравственности, честности, равенства, справедливости» — в отличие от светской оппозиции. Поэтому исламисты получили поддержку широких масс населения. С несогласными же — с изменением форм и методов правления — исламисты боролись с помощью карательных операций, путём запугивания и убийств. Утверждение Джона Локка и Томаса Гоббса, что естественное состояние общественных связей — это «война всех против всех», в которой люди выступают в качестве либо врагов, либо партнеров, конечно имеет философско-психологическую суть, и не может быть аксиомой, поэтому установление последовательности и первопричин произошедших событий в Афганистане, намеренно излагается и выстраивается в логическую цепь для понимания механизма появления религиозных и политических групп, использующих в своей деятельности террористические методы борьбы, а также масштаба исходящих от их деятельности угроз и их влияние на другие государства региона, в частности — на страны Центральной Азии, и, в особенности, на Таджикистан. Так как таджики относятся к ираноговорящей группе народов, то религиозное и политическое влияние на них шиитов, без сомнения, очень велико. Поэтому велика доля вероятности в экспорте религиозных, экстремистских и политических идей, для смены существующей власти в Таджикистане, в чём могут быть заинтересованы религиозные группы населения по обе стороны границы, что в рассматриваемом контексте борьбы с терроризмом представляется существенно важным и актуальным.

С апреля 1993 г. существенно обострилась обстановка на участке Таджикской-Афганской границы Московского погранотряда. Экстремистские

религиозные банды шли на прямые боестолкновения, с целью уничтожения пограничной заставы, охраняемой российскими военнослужащими, чтобы беспрепятственно проникнуть на территорию Таджикистана. Наиболее крупные отряды бандформирований ДИВТ были расположены в городах Хорог, Калый-Хумбе, Ванче, и приграничных районах Афганистана.

В провинциях Кундуз (на направлении Пянджского пограничного отряда), Тахар (на направлении Московского пограничного отряда) и Бадахшан (на направлении Хорогского и Ишкашимского пограничных отрядов) действовало 26 хорошо оснащенных отрядов боевиков. Численность каждого составляла от 40 до 350 человек; на вооружении у них, кроме артиллерийских систем, находились БТР, БМП, вертолеты и даже танки. В афганских учебных лагерях обучалось более 3000 граждан Таджикистана, столько же боевиков проходили подготовку на территории Ирана, Пакистана и Саудовской Аравии.

России на тот момент не хватало личного состава и техники, чтобы воспрепятствовать скрытному просачиванию боевых групп, доставлявших оружие, боеприпасы и наркотики из Афганистана и совершавших террористические акты на таджикской территории (так называемых «караванов смерти»). Афганские террористические группировки под руководством полевого командира Кази Кабира были подготовлены и хорошо экипированы. На вооружении у них имелись переносные зенитные ракетные комплексы «Стрела-2М», «Стиnger», а также гранатомёты, миномёты и самодельные установки для пуска реактивных снарядов. Что может говорить о серьёзной предварительной подготовке крупномасштабной террористической атаки в ГБАО и существующих планах по дестабилизации политической ситуации в Таджикистане. Совместными силами частей Министерства Обороны РТ и российских военнослужащих, акция была пресечена. Несмотря на то, что террористы понесли поражение, вооружённое бандформирование сохранило свои основные резервы. Таджикские боевики Афганистана обучались военными инструкторами из Пакистана и Ирана, продолжению проводимой военной террористической операции, целью которой было отторгнуть Горный Бадахшан и превратить его в самостоятельное Исламское государство. «Таджикская оппозиция» дала операции название «Возмездие». О масштабе военной операции террористов можно судить хотя бы по факту переправы через реку Пяндж колонны автомобилей, гружённых боеприпасами. На участке Хорогского пограничного отряда, возле кишлака «Курговат», две группы, численностью сорок человек — совершили нападение на военную колону. Восемь военнослужащих были взяты бандитами в плен, а также захвачено оружие караула и боеприпасы. В ночь с 29 на 30 мая 1993 года, 10 сводных групп из 200 таджикских боевиков и 80 афганских моджахедов, при поддержке огнём артиллерии с Афганской территории, атаковали 11-ю заставу

Московского пограничного отряда. Были разрушены оборонительные сооружения и здание заставы, три пограничника погибли, четверо были ранены. Только благодаря совместным усилиям двух пограничных застав десятой и одиннадцатой при поддержке с воздуха двумя вертолётами МИ-24 и залпам реактивных систем «Град» нападение удалось отразить. Хронология подобных этому событий займёт многие тома, что подтверждает те усилия, которые прилагают Российская Федерация и Республика Таджикистана для купирования острой проблемы безопасности и особенно терроризма.

В 1994-1996 г. командование Группой Погранвойск в Таджикистане, во главе с генерал-лейтенантами А. Т. Чечулиным (до 1995 г.) и сменившим его П. П. Тарасенко, вело активную «пограничную дипломатию», пытаясь достигнуть взаимопонимания с афганскими военачальниками и полевыми командирами, которые также были заинтересованы в стабильности приграничного региона. Переговоры пограничников завершились успешнее, чем многие встречи глав государств и правительств: на территории Афганистана была создана 25-километровая зона безопасности, свободная от боевиков ДИВТ. В это же время, стало очевидным, что военно-политическая борьба таджикской оппозиции переродилась в циничный наркобизнес (если в 1993 г. на афганской границе задержано 49 кг наркотиков, то в 1996-м — уже 2300 кг!) — таким образом, был полностью уничтожен и международный «моральный имидж» ДИВТ как «борцов за демократию».

Всего, в период наиболее активных действий на таджикско-афганской границе (1993-1996 гг.), пограничники предотвратили 582 попытки прорыва боевиков и наркокурьеров, задержали более 800 нарушителей границы. Наши подразделения около 700 раз подвергались обстрелам, более 260 раз вступали в боевые столкновения с вооруженными группами. За мужество и героизм, проявленные при охране и обороне таджикско-афганской границы в боях с вооруженной таджикской оппозицией, около 3 тыс. пограничников награждены орденами и медалями России. Из них 16 человек удостоены высшей награды — звания Героя России¹.

Без оценки природы возникающих конфликтов, выработать действенные методы борьбы с терроризмом и экстремизмом представляется затруднительным. Это доказывает историческая практика их существования. Взаимодействие России и Таджикистана по вопросам безопасности не ограничено двусторонними отношениями, так как имеют и более широкий формат в Организации Договора о коллективной безопасности, ставшей главной площадкой стран участниц на просоветском пространстве. Где накопившийся опыт

¹ Владимир Кузнецов, старший научный сотрудник ЦПМ ФСБ России Журнал «Оружие» № 10-2006 05.07.2016

взаимодействия двух стран изучается и систематизируется, с целью его практического применения, в качестве образцового — для других участников проекта. Поэтому, сотрудничество в сфере борьбы с международным терроризмом России и Таджикистана в практической сфере решения данной проблемы, должно быть дополнено актуальным научным анализом самих первопричин, для выработки механизмов и способов успешного противодействия, путём изменения их сути и природы — в среде, представляющей интеллектуальную идеологическую основу, а не масс исполнителей преступных идей. Именно подавление центров принятия решений и осуществление операций, путём дискредитации их политических лозунгов, может быть наиболее действенным механизмом борьбы с террористическими угрозами, как в Таджикистане, так и в других странах региона и в России.

Не секрет, что все террористические организации имеют своих лидеров, разветвлённую агентскую сеть и центры организации своей деятельности. То есть само движение не локально, а имеет интернациональную глобальную основу, зиждущуюся на идеологии экстремистских течений ислама. Так, к примеру, конфликт в Афганистане между НДПА и исламской оппозицией приобрёл интернациональное лицо, после чего в 1979 году был введён ограниченный контингент советских войск. Реакция на революцию в Иране могла втянуть Афганистан в сферу своего влияния. Со стороны Саудовской Аравии, Пакистана и некоторых арабских стран, были предприняты меры, чтобы этого не допустить, объединившись против нового врага — и в Афганистане сразу появились «арабские добровольцы» воюющие на стороне исламской оппозиции. Всего за все годы военного конфликта в Афганистане, по разным оценкам международных организаций и экспертов, участвовали десятки и даже сотни тысяч боевиков-добровольцев из разных стран, однако не все из них принимали прямое участие, в боевых действиях выполняя другие функции. По опубликованным некоторым данным, “ветеранами боевых действий” в Афганистане, к середине 1990 годов, насчитывалось приблизительно 5000 саудовцев, 3000 йеменцев, 2800 алжирцев, 2000 египтян, 400 тунисцев, 370 иракцев, 200 ливийцев, а также какое то количество иорданцев¹.

Традиционалистское духовенство и радикальные реформисты — в основном руководимые на тот момент «Аль-Каидой» и находящихся под ее влиянием, таких организаций, как SSP, Лашкар-е-Джангви, Джайш-е-Мухаммад, Лашкар-е-Тайба и Джамаат-уд-Дава, (включая прекратившую существование в Туркие Джафрия) занимались вербовкой и поставкой боевиков.

¹ Кудрявцев А. В. Феномен “арабских афганцев”. В кн.. Ближний Восток и современность. Сборник статей номер17/ Отв. ред. М. Р. Арунова, А. О. Филоник. М., 2003. С. 16.

Понятно, что Таджикистан, в силу своего географического положения и запасов ценных природных ресурсов, является вождленным объектом — как геополитическая точка для дальнейшей экспансии всей Центральной Азии. И наиболее удобным плацдармом, для попытки овладеть им, является граничащий с ним Афганистан. Совместные усилия РФ и РТ по борьбе с терроризмом осложнены и другими проблемами, исходящими от геополитических игроков¹. Уже с конца 1970 годов, лидеры исламской оппозиции Афганистана установили тесные контакты и связи с целым рядом иностранных государств, прежде всего с США. А также с разведками Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии, Египта, Великобритании и странами Европы. Которые стали оказывать лидерам исламской оппозиции материальную помощь для продвижения интересов своих государств в Афганистане и Центрально — Азиатском регионе^{2,3}.

Взаимодействие России и Таджикистана по вопросам безопасности не ограничено двусторонними отношениями, так как имеют и более широкий формат в Организации Договора о коллективной безопасности, ставшей главной площадкой стран участниц на просоветском пространстве. Где накопившийся опыт взаимодействия двух стран изучается и систематизируется, с целью его практического применения, в качестве образцового, для других участников проекта⁴.

Столь пристальное внимание к Афганистану, когда тема данной работы взаимоотношения России и Таджикистана в области безопасности — отнюдь не случайно. Таджикистан, как и Афганистан имеет много общих социально политических признаков, в частности это этно и религиозно- конфессиональный состав, что позволяет проводить аналогии в развитии конфликтной ситуации по примеру Афганистана⁵. Так, используя исторические аналогии нельзя не упомянуть, что весной 1992 года «Пешаварская семёрка» провозгласила образование Исламского Государства Афганистан. И уже в июне того же года Верховный совет (Шура), в который вошли 1335 делегированных

¹ Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М.: Наука, 1993. С. 138.

² Braithwaite R. Afghantsy. The Russians in Afghanistan 1979-1989. London: Oxford University Press, 2011. P 299.

³ Афганистан: обзор по опию в 2003 году. Резюме доклада Управления по наркотикам и преступности ООН и Управления по борьбе с наркотиками Правительства Афганистана. — М.: УНП ООН, окт. 2003. — С. 4.

⁴ Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М.: Наука, 1993. С. 138.

⁵ Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М.: Наука, 1993. С. 138.

представителя, избрали новым президентом государства Бура-нуддина Раббани¹.

Однако этот факт не повлиял на внутривластную стабильность, более того — развернулась с новой силой внутривластная борьба за власть, которая, в отличие от предыдущих причин, приобрела явно этнический характер и велась под национальными лозунгами. Так, генерал Абдул Рашид Дустум опирался на племена узбекских афганцев, а избранный президент и его партия на афганских таджиков². Про ислам уже никто не вспоминал, отношения между моджахедами и мусульманским духовенством фактически прекратились, полевые командиры перестали выполнять их приказы. Афганистан оказался в состоянии раздела на сферы влияния тех или иных этнических групп³. Чтобы упрочить своё влияние и власть на контролируемых территориях и провинциях Афганистана Ахмад Шах Масуд, Абдул Али Мазари, Мансур Надери и Абдул Рашид Дустум стали опираться на этническую принадлежность как определяющий фактор выдвигаемых политических требований к центральной власти⁴.⁵⁶⁷⁸⁹¹⁰

¹ Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М.: Наука, 1993. С. 138.

² Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М.: Наука, 1993. С. 138.

³ Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М.: Наука, 1993. С. 138.

⁴ Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М.: Наука, 1993. С. 138.

⁵ Гани А. Ш. Антимонархический переворот в Афганистане и политика режима Дауда. М., 1994. С. 11.

⁶ Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М.: Крафт+, 2004. С. 438.

⁷ Князев А. А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. С. 54.

⁸ Коргун В. Г. Ислам и национальный вопрос в Афганистане. В кн.: Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии / Институт востоковедения Российской академии наук, Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М.: Крафт+, 2004. С. 108.

⁹ Акимбеков С. М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии [<http://www.continent.kz/library/KN-2/2soderjanie.html>], 29 октября 2014.

¹⁰ Коргун В. Г. Талибы и Центральная Азия. На авансцене — терроризм. В кн.: Ближний Восток и современность. Сборник статей № 11 / Отв. ред. А. О. Филоник. М., 2001. С. 118.

В современном Таджикистане — этно-конфессиональный и религиозный состав идентичен Афганскому и, в основном, состоит из таджиков и узбеков, где, к тому же, в горном Бадахшане в основном живут таджики исмаилиты. И те и другие традиционно сохраняют определяющие свои этносы особенности. Кроме этого, у Таджикистана и Узбекистана существуют взаимные претензии и своё видение сложившихся исторических реалий, что может быть тревожным фактором — в случае, если над политической ситуацией будет потерян контроль, со стороны властей этих стран. Взаимодействие России и Таджикистана по вопросам безопасности не ограничено двусторонними отношениями, так как имеют и более широкий формат в Организации Договора о коллективной безопасности, ставшей главной площадкой стран-участниц на просоветском пространстве. Где накопившийся опыт взаимодействия двух стран изучается и систематизируется, с целью его практического применения в качестве образцового, для других участников проекта.

Сегодня с уверенностью можно утверждать, что тенденции к снижению военно-политических и террористических угроз безопасности для РТ и всего Центрально — Азиатского пока региона нет, более того: опасность возрастает. Поэтому вопросы, касающиеся изучения вызовов, их причин и определения мест их зарождения, своевременное прогнозирование развития возможных ситуаций (атак и провокаций), с использованием современных методов анализа, в рамках двухсторонних отношений России и Таджикистана, является первостепенной важной и актуальной задачей!

Различные экстремистские и террористические религиозные группировки, в частности «Исламское государство» (ИГИЛ, ИГ), своей основной целью провозглашает создание единого исламского государства на территориях бывшей Османской империи, в число поставленных задач ставится и политическая и социально-экономическая дестабилизация в Центральной Азии. В числе бойцов за интересы этой террористической организации на Ближнем Востоке воюют и выходцы из Центральной Азии — в том числе, и из Таджикистана. В случае возвращения на свою историческую Родину, эти люди способны нанести непоправимый урон сохранению мира и стабильности во всём регионе. Результатом чего может стать территориально-политическая дезинтеграция, многолетняя гражданская война, деградация гражданских институтов и потеря суверенитета. Не допустить такого сценария и негативного развития событий могут только заблаговременно принятые совместные меры безопасности ключевыми партнерами.

Для Таджикистана таким главным партнёром является Российская Федерация. Россия имеет практический богатый бесценный опыт по противодействию таким угрозам, а потому её роль в организации системы совместной безопасности трудно переоценить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальные документы и материалы международных организаций

1. *Афганистан: обзор по опию в 2003 году. Резюме доклада* Управления по наркотикам и преступности ООН и Управления по борьбе с наркотиками Правительства Афганистана. — М.: УНП ООН, октябрь 2003. — 4 с.
2. *The Opium Economy in Afghanistan: An International Problem. UN Office on Drugs and Crime (UNODC) Report. UN Pub. No. E.03.XI.6.* — N.Y.: United Nations, 2003. — 87 p.
3. *В Таджикистане прошла активная фаза учений сил спецназначения КСОП ОДКБ «Кобальт-2021»* // Организация Договора о коллективной безопасности. — URL: https://www.odkb-csto.org/news/news_odkb/v-tadzhikistane-proshla-aktivnaya-faza-ucheniya-sil-spetsnaznacheniya-ksor-odkb-kobalt-2021/ (дата обращения: 07.11.2024).

2. Монографии и книги

4. *Брайтвейт, Р. Afghantsy. The Russians in Afghanistan 1979-1989* / Р. Брайтвейт. — London: Oxford University Press, 2011. — 299 p.
5. *Давыдов, А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы* / А. Д. Давыдов. — М.: Наука, 1993. — 138 с.
6. *Гани, А. Ш. Антимонархический переворот в Афганистане и политика режима Дауда* / А. Ш. Гани. — М., 1994. — 11 с.
7. *Коргун, В. Г. История Афганистана. XX век* / В. Г. Коргун. — М.: Крафт+, 2004. — 438 с.
8. *Коргун, В. Г. Талибы и Центральная Азия. На авансцене — терроризм // Ближний Восток и современность: сборник статей № 11 / отв. ред. А. О. Филоник.* — М., 2001. — С. 118-134.
9. *Князев, А. А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии* / А. А. Князев. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. — 54 с.
10. *Медведко, Л. И. Именем Аллаха... политизация ислама и исламизация политики* / Л. И. Медведко, А. В. Германович. — М.: Политиздат, 1988. — 179 с.
11. *Сикоев, Р. Р. Талибы: религиозно-политический портрет* / Р. Р. Сикоев. — М.: Крафт, 2004. — 49 с.
12. *Braithwaite, R. Afghantsy. The Russians in Afghanistan 1979-1989* / R. Braithwaite. — London: Oxford University Press, 2011. — 299 p.

3. Статьи в периодических изданиях и сборниках

13. Кудрявцев, А. В. Феномен «арабских афганцев» / А. В. Кудрявцев // *Ближний Восток и современность: сборник статей. Вып. 17 / отв. ред. М. Р. Арунова, А. О. Филоник.* — М., 2003. — С. 16-30.
14. Мартынкин, А. В. Роль ислама во внутриафганском конфликте в последней четверти XX — начале XXI веков / А. В. Мартынкин, С. В. Хоменко // *Актуальные проблемы современного Востока: сб. науч. ст.* — М., 2004. — С. 49-65.
15. Коргун, В. Г. Ислам и национальный вопрос в Афганистане / В. Г. Коргун // *Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии / Ин-т востоковедения РАН.* — М.: Крафт+, 2004. — С. 108-125.
16. Кузнецов, В. Охрана таджикско-афганской границы: опыт и уроки / В. Кузнецов // *Оружие.* — 2006. — № 10. — С. 42-48.

4. Электронные ресурсы

17. Акимбеков, С. М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии / С. М. Акимбеков. — URL: <http://www.continent.kz/library/KN-2/2soderjanie.html> (дата обращения: 29.10.2014).

DOI 10.34660/INF.2026.18.56.191

ВАГАСИ, ЁГАСИ И ШОКОЛАД: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯПОНСКОЙ СЛАДКОЙ КУЛЬТУРЫ

Никитина Лидия Владимировна

кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Институт стран Азии и Африки, МГУ имени Ломоносова

Кондитерские изделия Японии являются не только гастрономическим феноменом, но и сложным культурным объектом, в котором переплетаются исторические влияния, эстетические идеалы и социальные практики [2, с. 12-15]. В японской культуре возникли две большие категории сладостей: традиционные *вагаси* (和菓子) — сладости, связанные с эстетикой природы и сезонности, и *ёгаси* (洋菓子) западно-вдохновленные десерты, включая хлебобулочные изделия (*пан*, パン) и шоколад (チョコレート) [1, с. 8-11].

Исторические корни: от *вагаси* к *ёгаси*

Вагаси: традиция и эстетика

Традиционная японская сладость *вагаси* развивается с периода Нара (710-794) и Хэйан (794-1185), когда буддийские влияния интегрировали в японскую культуру китайские кондитерские техники *тёгаси* (唐菓子) [3, разд. 1]. Сведения о ранней истории *вагаси* собраны в библиографических источниках Национальной парламентской библиотеки Японии, которые включают описания исторических типов сладостей и их присутствие в классической литературе [3, разд. 2].

Профессиональные исследования традиционных сладостей представлены такими трудами, как *Japanese Sweets (Wagashi) for a Professional Easy to understand* (柴田書店), где систематизированы методы изготовления и исторические типы *вагаси* — от *мусигаси* (蒸菓子, паровые кондитерские изделия) до *якигаси* (焼き菓子, печёные сладости) [1, с. 23-41].

Более обширный визуально-аналитический труд — *WAGASHI: The Art of Japanese Confectionery* — даёт представление о сезонной эстетике японских сладостей, включая связь форм с природными мотивами и праздниками [2, с. 50-58].

Роль эпохи Эдо и синтез эстетики

Эпоха Эдо (1603-1868) была временем расцвета ремёсел и сладостей: развивались региональные типы *вагаси*, такие как *яцухаси* (八ツ橋) в Киото — печёный пряный хлебец с рисовой мукой и корицей — и *куса-моти* (

草餅), зелёный *моти* с ароматом полыни, которые отражают связь сладостей с сезонными праздниками и здоровьем [2, с. 74-79].

Эстетика *вагаси* пронизывает классическую японскую культуру: формы и названия отражают природные явления — от цветов до сезонных событий — что делает эти сладости не только пищей, но и культурно-символическими объектами [2, с. 90-94].

Западная выпечка в Японии: анпан и кастелла

Анпан: адаптация хлеба под японский вкус

Одним из ключевых примеров адаптации западной выпечки стала сладкая булочка *анпан* (アンパン), созданная в 1875 году самураем Ясубэем Кимурой. Она представляет собой булочку из дрожжевого теста с начинкой из красной фасоли (*анко*) — традиционного японского компонента сладостей [4, с. 18-20]. *Анпан* сегодня остаётся символом японской выпечки, продаваемой в специализированных пекарнях *пан-я* (パン屋), а также в сетях *конбини* (универсальных магазинах), что демонстрирует глубокую интеграцию западных форм в японскую повседневность [4, с. 21-23].

Кастелла: от нанбангаси до современной классики

Кастелла (пористый бисквит, カステラ), который в Японии стал частью *вагаси*, пришёл из поколения *нанбангаси* (南蛮菓子, «южные сладости») во времена Португальского влияния (XVI век) особенно в Нагасаки [2, с. 134-138]. Этимология слова связана с португальским *Bolo de Castela* — «бисквит Кастилии» — и сейчас *кастелла* существует в традиционных и современных вариациях, включая вкусы ванили, матча и шоколада. Развитие *кастеллы* в японском контексте отражает уникальную адаптацию европейских кондитерских техник и ингредиентов [4, с. 44-46].

Шоколад в японской культуре: от импортного лакомства к массовому феномену

Истоки шоколада в Японии

Хотя шоколад (チョコレート) исторически не является частью японской кондитерской традиции, его появление и распространение в XX веке связаны с коммерциализацией западной культуры и социальными праздниками — прежде всего Днём святого Валентина [4, с. 67-70]. В Японии этот праздник был адаптирован таким образом, что женщины дарят шоколад мужчинам, что превратило шоколад в социально обусловленный обмен символическими дарами [4, с. 71-74].

Гибридизация в современной кондитерской культуре

Современные японские кондитеры активно используют шоколад как ингредиент в сочетании с традиционными элементами *вагаси*. Примеры включают шоколадные начинки в *дораяки* (どら焼き) и шоколад-*маття*

вариации *wagasi*, что демонстрирует креативный синтез культурных форм [2, с. 210-214].

Сезонность и социальные практики

Традиционные *wagasi* изначально были неотъемлемой частью японских сезонных праздников и чайных церемоний. В чаепитии *тяно-ю* сладости подбираются так, чтобы отражать время года — например, *сакурамōти* (櫻餅) весной или *касивамōти* (柏餅) на День детей (5 мая) — каждая из этих форм содержит глубокие культурные символы [1, с. 94-97].

Современные практики включают коммерциализированные праздники (Валентин, Хэллоуин и др.), где шоколад занимает ключевую роль, часто независимую от традиционных сезонных ритуалов.

Современные тенденции и международное восприятие

В XXI веке японские кондитеры развивают *нео-wagasi* — новую волну сладостей, где традиционные техники переплетаются с современными ингредиентами и визуальными формами [2, с. 250-258]. Эти изделия становятся объектом международного интереса как пример гастрономического искусства, в котором вкус, сезонность и эстетика объединяются.

Заключение

Выпечка и шоколад в японской культуре представляют собой динамичную сферу, в которой переплетаются традиция и модернизация, восточные эстетики и западные влияния. Анализ конкретных сладостей — *анпан*, *кастелла*, *wagasi*, шоколадные изделия — показывает, как они отражают исторические трансформации японской гастрономии и культуру вкуса в широком культурологическом контексте.

Список литературы

1. 柴田書店編. 日本菓子専門入門 和菓子の基礎と技術 (*Japanese Sweets (WAGASHI) for a Professional Easy-to-understand*). 東京: 柴田書店, 2006.
2. 高岡和也, 高橋睦夫, 与田浩史. 和菓子: *The Art of Japanese Confectionery* (двуязычный англо-японский). 東京: PIE International, 2019.
3. Национальная парламентская библиотека Японии. 和菓子 — 日本の伝統菓子の歴史と文化 (*Wagashi Kaleidoscope*). 東京: 国立国会図書館 デジタルコレクション, разделы истории и эпических упоминаний. (<https://www.ndl.go.jp/kaleido/e/entry/25/index.html>)
4. Laure Kie & Patrice Hauser. *Sweet and Easy Japanese Desserts*. Tuttle Publishing, 2023.

DOI 10.34660/INF.2026.16.39.171

УДК 82.09

СИНТЕЗ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В КРИТИЧЕСКОМ СУЖДЕНИИ

Аббасова Сальмина Гидаят кызы

старший преподаватель

Азербайджанский Технологический Университет,

г. Гянджа, Республика Азербайджан

Аннотация. В данной статье исследуется диалектическая взаимосвязь социальных и эстетических факторов в процессе формирования критического суждения, рассматриваемая как фундаментальное условие объективной оценки художественного произведения. Автор анализирует специфику критического мышления, которое объединяет в себе субъективное эстетическое восприятие и аналитическую социальную детерминацию. Опираясь на теоретическое наследие выдающихся представителей азербайджанской литературоведческой школы — М. Ф. Ахундзаде, М. Дж. Джафарова, Я. Гараева и других, в работе обосновывается концептуальный тезис о том, что подлинное произведение искусства является одновременно сложным лингвоэстетическим феноменом и ценным социальным документом своего времени.

Особое внимание в исследовании уделяется анализу структурных уровней текста, где план выражения (стилистика, синтаксис, ритмика) рассматривается в неразрывном единстве с планом содержания (коллективное сознание, социальные идеалы и историческая память). В контексте вызовов современной цифровой эпохи автор поднимает вопрос о трансформации критической функции в условиях виртуализации культуры. Рассматривается проблема дихотомии между «массовой популярностью» (сетевым признанием) и подлинным «художественным качеством». Резюмируется, что роль современного критика выходит за рамки простого рецензирования, превращаясь в стратегическое связующее звено, способное интерпретировать эстетические формы как символическое выражение глубоких социальных трансформаций.

Ключевые слова: Критическое суждение, эстетический фактор, социальный контекст, азербайджанская литературная критика, цифровая эпоха, художественная форма, план содержания.

Abstract. *This article explores the dialectical relationship between social and aesthetic factors in the formation of critical judgment, regarded as a fundamental condition for the objective evaluation of a work of art. The author analyzes the specifics of critical thinking, which integrates subjective aesthetic perception with analytical social determination. Drawing upon the theoretical heritage of prominent representatives of the Azerbaijani school of literary criticism — M. F. Akhundzade, M. J. Jafarov, Y. Garayev, and others — the study substantiates the conceptual thesis that a genuine work of art is simultaneously a complex linguo-aesthetic phenomenon and a significant social document of its time.*

Particular attention is devoted to the analysis of the structural levels of the text, where the plane of expression (stylistics, syntax, rhythm) is considered in inseparable unity with the plane of content (collective consciousness, social ideals, and historical memory). Within the context of the challenges posed by the modern digital era, the author addresses the transformation of the critical function amid the virtualization of culture. The study examines the dichotomy between «mass popularity» (network recognition) and authentic «artistic quality.» It concludes that the role of the modern critic extends beyond simple reviewing, evolving into a strategic bridge capable of interpreting aesthetic forms as a symbolic expression of profound social transformations.

Keywords: *Critical judgment, aesthetic factor, social context, Azerbaijani literary criticism, digital era, artistic form, content plane*

Введение. Критическое суждение, являясь одной из самых сложных форм интеллектуальной деятельности, синтезирует в себе как субъективную перцепцию, так и аналитическую рефлексию. Для лингвиста данный процесс представляет собой точку пересечения смыслов, извлекаемых из лингвистических пластов текста с социальной реальностью. Эта специфическая сфера человеческой деятельности не просто фиксирует факт искусства, но и интегрирует его в общий поток культуры, присваивая ему своего рода «ценностный паспорт». На протяжении многих лет в теории искусства наблюдалась острая конфронтация между парадигмами эстетизма и утилитаризма. Однако современная критика доказывает, что эти два полюса не обособлены, а образуют диалектическое единство.

Исследуя проблему единства социальных и эстетических факторов в критическом суждении, необходимо, прежде всего, обратиться к истокам и фундаментальным принципам формирования оценки. Эстетическое суждение, будучи по своей природе индивидуальным, всегда резонирует в «социальном пространстве». Вынося оценку произведению, критик обязан учитывать не только гармонию колорита, композиционную структуру или музыкальность слога, но и социальную среду, в которой зародилось произведение, а также

коллективные травмы или идеалы, нашедшие в нем отражение. В данном контексте функция лингво-критика заключается в «прочтении» социального месседжа, скрытого под стилистической эстетикой произведения.

Необходимость этого единства проистекает из того, что произведение искусства одновременно является и художественным образцом, и социальным документом. Если критик анализирует произведение исключительно через призму его стиля, художественного языка и технической структуры, он рискует попасть в ловушку отрыва искусства от реальной жизни. В таком случае произведение искусства может утратить свою внутреннюю свободу, превратившись в инструмент определенной идеологии или общественного заказа. Истинное критическое суждение должно защищать произведение от подобных односторонних подходов. Именно здесь перед критиком стоит фундаментальная задача раскрыть социальную сущность эстетической формы.

Символика эстетических элементов и национальный контекст. Каждый эстетический элемент в произведении искусства, будь то фрагментарная временная структура в романе или необычный синтаксический строй в художественном тексте по сути, является символическим выражением глубоких изменений, происходящих в обществе. Например, обрывистые предложения или хаотичная пунктуация в языке часто становятся лингвистическим отражением духовного кризиса в обществе. Проходя сквозь грамматическую структуру языка, критик должен выявлять скрытые подтексты и социальные месседжи. Таким образом, принцип «единства» в критическом суждении — это попытка разрешить напряжение между внутренней автономией искусства и его внешней социальной зависимостью.

В азербайджанской критике социальный фактор всегда занимал центральное место, часто развиваясь параллельно с языковыми реформами. Ярким примером этого служат критические взгляды Мирзы Фатали Ахундзаде, который видел в литературе силу, способную трансформировать общество и просвещать народ. Для Ахундзаде произведение было не просто набором красивых слов, а инструментом, выражающим чаяния народа через социальную энергию языка [2, с. 142]. Такие выдающиеся критики, как Камал Талыбзаде, доказывали наличие ответственности творца перед обществом [6, с. 210]. Если произведение не отражает боли своего времени, его эстетическая красота остается неполной. Например, суждение критика о поэзии Бахтияра Вахабзаде будет ущербным, если отделить в ней дух патриотизма (социальный фактор) от мощи его поэтического языка.

Социальный фактор не только привносит в критическое суждение «мерило истины», но и ставит перед критиком конкретные методологические задачи. В этой плоскости критик должен определить, какую новую волну мысли порождает произведение в обществе. Однако, акцентируя внимание

на социальном аспекте, нельзя превращать искусство в средство простой пропаганды. Как отмечал выдающийся критик Ариф Абдуллазаде, социальный смысл в искусстве обязательно должен передаваться через художественные краски и богатый языковой арсенал. Если художественный язык романа слаб, на какую бы актуальную тему он ни был написан, он не пройдет сквозь фильтр критического суждения [1, с. 98].

Таким образом, социальный фактор — это гражданская позиция критического суждения. Критик должен эстетическим чутьем осязать лингвистическую красоту произведения и социальным интеллектом измерять его значимость для народа. Искусство всегда существует в определенной системе социальных координат, и вне этой среды невозможно постичь его полную сущность. Критик должен понимать, что его вердикт — это не просто мнение индивида, но и фактор, формирующий вкус общества и обогащающий язык культуры.

Контекстуальный анализ и рецепция искусства. Для понимания роли социального фактора в критике необходимо прежде всего обратиться к контекстуальному анализу. Каждое произведение искусства является лингвистическим и культурным продуктом конкретной исторической эпохи. Такие мыслители, как Теодор Адорно и Вальтер Беньямин, подчеркивали, что произведение искусства скрывает в себе производственные отношения и социальные противоречия своего времени. Рассматривая пример азербайджанской литературы на основе сатиры Мирзы Алекпера Сабира лишь как «стихотворение с красивой рифмой», значит не видеть его семантической глубины. Без учета феодальных пережитков той эпохи, невежества и потребности народа в духовном пробуждении, суждение о творчестве Сабира будет выглядеть пустым и методологически необоснованным.

Связь искусства с обществом также сопряжена с вопросами социального заказа и рецепции (восприятия). В этом контексте критик должен задаться вопросом: как произведение принимается массой? Подтверждает ли оно существующие социальные нормы или подвергает их критике посредством дискурсивной атаки? Ответ на этот вопрос является ключевым фактором, определяющим художественную судьбу произведения, так как критическое суждение формируется именно в процессе этого восприятия и утверждает общественный статус труда.

Искусство как процесс самопознания общества. Выдающийся критик Яшар Гараев отмечал, что искусство — это также процесс самопознания общества. Это означает, что если произведение способно выявить скрытые боли и чаяния общества, его социальная ценность высока. Например, пьеса Джалила Мамедкулизаде «Книга моей матери» (*Anamın kitabı*) — это не только драматургический успех, но и эстетико-лингвистическое выражение поиска национальной идентичности Азербайджана [3, с. 12]. Критик должен чувствовать

этот социальный груз, раскрывать духовные пласты, выстроенные автором с помощью языка, и разъяснять их читателю. Только в этом случае образец искусства перестает быть пассивным текстом и превращается в активную силу, стимулирующую духовное развитие общества.

Однако чрезмерное выпячивание социального фактора в суждении таит в себе опасность превращения искусства в «социологическую схему». Критика эпохи «социалистического реализма» советского периода является наглядным тому примером. В то время художественное качество и стилистическое своеобразие произведения порой предавались забвению, а оценка давалась лишь идеологической стороне. Современная критика стремится избегать этой методологической ошибки. Социальный фактор в критике играет роль проекции, проясняющей, «для чего» и «для кого» было создано произведение.

Качество критического суждения напрямую зависит от того, насколько правильно сбалансированы социальные и эстетические факторы. Эти два компонента не являются взаимоисключающими, напротив, они представляют собой составные части диалектической целостности. Эстетический фактор отвечает на вопрос «как» (форма), а социальный «для чего» (содержание и цель). Когда критику удастся объединить эти два вопроса, возникает весомое и объективное суждение.

Анализ этого единства в плоскости внутренней структуры художественного текста показывает, что **план выражения** (эстетика), состоящий из художественного языка, лексического выбора, ритма и синтаксического строя, образует неразрывную семантическую целостность с **планом содержания**, воплощающим человеческие судьбы, общественные цели и коллективное сознание. Произведение искусства подобно живому организму: критик, увлеченный лишь внешним украшательством языка, теряет «душу» (социальный месседж) произведения. И наоборот, критик, ищущий только социальное послание, не способен увидеть ту уникальную художественную форму, которую автор создал посредством языка. Истинное критическое суждение требует анализа этих двух пластов в их неразрывности.

Мамед Ариф Дадашзаде был мастером этого синтеза. Рассматривая творчество Самеда Вургуня, он представлял красоту народного языка в его поэзии в единстве с национальным самосознанием и исторической судьбой азербайджанского народа. В современную эпоху этот синтез становится еще более насущным. Например, критик, анализирующий роман Эльчина «Смертный приговор», должен интерпретировать ужасы эпохи репрессий (социальный фактор) через метафорическую систему и авторский стиль письма. Только в этом случае критическое суждение носит как научный, так и убедительный характер [6, с. 210].

Становление информационного общества трансформирует как платформу, так и методологию критического суждения. Хотя социальная доступность

произведений искусства через цифровые платформы достигла максимума, этот процесс приводит к размыванию границ между «массовым одобрением» (лайком) и «художественным качеством». Фундаментальная задача современного критика — воспринимать текст, рожденный в цифровом пространстве, не просто как «технологическую демонстрацию» или языковой эксперимент, а как носителя глубокого духовно-социального кода.

Искусство в эпоху искусственного интеллекта и цифровых медиа.

В данном контексте сетевая литература и тексты, созданные искусственным интеллектом, демонстрируют эстетико-конструктивную точность, однако лишенность социальной сущности препятствует обретению ими подлинной художественной ценности. Живая энергия языка и способность проникать во внутренний мир человека по-прежнему остаются неизменными критериями искусства. Как подчеркивают современные исследователи (Г. Магеррамли, Н. Шамсизаде и др.), терминологическая тяжеловесность и интеллектуальный стиль остаются лишь «шумом», не способным затронуть душу читателя, если они не сопряжены с поиском национальной идентичности и внутренним семантическим богатством языка [7, с 156].

Единство социального и эстетического факторов позволяет рассматривать произведение искусства не просто как текст, а как целостное языковое и смысловое явление. Этот синтез не только дает критику возможности обнаружить неразрывную связь между индивидуальным стилем автора и национально-культурной памятью, но и научно обосновывает момент, когда индивидуальное творчество обретает общенациональное социальное значение.

Заключение. Таким образом, критическое суждение выступает единым защитником как эстетического совершенства, так и духовно-социальных ценностей в процессе формирования общественного вкуса. Данный принцип освобождает критику от функции простого «судьи», возвышая его до уровня стратегического «моста» между творцом и обществом. Для современного критика сочетание цифровой грамотности с эстетическим чутьем, адаптация исконных законов искусства к современным реалиям — это уже не выбор, а необходимость.

Взаимодействие социальных и эстетических факторов в критическом суждении — это не просто техническое сопряжение, а внутренняя необходимость, определяющая форму бытия искусства. Исследования показывают, что произведение искусства не является просто документом, отражающим жизнь общества, но также является объектом, измеряемым лишь критериями формальной красоты. На самом деле критическое суждение рождается на стыке этих двух полюсов, формируя целостную систему оценки.

Социальный фактор вдыхает в произведение жизнь и связывает его с человеческой судьбой. Однако этот фактор становится фактом искусства лишь тогда, когда выражается через эстетическую форму и лингвистические коды. Богатый

опыт азербайджанской критики, в частности подходы таких мыслителей, как Мамед Джафар Джафаров и Яшар Гараев, доказывает, что «социальность», лишенная художественного качества, не более чем сухая декларация [5, с. 45]. В то же время «чистый эстетизм», не несущий в себе болей и чаяний общества, отдаляет искусство от его истинной миссии — познания человека и мира.

В современную цифровую эпоху сохранение этого единства усложнилось, но стало еще более важным. Технологические инновации расширяют границы эстетического восприятия, но человеческий фактор и социальная ответственность в основе искусства остаются неизменными. Сегодняшняя задача критика не только анализировать «как» создано искусство (технико-эстетическая сторона), но и прогнозировать, какой семантический след оно оставит в душе человека и памяти общества.

Список литературы

1. Абдуллазаде А. А. *Искусство и истина*. — Баку: Элм, 1991.
2. Ахундзаде М. Ф. *Избранные сочинения: в 3-х т.* — Т. 2. — Баку: Элм, 1988.
3. Гараев Я. В. *Критика: проблемы, критерии*. — Баку: Язычы, 1985.
4. Гусейнов Ф. С. *Искусство и духовность*. — Баку: Язычы, 1989.
5. Джафаров М. Дж. *Эстетические думы*. — Баку: Гянджлик, 1982.
6. Талыбзаде К. А. *История азербайджанской литературной критики*. — Баку: Маариф, 1984.
7. Шамсизаде Н. С. *Теория азербайджанской литературной критики*. — Баку: Элм, 2004.

Научное издание

Научный диалог: теория и практика

Материалы международного научного форума
(г. Москва, Форум 12 февраля 2026 г.)

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 12.02.2026 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 7,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

